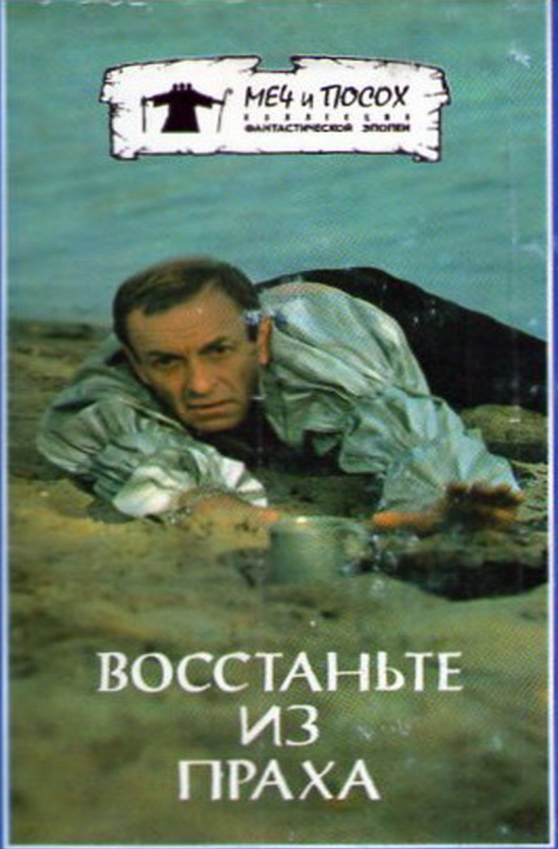
МЕЧ и ПОСОХ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ



ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

САГА О МИРЕ РЕКИ

Ф.ФАРМЕР

Восстаньте из праха (перевод М. Ахманова)

Филип Хосе Фармер

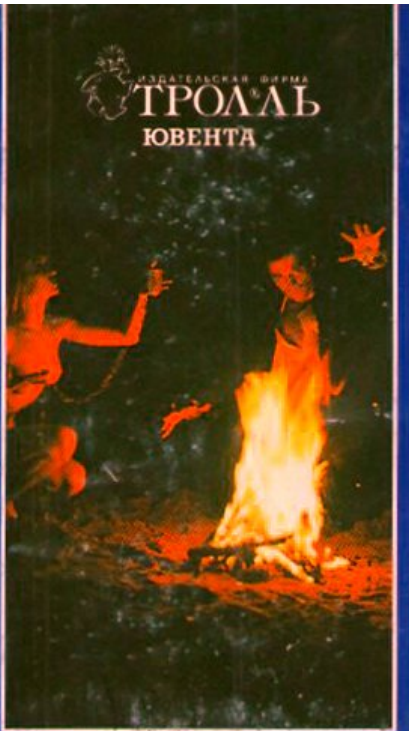
Аннотация
Филип Хосе Фармер. Восстаньте из праха
ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГЛАВА ВТОРАЯ
ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ПЯТАЯ
ГЛАВА ШЕСТАЯ
ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Аннотация

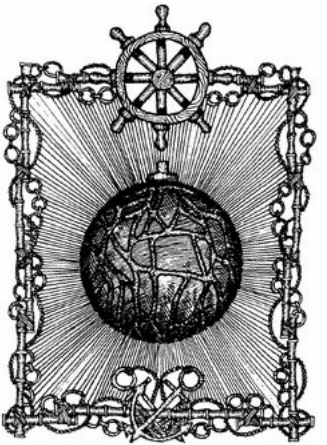
Известный исследователь Востока сэр Ричард Бартон, погибший от предательского удара ятаганом, просыпается на берегу огромной Реки в обществе других умерших — все человечество стало жертвой чьего-то чудовищного эксперимента. Кому под силу воскресить миллиарды людей и населить ими этот неведомый мир? Отважный Ричард Бартон и неунывающий Марк Твен не хотят быть пешками в чужой игре и пытаются приоткрыть завесу тайны.

Филип Хосе Фармер
Восстаньте из праха



ВОССТАНЬТЕ ИЗ ПРАХА

СКАЗОЧНЫЙ КОРАБЛЬ



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Жена обхватила руками немощное тело Бартона, как будто ее объятия могли спасти его от смерти. Хриплый возглас слетел с его пересохших губ.

— Бог мой, — простонал он, — я умираю!

Дверь комнаты внезапно отворилась. Там, снаружи он увидел гигантского черного верблюда; колокольчики на его сбруе бренчали под порывами пыльного, жаркого ветра пустыни. В проеме двери появилась фигура чернокожего евнуха, голову которого венчал огромный черный тюрбан. Евнух шагнул в комнату; он надвигался как темная мрачная туча, сжимая в руке сверкающий ятаган. Смерть. Разрушительница наслаждений и Разлучи-тельница собраний пришла за ним.

Бартон проваливался в пустоту, во тьму. Его сердце остановилось, но он не ощутил этого. Великое небытие распростерло над ним свои крылья.

Неожиданно глаза его раскрылись. Сердце робко сжалось — раз, другой — и забилось ровно и мощно. Сила, могучая сила, вливалась в его тело; исчезли мучительные боли в суставах ног, в пе-

чени, в груди. Его окружала вселенская тишина, и он слышал, как кровь пульсирует в висках. Неужели он одинок в мире безмолвия, наполненном ярким светом? Нет. Что-то плыло невдалеке, но он никак не мог идентифицировать непонятные предметы.

Где он находится? Что с ним? Он пошевелил ногами, попытался сесть, но тут же замер от страха; под ним не было ничего, он висел в пустоте. Попытка сесть привела к тому, что положение его тела несколько изменилось — как будто он шевелился в бассейне, наполненном густой жидкостью. Он заметил в полутора футах от пальцев своей вытянутой руки металлический блестящий стержень с красноватым отливом. Стержень шел сверху вниз: он свисал из бесконечности и опускался в бездну. Бартон попытался ухватиться за ближайший материальный предмет, но рука натолкнулась на преграду — стержень окружало невидимое силовое поле.

Судорожно дернув ногами и изогнувшись, он сумел приблизиться к стержню на расстояние четверти фута. Еще раз согнув и резко распрямив ноги, он отвоевал еще один дюйм, но сопротивление загадочного поля остановило его. Хуже того — внезапно тело начало поворачиваться вокруг

продольной оси. В растерянности он замахал, заколотил руками по воздуху, хватаясь за пустоту, но остановить вращения не смог.

Его развернуло вниз лицом. Но откуда ему знать, что это направление следовало считать низом; с равным успехом оно могло оказаться именно верхом. Но, как бы то ни было, теперь ему открылась часть пространства, противоположная той, которую он обозревал сразу после пробуждения. Впрочем, он не заметил существенной разницы; верх и низ выглядели абсолютно одинаково. А он висел в пространстве, окруженный невидимой силовой оболочкой, неощутимо поддерживающей тело. В шести футах под ним висело обнаженное женское тело, полностью лишенное волос, и с очень бледной кожей. Казалось, женщина спит. Глаза ее были закрыты, грудь вздымалась от неторопливого дыхания; ноги вытянуты и сведены вместе, а руки прижаты к туловищу. Она медленно вращалась, как ощипанный цыпленок на вертеле. Очевидно, она находилась во власти той же силы, которая вращала и тело Бартона.

Он медленно повернул голову и увидел множество других тел — мужских, женских, детских. Безмолвные ряды вращающихся тел, нагих и

полностью лишенных волос, окружали его со всех сторон. Прямо над ним висело тело негра.

Приподняв голову, он осмотрел собственное тело, как оказалось, такое же нагое и лишенное волос. Гладкая молодая кожа обтягивала упругие мышцы живота и рельефные, сильные икры ног; дряхлые синие вены и многочисленные шрамы исчезли. Это тело принадлежало юноше, а не больной развалине, мгновение назад испустившей последний вздох.

Внезапно он понял, что вокруг не видно тел стариков и старух. Люди, окружавшие Бартона безмолвными шеренгами, были молоды. Он затруднился бы определить их возраст точнее, так как непривычная нагота безволосых тел придавала им одновременно и взрослости, и молодости. И все же он готов был поклясться, что любому из них не более двадцати пяти.

Некогда он похвалялся, что ему не ведомо чувство страха. Но сейчас панический ужас тисками сжал ему горло, темной пеленой застлал сознание, по капле выдавливая из тела вновь обретенную жизнь.

Мысль, что он все еще существует, ошеломила его. Потом необычность ситуации несколько затормозила его чувства; казалось, что толстое

полупрозрачное стекло отделило его от фантастического окружения. Через несколько мгновений в голове у него что-то щелкнуло и экранирующее стекло исчезло. Мир обрел четкие контуры и формы; он легко мог наблюдать и осознавать их, но не объяснить. Над ним, под ним, со всех сторон — везде-насколько хватало глаз, висели нагие тела. Они располагались вертикальными слоями, которые разделялись решетками из красных стержней, тонких, как прутики. Один стержень шел на расстоянии фута от ног спящих, другой — на таком же расстоянии от их голов. Между телами расстояние составляло шесть футов в любом из направлений — вверх, вниз, вправо, влево.

Стержни тянулись из простиравшейся внизу пропасти и уходили наверх, в бесконечность. Серый туман, в котором растворялись стержни, как и ряды тел, не имел ничего общего с небом или с землей. Туское, унылое пространство тянулось вдаль, заполненное телами, помещенными в узлы гигантской кристаллической решетки.

Бартон огляделся. Невдалеке от него плавало тело смуглого мужчины, напоминавшего итальянца. С другой стороны — женщина, по-видимому — индианка; за ней — молодой человек с нордическими чертами лица. Что-то показа-

лось Бартону странным. После третьего оборота ему удалось рассмотреть правую руку юноши, ярко-красную от локтя и до кончика пальцев, по-видимому, лишенную кожи. Затем он обратил внимание на мужчину, на лице которого отсутствовала не только кожа, но и мышцы. Присмотревшись, он заметил и другие тела с недостающими органами, а вдали неторопливо вращался скелет — Бартон не разглядел мышц, только свернутые в клубки внутренности.

Он продолжал озираться, пока тело его медленно вращалось. Страх волнами захлестывал его сознание. Внезапно он понял, что находится внутри таинственного колоссального сооружения и что металлические стержни излучают невидимое поле, поддерживающее в пространстве миллионы — если не миллиарды — человеческих существ. В огромной усыпальнице бодрствовал только он.

Где находится это место?

Разумеется, не в Триесте 1890 года, входившем в состав Австро-Венгерской империи. Но, с другой стороны, то, что его окружает, совершенно непохоже на любую известную ему версию загробной жизни — хотя в этом вопросе он всегда считал себя знатоком.

Итак, он умер, но ожил снова. Доктрины всех религий, которые он изучал, допускали загробное существование, но подобная идея вызывала у него только усмешку. Теперь же, очнувшись, он не мог отрицать, что эта идея наполнена смыслом. На его счастье рядом нет никого, кто мог бы сказать ему с усмешкой: «Ну что, проклятый нечестивец, убедился?»

Он прикинул, что один оборот совершает секунд за десять, это давало возможность подробно рассмотреть близвисящих соседей. И тут в поле его зрения попало нечто, от чего он едва не задохнулся. В пятом ряду находилось тело, которое лишь на первый взгляд казалось человеческим, потому что ни один представитель расы Гомо Сапиенс не имеет четырех пальцев на руках и ногах! Как не имеют люди кожистых носов, похожих на собачьи, тонких черных губ и ушных раковин странной формы!

И все же страх постепенно отступал. Хотя он еще не обрел привычного состояния спокойной уверенности, удушье прошло, сердце забилось ровнее, сознание прояснилось. Бартон должен найти кого-нибудь, кто сможет объяснить, куда он попал. И зачем. Но сначала он должен решить, каким образом выбраться из данного состояния

— ведь сейчас он беспомощен, как кабан, насаженный на вертел. Одновременно с решимостью к нему вернулось желание действовать.

Он согнул колени и затем резко выпрямил ноги; движение продвинуло его вперед на дюйм-полтора. Он снова с силой оттолкнулся ногами, заметив, что преодолевает сопротивление невидимой силы. Но стоило остановиться, как что-то медленно, но уверенно, отодвинуло его обратно в первоначальное положение.

Он начал с яростью работать руками и ногами — подобно пловцу, борющемуся с сильным встречным течением. Ему вновь удалось немного продвинуться, но, чем ближе к стержню он оказывался, тем сильнее становилось противодействие выталкивающего поля, в котором он застревал и барахтался как муха в паутине. Но он не собирался сдаваться. Если уступить, то снова окажешься в исходной точке, уставший и обессиленный. Он не привык отступать, он будет бороться, пока его тело сохраняет хоть каплю энергии.

Бартон тяжело дышал, его конечности с трудом преодолевали сопротивление вязкой среды, на теле выступил пот. Но он все же продвигался вперед! И, наконец, пальцами левой руки он дотянулся до стержня, теплого и твердого наощупь.

Внезапно вернулось ощущение веса; Бартон понял, где действительно находится низ, и в то же мгновение начал падать. Прикосновение к стержню подействовало, как волшебное заклятие. Удерживавший силовой кокон исчез, и его тело полетело вниз. Инстинктивно пытаясь задержать падение, он ухватился левой рукой за стержень. Его движение замедлилось; теперь он скользил вдоль стержня, ощущая ладонью усиливающийся жар от трения. Когда боль стала нестерпимой, он ухватился за стержень другой рукой, пытаясь замедлить падение.

Перед ним, по другую сторону стержня, начали падать тела. Они плавно двигались вниз, продолжая вращаться, сохраняя свое положение и интервалы между соседями. Один из слоев гигантской кристаллической решетки заскользил куда-то вниз, в бездну.

Затылок Бартона, лишенный волос, ощутил слабое дуновение. Он оглянулся — слой позади него тоже пришел в движение. Одно за другим, вытянувшись, но не прекращая вращаться, тела проносились мимо в нескольких дюймах от него. Он плотнее прижался к стержню, испугавшись, что падающие тела собьют его с ненадежной опоры и увлекут следом — вниз, в пропасть.

Сначала он просто разглядывал бесконечную череду проносящихся мимо людей, затем начал считать их. Он всегда любил точные цифры. Однако его терпение иссякло, когда он досчитал до трех тысяч. Он висел на шесте и тупо взирал на водопад плоти. Куда, в какую невообразимую глубину несутся тела? Сколько их? Что с ними станет? Прикоснувшись к стержню, он невольно послужил виновником их бесконечного падения, каким-то образом выключив генерируемое силовое поле.

Он не мог ползти вверх по гладкому стержню, но мог запросто скользить вниз. Он начал осторожно двигаться вдоль стержня, разглядывая пространство под собой, тонувшее в серой мгле. Когда он поднял голову и посмотрел вверх, то мгновенно позабыл о водопаде тел, со свистом проносящихся мимо.

Узкий предмет, отливающий яркой зеленью, опускался между слоем падающих тел и тех, что оставались неподвижными. Предмет напомнил Бартону вытянутое индейское каноэ, и его движение сопровождалось слабым гулом; Бартон не заметил никаких устройств, способных удерживать предмет в воздухе. Абсолютно никаких, отметил Бартон, вспомнив волшебный ковер-са-

молет из сказок 1001 ночи.

Из-за края воздушного аппарата высунулось лицо. Зеленое каноэ замерло, и гудение прекратилось. Рядом с первым лицом возникло еще одно. Бартон заметил, что у людей длинные темные волосы и смуглая кожа. Когда лица исчезли, снова раздался гул невидимого двигателя, и предмет медленно двинулся к нему. Их разделяло всего футов пять, когда каноэ остановилось: на его носу имелось небольшое изображение раскручивающейся белой спирали. Один из людей в странном экипаже произнес загадочную фразу. Незнакомые гортанные слова со множеством гласных звуков напоминали полинезийские наречия.

Внезапно невидимый силовой кокон сомкнулся вокруг Бартона. Падающие тела стали двигаться все медленнее и вскоре застыли в полной неподвижности. Бартон почувствовал, как неодолимая сила потянула его наверх. Он с отчаянием цеплялся за стержень руками; его ноги поплыли вверх, за ними последовало тело, затем разжались пальцы. Бартон почувствовал, что контакт с окружающим миром слабеет — полупрозрачное стекло накрывало и затягивало его сознание. Он проплыл мимо каноэ и замер над ним. Лежа на животе, он смотрел вниз на сидящих в воз-

душном экипаже людей. Они были едва одеты, с темной кожей, как у йеменских арабов, но с европейскими чертами красивых смуглых лиц.

Один из них поднял руку, в которой блеснул небольшой металлический стержень размером с карандаш. Бартон решил, что это — какое-то оружие; внезапно нахлынувшая ненависть к смуглому незнакомцу заставила его взреветь от ярости. Ощущая свое бессилие, он судорожно замахал руками, пытаясь приблизиться к каноэ. Его перекошенный рот захлебывался от крика.

— Убью! — ревел он. — Убью! Убью! Убью!.. — вновь окунаясь в забвение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Он лежал на траве у воды под сенью плакучих ив, а над ним возвышался Бог. В широко раскрытых глазах человека застыло беспомощное недоумение новорожденного младенца. Бог тыкал ему под ребра концом металлического прута. Бог казался человеком среднего возраста, высоким, с длинной черной раздвоенной бородой, одетым как джентльмен времен правления королевы Виктории.

— Ты опоздал, — произнес Бог... — Опоздал с оплатой своего долга. Ты понял?

— Какого долга? — с удивлением спросил человек, проверяя пальцами ребра, дабы удостовериться, что они целы.

— Что? Ты не знаешь о своем долге? — рассмеялся Бог. — Ты обязан мне плотью, Ричард Френсис Бартон. — Он опять ткнул прутом в грудь человека. — Не говоря уже о душе. Ты задолжал мне за тело и за душу, что одно и то же!

Бартон попробовал подняться на ноги. Никто, даже Бог, не смеет безнаказанно уйти, потыкав ему в ребра.

Бог, не обращая внимания на тщетные попыт-

ки, вытащил массивные золотые часы из кармана жилета, отщелкнул резную крышку, взглянул на циферблат и произнес:

— Давно пора.

Затем он протянул Бартону руку, повернув ее ладонью вверх.

— Платите, сэр. В противном случае, я вынужден буду лишить вас права дальнейшего пользования.

— Пользования чем?

Наступила тьма. Бог начал растворяться во мраке. Именно тогда Бартон заметил, что Бог похож на него самого: такие же темные прямые волосы, такое же смуглое лицо и такие же черные колючие глаза, высокие скулы, полные губы и выдвинутый вперед слегка раздвоенный подбородок. Такие же глубокие длинные шрамы — следы сомалийского дротика, пронзившего его челюсть во время памятной схватки близ Берберы — виднелись и на щеках Бога. Небольшие руки и ноги резко контрастировали с широкими плечами и мощной грудью. И он носил усы — длинные густые усы, из-за которых бедуины прозвали Бартона «отцом усачей».

— Ты больше похож на дьявола, — крикнул Бартон исчезающему Создателю, но тот уже пре-

вратился в одну из теней, скользящих во тьме.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бартон спал, но был уже на той грани пробуждения, когда человек сознает, что еще спит. Утренний свет сменил уходящую ночь.

Глаза его открылись, наполненные недоумением. Он не понимал, где находится.

Вверху раскинулось голубое небо. Обнаженное тело ласкал легкий ветерок. Его лишенная волос голова, спина, ноги и ладони рук касались травы. Он повернулся направо и увидел равнину, покрытую короткой ярко-зеленой травой. Равнина тянулась примерно на милю, затем начинался плавный подъем, переходящий в гряду холмов, сначала пологих, затем все более и более крутых. Дальше их беспорядочные очертания постепенно сливались с подножием гор. Все возвышенности заросли деревьями; некоторые из них сверкали алой, лазурной, ярко-зеленой листвой, испещренной желтыми и темно-красными пятнами. Горы вздымались крутой, почти перпендикулярной стеной и казались невообразимо высокими. Черный и темно-зеленый цвета скалистых массивов напоминали стекловидные породы вулканического происхождения; не менее четверти их

поверхности скрывали пятна лишайника.

Равнина до самых холмов была усеяна множеством человеческих тел. Ближе всех, лишь в нескольких футах от Бартона, лежала женщина, которая прежде находилась в нижнем от него ряду.

Бартон попытался подняться, но тело его, застывшее и вялое, еще отказывалось повиноваться. С большим усилием он повернул голову налево. Взгляду его открылся еще один участок равнины, покрытый нагими телами. Равнина плавно опускалась к реке, струившейся в сотне ярдов от него. Как показалось Бартону, ширина реки составляла около мили; на другом ее берегу простиралась такая же равнина, плавно поднимавшаяся к подножию холмов, сплошь покрытых деревьями. Еще дальше громоздились отвесные горные кручи, над которыми только что показалось солнце. Там был восток.

Почти у самой воды располагалось непонятное сооружение. Казалось, оно сложено из серого с красными прожилками гранита; форма его напоминала гриб. Основание этой структуры имело не меньше пяти футов в высоту, а шляпка гриба была в диаметре футов пятнадцать.

Наконец, ему удалось приподняться, опираясь

на локоть.

Вдоль обоих берегов реки виднелось множество таких же гранитных грибов. Повсюду на равнине лежали обнаженные безволосые человеческие тела с интервалом примерно в шесть футов. Большинство лежало на спине, устремив взор в небо. Некоторые уже начинали шевелиться; они озирались по сторонам и пытались привстать.

Бартон сел и провел руками по лицу и голове, ощутив упругость молодой кожи. Тело его больше не принадлежало высохшему, сморщенному, скрюченному от подагры старику, возлежавшему на смертном ложе. Сейчас у него была гладкая кожа и могучее мускулистое тело двадцатипятилетнего мужчины — такое же, как и тогда, во сне, когда он плавал между двумя красными стержнями. Во сне ли? Видение казалось слишком отчетливым и ярким для сна. Нет, то был не сон.

Его запястье охватывала лента из прозрачного материала. От нее тянулся ремешок из того же материала, длиной около шести дюймов. Второй конец ремешка был зажат в металлической дужке — рукоятке цилиндра из сероватого материала. Сверху цилиндр плотно закрывала крышка.

Лениво, почти бессознательно, поскольку мозг его работал еще слишком вяло, он поднял

цилиндр. Сосуд весил меньше фунта и казался пустым; вряд ли он был изготовлен из железа, хотя на вид казался металлическим. Диаметр цилиндра равнялся полутора футам, высота — фута два с половиной.

Точно такой же предмет был прикреплен к запястью каждого находившегося на равнине человека.

Все еще пошатываясь, он поднялся на ноги. Сердце постепенно стало биться чаще, силы возвращались к нему.

Остальные тоже стали подниматься. Почти у всех были недоумевающие, озабоченные лица; некоторые выглядели испуганными. Одни озирались по сторонам широко раскрытыми глазами, дыхание с хрипом вырывалось из их пересохших глоток, на висках выступал пот; другие тряслись так, словно стояли на ледяном ветру, хотя воздух был достаточно теплым.

Вокруг царила абсолютная тишина — странная, непостижимая, пугающая. Никто не произносил ни слова. Он слышал только учащенное дыхание людей, находившихся поблизости; их рты были открыты, как будто они хотели что-то сказать.

Постепенно они начали двигаться, робко прикасаясь друг к другу, заглядывая в лица. По-

качиваясь, двигая по траве босыми ногами, они поворачивались то в одну, то в другую сторону, смотрели на холмы, на деревья, усыпанные огромными, яркоокрашенными цветами, на покрытые лишайником, устремившиеся ввысь горные вершины, на искрящуюся зеленью реку, на грибовидные камни, на прикрепленные к их запястьям металлические контейнеры. Некоторые ошеломленно ощупывали лица и безволосые головы, снова и снова повторяя свои бессмысленные движения. И все это происходило в полной тишине.

Внезапно одна из женщин застонала. Она опустилась на колени, запрокинула назад голову и испустила вопль, похожий на волчий вой. В тот же момент у реки ей ответил мужской голос.

Эти два вопля стали сигналом — или, скорее, ключом, который начал отпирать человеческие уста.

Мужчины, женщины, дети принялись кричать, плакать, царапать лица ногтями, бить себя в грудь, падать на колени и воздевать ввысь руки в молитве, бросаться навзничь, пряча лица в траве, кататься по земле, скулить как собаки и выть подобно волкам.

Ужас охватил Бартона. Ему захотелось упасть

на колени и молиться о спасении в этот день Страшного Суда. Он жаждал милосердия. Он страшился увидеть ослепительное лицо Бога, которое могло появиться над вершинами гор — грозное и более яркое, чем солнце. Он не был столь невинным — или столь храбрым — как казалось ему раньше. Страшный Суд представлялся ему настолько ужасным и всецело окончательным, что он не мог вынести даже мысли о нем. Когда-то во сне ему привиделось, как после смерти он предстал перед Богом. Нагой и ничтожный, он в полном одиночестве стоял посреди огромной равнины, напоминающей эту. И вот Бог, огромный, как гора, двинулся к нему. И он, Бартон, не сошел с места. Он бросил вызов самому Богу!

Он не видел здесь следов божества, но все же бросился бежать, словно стремился спастись от занесенной над ним карающей десницы. Он мчался по равнине, натыкаясь на одних, сбивая с ног других, перепрыгивая через третьих; его руки вертелись как крылья ветряной мельницы и прикрепленный к запястью цилиндр описывал круги в воздухе. Дикий вопль загнанного зверя сорвался с его пересохших губ:

— Нет! Нет, о боже!

Вскоре он настолько запыхался, что не мог

больше кричать; руки и ноги налились свинцом, воздух обжигал легкие, а сердце стучало как барабан. Бежать дальше не было сил, и он свалился наземь под первым же деревом.

Через несколько минут он сел и взглянул на равнину. Крики и вопли толпы слились в один ужасный гул. Большинство людей пытались что-то сказать, хотя их никто не слушал. Бартон не мог различить ни одного отдельного слова. Некоторые мужчины и женщины обнимались и целовались, словно были знакомы всю предшествующую жизнь; казалось, что, прикасаясь друг к другу, они стремятся удостовериться в подлинности и реальности произошедшего.

Среди огромной толпы можно было различить множество детей, лет пяти и старше. Одни рыдали, уткнувшись лицом в траву; другие, тоже плачущие, сновали среди взрослых, стараясь заглянуть им в глаза — очевидно, искали родителей.

Дыхание Бартона стало ровнее. Он встал на ноги и оглянулся. Над ним простирала ветви красная сосна (иногда ошибочно называется норвежской), достигавшая в высоту двухсот футов. За ней находилось дерево, которое он никогда раньше не видел; он сомневался, что нечто подобное

когда-либо существовало на Земле. У этого дерева был толстый, покрытый наростами, черный ствол, возносившийся на три сотни футов вверх, и множество массивных веток с треугольными огромными листьями, зелеными, с красными прожилками. Остальные деревья, теснившиеся на склоне холма, напоминали белые и черные дубы, ели, тисы и кедры.

Подлесок состоял из высоких, тонких, похожих на бамбук растений; все пространство, свободное от деревьев, покрывала трава трехфутовой высоты. Ни птиц, ни животных, ни насекомых не было видно.

Бартон огляделся в поисках подходящей палки или дубины. Он не имел ни малейшего понятия, что будет следующим в повестке дня, но всегда считал, что если человечество оставить без присмотра, оно быстро вернется к своему нормальному состоянию. Как только пройдет первое потрясение, люди вновь займутся своими проблемами. А это, как всегда, означало, что сильные начнут вколачивать в слабых уважение к установленным ими правилам игры.

Он не нашел ничего, что могло бы послужить оружием. Затем ему пришло в голову, что в этом качестве с успехом можно использовать серый

цилиндр. Он стукнул им по стволу дерева, и хотя сосуд был очень легким, его корпус выдержал сильный удар.

Бартон поднял крышку, закрепленную с одной стороны на петле. Примерно посередине цилиндр пересекала пластина с шестью отверстиями, расположенными по кругу. В эти прорези были вставлены миски, глубокая чаша, похожая на шейкер, и прямоугольный контейнер. Сейчас вся эта посуда была пустой. Он закрыл крышку. Несомненно, в свое время он узнает, для чего предназначен этот цилиндр.

Он провел ладонью по упругой коже груди, потом ощутил под пальцами твердую выпуклость ребра. Что бы ни случилось в дальнейшем, воскрешение из небытия, очевидно, не повлияло на хрупкое равновесие человеческого тела. Все было на своем месте — и кости, и кровь, и плоть. И хотя он еще в какой-то степени ощущал себя отрешенным от реальности — как будто его отключили от нормального хода мировых событий — он уже вполне оправился от потрясения.

Он почувствовал жажду.

Он должен спуститься к реке и напиться; по-видимому, вода в ней не ядовитая. При этой мысли он криво усмехнулся и привычным жестом про-

вел пальцем по верхней губе. Наткнувшись на гладкую кожу, он с разочарованием вспомнил, что его пышные усы исчезли. О да, конечно, вода в реке не отравлена. Что за нелепая мысль! К чему возвращать мертвецу жизнь только затем, чтобы снова убить его? И все же он еще долго стоял под деревом. Ему совсем не хотелось идти назад, к реке, сквозь эту бессмысленно гомонящую, истерически рыдающую толпу. Здесь, вдали от людей, он освободился от ужаса и паники, затопивших их подобно морским волнам. Но если он отважится нырнуть туда, его снова могут захлестнуть эмоции толпы.

Он заметил, как какая-то фигура отделилась от скопища обнаженных тел и медленно побрела к нему. Он увидел, что то был не человек!

И только теперь Бартон полностью осознал, что такой День Воскрешения не могла бы предсказать ни одна из сотен земных религий.

Бартон не верил в бога, изображаемого христианами, мусульманами, индусами или приверженцами любой другой известной ему религиозной доктрины. По сути дела, он сильно сомневался в существовании какого-либо Верховного Создателя. Он верил только в Ричарда Френсиса Бартона и еще в нескольких своих друзей. И он был твердо

убежден в том, что когда умрет, мир для него прекратит свое существование.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда он пробудился от смерти в этой долине у реки, ему трудно было опровергнуть сомнения, существующие у каждого человека, который, по крайней мере, в детстве ощутил влияние религии и провел всю жизнь в обществе, где наличие религиозных воззрений считалось нормой.

Сейчас, глядя на приближающееся существо, он понял, что должно быть какое-то иное толкование событий, совершенно не связанное со сверхъестественными причинами. Для объяснения этого мира следует привлечь научные, физические теории, а не иудейско-христианско-мусульманские легенды.

Это создание — оно, нет, скорее всего, он (в мужском естестве сомнений не было) — передвигалось на двух ногах. Хотя его рост значительно превосходил шесть футов, тело с бледнорозовой кожей казалось очень хрупким на вид. Его узкая длинная четырехпалая ладонь строением напоминала человеческую — большой палец был отделен от остальных. Ниже сосков на груди располагались два темно-красных пятна. Лицо — почти человеческое с густыми черными бро-

вями[1], свисающими над резко очерченными скулами Ноздри окружала колышащаяся губчатая ткань. Утолщенный хрящ на конце носа прорезала глубокая впадина. Губы были тонкие, кожистые и черные. Уши не имели мочек и очертания ушной раковины очень сильно отличались от человеческих. Мошонка его выглядела так, будто она содержала множество маленьких яичек.

Он уже видел это существо, плавающее в одном из рядов в том кошмарном месте.

Существо остановилось в нескольких шагах от него, улыбнулось, обнажив совершенно человеческие зубы, и произнесло:

— Я надеюсь, вы говорите по-английски. Если же нет, то я могу столь же бегло изъясняться на русском, китайском или хинди.

Бартон был несколько ошеломлен — словно с ним заговорила собака или обезьяна.

— У вас среднезападный американский акцент, — наконец, произнес он. — Весьма недурно. Хотя вы стараетесь слишком точно его воспроизво-

[1] Примечания: 1

В долине Реки люди были воскрешены без волос на теле и на лице. По-видимому, это не коснулось бровей инопланетянина — или следует предположить, что его «брови» состояли не из волос, подобных человеческим (прим. перев.).

дить.

— Благодарю вас, — ответило существо. —Я последовал за вами, поскольку мне показалось, что вы — единственный, у кого нашлось достаточно здравого смысла, чтобы выбраться из этого хаоса. Вероятно, вы можете как-то объяснить это... как вы его называете? Воскрешение?

— Не в большей степени, чем вы, — пожал плечами Бартон. — У меня даже нет никаких объяснений вашего присутствия среди воскресшего человечества.

Густые брови незнакомца дрогнули. Как решил Бартон, этот жест мог означать удивление или негодование.

— Нет? Очень странно. А я мог бы поклясться, что каждый из шести миллиардов жителей Земли слышал обо мне или видел по ТВ.

— По ТВ?

Брови существа снова дрогнули.

— Вы не знаете, что такое ТВ? — растягивая слова, произнес он, но тут же снова улыбнулся. — Ну, конечно же, как глупо с моей стороны! Вы, должно быть, умерли прежде, чем я прибыл на Землю!

— Когда же это случилось?

Его брови поднялись (Бартону показалось, что

сейчас это было эквивалентно задумчивости), и он медленно произнес:

— Давайте разберемся по порядку. Я уверен, что по вашему летосчислению это произошло в две тысячи втором году новой эры. А когда вы умерли?

— В тысяча восемьсот девяностом.

Слова этого создания снова пробудили в Бартоне ощущение нереальности происходящего. Он провел языком по внутренней стороне зубов. Коренные зубы, что он потерял после памятного удара сомалийского дротика, теперь были на своем месте,

— По крайней мере, — добавил он, — я ничего уже не помню после 20 октября тысяча восемьсот девяностого года.

— О! — протянул незнакомец. — Значит, я покинул свою родную планету примерно за двести лет до вашей смерти. Моя планета? Это спутник той звезды, которую вы, земляне, называете

Тау Кита. Мы находились в анабиозе, и, когда наш корабль приблизился к Солнцу, автоматы нас разбудили... но вы, кажется, не понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Все произошло так быстро... О подробностях мы могли бы побеседовать несколько

позднее. Как я должен вас называть?

— Монат Граутат.

— Ричард Френсис Бартон, к вашим услугам.

Он слегка поклонился, улыбнувшись. Несмотря на необычную внешность этого существа и некоторые отталкивающие детали его физиологии, Бартон почувствовал к нему расположение.

— Впоследствии — капитан сэр Ричард Френсис Бартон, — добавил он через мгновение. — На склоне своих дней — консул ее Величества в австро-венгерском порту Триест.

— Елизаветы?

— Я жил в девятнадцатом веке, а не в шестнадцатом.

— Королева Елизавета правила в Великобритании в двадцатом столетии, — сказал Монат и обернулся, поглядев на берег реки. — Почему они так напуганы? Все люди, с которыми мне приходилось встречаться, были убеждены, что загробной жизни не существует — либо они считали, что на том свете будут, несомненно, отнесены к праведникам.

Бартон ухмыльнулся и пожал плечами.

— Те, кто отрицал загробную жизнь, теперь считают, что они попали в ад из-за своих убеждений. Те же, кто надеялся шагнуть прямо на небеса,

испытали страшное потрясение, пробудившись совершенно нагими. На большинстве наших картин религиозного содержания те, кто терпит муки в аду, — обнажены, тогда как праведники в раю — одеты. Так что если вы воскресли с голой задницей, — значит, скорее всего, оказались в преисподней.

— Похоже, что это вас развеселило.

— Несколько минут назад мне было совсем не до смеха, — признался Бартон. — Я тоже испытал потрясение — и очень сильное. Но факт вашего появления здесь подействовал на меня отрезвляюще. Я полагаю, что всему этому существует разумное объяснение, но пока что оно не укладывается ни в одну из существующих на Земле теорий.

— Я сомневаюсь в том, что мы находимся на Земле, — сказал Монат, подняв вверх длинные тонкие пальцы, на которых вместо ногтей были толстые хрящевые подушечки. — Если прищуриться и достаточно внимательно посмотреть вон в том направлении, то можно заметить неподалеку от светила еще одно небесное тело. И это не Луна.

Бартон прикрыл глаза ладонями от света, пристроив металлический цилиндр на плече, и

бросил взгляд на небо. Он

увидел слабо мерцающий диск размером в одну восьмую часть полной Луны. Опустив руки, он спросил:

— Звезда?

— Полагаю, что да, — совсем по-человечески кивнул Монат. — Кажется, в других областях неба тоже виднеются слабо светящиеся тела, но полной уверенности у меня пока нет. Когда наступит ночь, все станет ясно.

— Но где же, в таком случае, мы находимся?

— Откуда мне знать, — Монат сделал жест в сторону солнца. — Сейчас оно поднимается, затем закатится, и наступит ночь. Я думаю, нам не мешало бы подготовиться к ее приходу. И... к другим событиям. Сейчас тепло, но ночью может похолодать; не исключено, что пойдет дождь. Поэтому неплохо было бы соорудить какое-нибудь убежище. Следует также подумать о еде. Хотя почему-то мне кажется, что это устройство, — он указал на цилиндр, — накормит нас.

— Почему вы так думаете?

— Я заглянул внутрь. Там лежат терелки и чашки — сейчас, правда, пустые. Не, очевидно, их создали для того, чтобы наполнять пищей.

Ощущение нереальности, преследовавшее

Бартона, несколько ослабло. Это существо — этот таукитянин! — рассуждал так прагматично, так осмысленно, что стал тем якорем, который сумел закрепить мятущийся корабль его разума. И, несмотря на откровенную чужеродность этого создания, оно казалось дружелюбным и искренним; это согревало душу Бартона. Кроме того, любое существо, представляющее цивилизацию, способную преодолеть миллионы миль межзвездного пространства, должно обладать очень ценными знаниями и способностями.

От толпы стали понемногу отделяться другие люди. Группа примерно из десяти мужчин и женщин медленно брела к ним. Некоторые разговаривали, другие шли молча, широко раскрыв глаза. Было непохоже, что у них имелась какая-то определенная цель. Их просто несло куда-то, как облако, гонимое ветром. Подойдя ближе, они остановились.

Внимательный взгляд Бартона упал на мужчину, который плелся в конце группы. Монат, совершенно очевидно, не являлся человеком, но и этого парня трудно было отнести к роду Гомо Сапиенс. Вид его напомнил Бартону иллюстрации в книгах по естественной истории, изображавшие предполагаемый облик неандертальцев. Ростом

около пяти футов, приземистый и очень мускулистый, он низко склонил голову на могучей шее. Его лоб

был низким и скошенным назад, череп — узким и продолговатым. За огромными мясистыми веками прятались темно-коричневые глаза. Нос представлял собой комок плоти, окружавшей ноздри. Выпирающие кости челюсти словно выворачивали наружу тонкие губы. Когда-то его тело покрывала шерсть — наверное, столько же густая, как у любой обезьяны, но сейчас, подобно всем остальным, он был лишен волосяного покрова. Его огромные руки казались способными выжать воду из камня. Он непрерывно оглядывался, как будто опасался, что кто-то может наброситься на него сзади. Люди сторонились его.

Вскоре, однако, к неандертальцу подошел высокий мужчина и заговорил с ним по-английски. По-видимому, он не надеялся, что слова его будут понятны — тут, подумал Бартон, скорее имеет значение дружеская интонация голоса. Подошедший был мускулистым юношей шести футов роста. Лицо его, с зелеными глазами, освещенное улыбкой, показалось Бартону очень привлекательным.

Юноша снова что-то сказал и усмехнулся. Сообразив, что к нему обращаются, древний человек отпрянул чуть в сторону и настороженно посмотрел на говорившего из-под низких, выдающихся вперед надбровий. Затем он тоже улыбнулся, обнажив огромные желтые зубы, ударил себя в грудь и произнес фразу на незнакомом Бартону языке; она прозвучала приблизительно как «Каззинтуйтруаабамз». Позднее Бартон узнал, что это было его имя и что оно означало «Человек-Который-Убил-Длиннозубого».

В группу входили еще пять крепких парней и четыре женщины. Двое мужчин знали друг друга еще при жизни на Земле, и один из них являлся супругом невысокой смуглой женщины. Все они были итальянцами или словенцами, жителями Триеста, умершими около 1890 года. Раньше Бартон никого из них не знал.

— Эй, приятель, — обратился Бартон к мужчине, говорившему по-английски. — Подойдите сюда. Как вас зовут?

Мужчина нерешительно приблизился к нему и произнес с ярко выраженным акцентом, характерным для жителей среднезападных штатов:

— Вы англичанин, не так ли?

Бартон протянул руку.

— Да. Я — Бартон.

Парень поднял лишенные волос надбровья, наморщив лоб.

— Бартон? — он наклонился вперед, всматриваясь в лицо своего собеседника. Затем произнес словно про себя. — Трудно сказать. .. Быть этого не может... — Он выпрямился и слеша склонил голову. — Меня зовут Питер Фригейт. Ф р и г е й т.

Оглянувшись на Моната, он натянуто продолжал:

— Не могу сказать определенно... Все так возбуждены, обескуражены. У меня самого такое ощущение, будто я распался на отдельные части. Но... мы здесь... снова живы... снова молоды... и не в аду... во всяком случае, пока. Я родился в тысяча девятьсот восемнадцатом, а умер в две тысячи восьмом — из-за того, что сотворил этот пришелец... Хотя я не виню лично его... ведь он только защищался...

Голос Фригейта перешел в шепот. Он нервно улыбнулся Монату.

— Вы знакомы с ним? — спросил Бартон, указывая на Моната.

— Не совсем, — немного помявшись, ответил Фригейт. — Я, конечно, видел его по ТВ... много слышал и читал о нем.

Он протянул руку так, словно ожидал, что она будет отвергнута. Монат улыбнулся, и они обменялись рукопожатием. Потом американец повернулся к Бартону:

— Мне кажется, нам стоило бы держаться вместе. Так безопаснее.

— Почему? — спросил Бартон, хотя причина ему была достаточно ясна.

— Вы же знаете, какими низкими могут быть люди, — ответил Фригейт. — Как только они привыкнут к новому положению дел, тут же начнется борьба за женщин, еду и вообще за что угодно, представляющее ценность в глазах алчных мерзавцев. И я полагаю, что нам следовало бы подружиться с этим неандертальцем... или кто он там еще. Такие парни будут незаменимы в драке.

Кazz — так его назвали впоследствии — казалось, жаждал, чтобы его приняли в компанию. Но, в то же время, он подозрительно озирался, когда кто-нибудь оказывался слишком близко к нему.

Мимо них прошла женщина, снова и снова монотонно бормоча по-немецки:

— Боже мой, что я такого сделала, чем я обидела тебя?

Какой-то мужчина, размахивая кулаками,

кричал по-
еврейски:

— Борода! Моя борода!

Другой вопил на словенском, показывая на свои половые органы:

— Из меня сделали еврея! Еврея! Только представьте себе! Нет, этого мне не вынести!

Бартон скривил губы в презрительной усмешке и проворчал:

— Этому болвану даже не пришло в голову, что его, может быть, сделали магометанином или австралийским аборигеном, а то и древним египтянином! Ведь все эти народы тоже практиковали обрезание.

— А что он кричал? — поинтересовался Фригейт.

Бартон перевел, и молодой человек рассмеялся.

Какая-то женщина пронеслась вверх по склону холма. Она трогательно пыталась прикрыть руками грудь и лобок.

— Что они могут подумать? О боже! Что они подумают? — повторяла она, скрываясь за деревьями.

Мимо прошли мужчина и женщина. Они говорили по-итал-янски настолько громко, словно

их разделяла широкая автострада.

— Не может быть, чтобы мы находились на небесах... Я знаю, о боже мой, я знаю! Я видела его здесь, этого Джузеппе, а ты знаешь, какой он порочный человек... Он должен был бы гореть в адском пламени! Я знаю... знаю... Он обкрадывал казну, был завсегдателем всех борделей, часто напивался до смерти... а теперь он здесь... здесь!.. Я знаю... я знаю...

Прибежала еще одна женщина, выкрикивая по-немецки:

— Папа! Папа! Где ты? Это же твоя дорогая Хильда!

Высокий мужчина сердито посмотрел на них, не переставая

повторять по-венгерски:

— Я ничуть не хуже других и даже получше многих. За что же, о господи, ты поместил меня вместе с грешниками в ад?

Какая-то женщина причитала:

Я потратила целую жизнь, целую жизнь... Я делала ради них все, все и вот теперь...

Рядом мужчина, размахивая перед собой серым цилиндром как кадилом, призывал:

— Следуйте за мной в горы! За мной! Мне открылась истина, люди добрые! За мной! Мы

спасемся на груди господней! Не верьте этому обману вокруг нас! За мной! Я открою вам глаза!

Остальные несли разную чушь или молчали, плотно сжав губы, как будто опасались выпустить наружу то, что кипело у них внутри.

— Пройдет некоторое время, прежде чем они успокоятся, — заметил Бартон. Он чувствовал, что и ему надо немало времени, чтобы поверить в реальность этого мира.

— Возможно; но они так никогда и не познают истины, — сказал Фригейт.

— Что вы имеете в виду?

— Они не знали Истины — Истины с большой буквы — там, на Земле! Почему же она должна открыться здесь?

Бартон пожал плечами и сказал:

— Не знаю. Но я думаю, что нам обязательно нужно определить, куда мы попали и каким образом можно выжить в этом новом окружении. Когда человек сидит на месте, удача его дремлет!

Он сделал жест в сторону реки.

— Видите эти каменные грибы? Они, похоже, размещены через каждую милю вдоль побережья. Хотел бы я знать, с какой целью!

— Если к ним хорошо присмотреться, — заметил Монат, — то видно, что на поверхности

каждого расположено около семисот круглых углублений. Они точно такого же размера, как и основание цилиндра — так что его можно вставить в любое углубление. В центре каждого камня сейчас находится один цилиндр. Если мы обследуем его, то, возможно, выясним назначение всех остальных. Я полагаю, эти цилиндры помещены на камнях только для того, чтобы подсказать нам, как надо им пользоваться.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К ним подошла женщина среднего роста, стройная, с великолепной фигурой; в обрамлении волос ее лицо выглядело бы прекрасным. Она вскинула на Бартона взгляд больших темных глаз, не делая никаких попыток прикрыть руками свою наготу. Впрочем, вид обнаженного женского тела сейчас не возбуждал Бартона; все его чувства были словно заморожены.

В хорошо поставленном, четком голосе женщины слышался оксфордский акцент:

— Прошу извинить меня, джентльмены, но я не могла не прислушаться к вашей беседе... Впервые — с тех пор, как я очнулась... в этом месте — я услышала английскую речь. Примите меня под ваше покровительство.

— К счастью для вас, мадам, — склонил голову Бартон, вы обратились к нужным людям. По крайней мере, могу вас заверить от своего имени, что готов предоставить вам любую защиту, которая окажется в моих силах. Хотя, будь я похож на нескольких знакомых мне английских джентльменов, вы бы, возможно, раскаялись в своем отрометчивом поступке. Кстати, этот

джентльмен — не англичанин. Он янки.

Теперь он ощущал какое-то странное спокойствие — среди всех этих стонущих и вопящих людей, чьи обнаженные, безволосые тела заполняли речную долину от побережья до подножия холмов.

Женщина протянула Бартону руку.

— Меня зовут миссис Харгривс.

Бартон поцеловал ее тонкие пальцы. Он чувствовал себя очень неловко, однако привычный жест словно укрепил его уверенность в том, что он находится в здравом уме. Если можно будет сохранить правила хорошего тона, то, возможно, удастся восстановить и нормальный уклад жизни.

— Бывший капитан сэр Ричард Френсис Бартон, — отрекомендовался он, слегка улыбнувшись на слове «бывший». — Возможно, вы слышали обо мне?

Она отдернула руку, затем снова протянула ее.

— Да, я слышала о вас, сэр Ричард.

— Не может быть! — воскликнул кто-то сдавленным от волнения голосом.

Бартон обернулся и увидел изумленное лицо Фригейта.

— Что это значит? — с вызовом спросил он.

— Ричард Бартон? — повторил Фригейт. — Несомненно. Правда, совершенно без волос...

— Да-а? — протянул Бартон.

— Да! — кивнул Фригейт. — Точно, как говорится в книгах!

— О чем это вы?

Фригейт глубоко вздохнул:

— Не имеет значения, мистер Бартон. Позже я все объясню. Сейчас достаточно сказать, что я потрясен. Простите меня.

Он внимательно посмотрел на миссис Харгривс, покачал головой и произнес:

— Ваше имя — Алиса?

— Конечно же! — воскликнула женщина и улыбнулась, отчего стала еще прелестней. — Но откуда вам это известно? Разве мы встречались раньше? Нет... я вас не знаю.

— Вы — Алиса Лиддел Харгривс?

— Да!

— Я должен присесть, — сказал американец. Он отошел к дереву и сел, опираясь спиной о ствол. Глаза его затуманились.

«Результат потрясения», — отметил про себя Бартон. И от многих можно в любое время ожидать такого же. Даже его собственное поведение иногда может быть лишено логики... Но время

для занятий психоанализом еще не наступило. Сейчас самым важным было найти кров, пищу и разработать какой-то план совместной защиты.

Бартон заговорил с остальными на итальянском и словенском. Никто не возражал, когда он предложил спуститься к реке.

— Я уверен, что все хотят пить, — сказал он. — Кроме того, мы попробуем обследовать этот каменный гриб.

Люди побрели вслед за ним к прибрежной низине. Повсюду мужчины и женщины сидели и лежали прямо на траве или безостановочно кружили на одном месте. Они прошли мимо громко спорящей пары с раскрасневшимися от гнева лицами. По-видимому, они были когда-то мужем и женой; теперь им представилась возможность возобновить продолжавшийся всю жизнь спор. Внезапно мужчина повернулся и зашагал прочь. Жена с изумлением уставилась на него, затем с криком бросилась вдогонку. Он отшвырнул ее с такой яростью, что женщина покатилась по траве. Мужчина быстро затерялся в толпе; женщина еще долго бродила вокруг, выкрикивая его имя и угрожая устроить скандал, если он не выйдет из своего укрытия.

На мгновение Бартон подумал о своей соб-

ственной жене, Изабелле. Он не заметил ее в толпе, хотя это вовсе не означало, что ее здесь нет. Она будет искать его и не успокоится, пока не найдет.

Он протиснулся сквозь толпу к самому берегу, опустился на колени и зачерпнул воду ладонями. Вода была холодной, чистой и свежей. Он утолил жажду и вдруг почувствовал, что его желудок совершенно пуст. Он был голоден.

— Воды Реки Жизни, — сказал Бартон, задумчиво озирая водную гладь и стараясь не вспоминать о еде. — Стикса? Леты? Нет, не Леты. Я еще сохранил память о своей земной жизни.

— А я бы непрочь кое-что позабыть, — заметил Фригейт, отряхивая с пальцев капли влаги.

Алиса Харгривс опустилась на колени у самой воды и, опершись на руку, зачерпнула воду ладонью. У Бартона мелькнула мысль, что выглядит она в этой позе очаровательно. Ему было любопытно, не станет ли она блондинкой, когда ее волосы отрастут — если они отрастут вообще. Вероятно, тот, кто поместил сюда людей, преднамеренно лишил их волос по какой-то причине, ведомой только ему одному.

Они взобрались на верхушку ближайшего к ним грибообразного сооружения; казалось,

оно состоит из цельной глыбы серого гранита, пронизанного красноватыми прожилками. На его плоской поверхности располагалось около семисот выемок, распределенных примерно по пятидесяти концентрическим окружностям. В центральном углублении стоял одинокий серый цилиндр. Его внимательно рассматривал какой-то смуглый человек с большим носом и слегка скошенным подбородком. Когда они приблизились к нему, он поднял голову и улыбнулся.

— Не открывается, — сказал он по-немецки. — Наверное, это можно будет сделать позже. Я уверен, что его специально поместили сюда. Нам подсказывают, как нужно поступить с нашими собственными контейнерами.

Он представился как Лев Руах и, когда Бартон, Фригейт и Харгривс назвали свои имена, перешел на сильно акцентированный английский,

— Я был атеистом, — признался он, обращаясь скорее к самому себе, чем к остальным. — Теперь же — не знаю! Это место глкоо страшное потрясение для атеиста, как и для искренне верующих, которые представляли свою загробную жизнь совершенно иначе. Что ж, значит, я ошибался! Со мной это случается не впервые! — он рассмеялся и тут же обратился к Монату. — Я узнал вас. Дол-

жен заметить, что вам очень повезло с местом воскрешения — здесь, в основном, люди девятнадцатого века. Иначе вас бы давно линчевали.

— За что же? — удивленно спросил Бартон.

— Он уничтожил все человечество, — сказал Фригейт. — Точнее говоря, я полагаю, что дело ограничилось только людьми.

— Сканирующий деструктор, — печально кивнул таукитя-нин, — был настроен только на вид Гомо Сапиенс. Весь остальной животный мир Земли остался в неприкосновенности. Кроме того, деструктор не мог истребить все человечество — он прекращает свое действие при достижении определенного числа жертв. К сожалению, это число достаточно велико... Поверьте, друзья мои, я не хотел всего этого. Вы не представляете, что я испытал, прежде чем решился нажать кнопку. Но я был вынужден защищать свой народ. Вы, люди, вынудили меня пойти на это преступление.

— Все началось с того злополучного телевизионного интервью, — пояснил Фригейт, заметив недоумение на лице Бартона. — Монат, к своему несчастью, упомянул, что их ученые нашли способ, позволяющий предотвратить старение организма. Фактически это открывало дорогу к бессмертию. Однако мудрые соотечественники

Моната наложили запрет на подобное знание — из высших моральных соображений. Но когда ведущий передачи спросил, можно ли использовать открытие таукитян в условиях Земли, Монат чистосердечно признался, что не видит технических или биологических причин, по которым этого нельзя было бы сделать. Однако, добавил он, его народ отверг искус вечной молодости из самых благих побуждений, — и, безусловно, аналогичный запрет должен распространяться на земное человечество. Только в этот момент чиновник правительства, следивший за ходом интервью, сообразил, какая взорвалась бомба. Он прервал передачу, но было уже слишком поздно.

— Затем, — подхватил Лев Руах, — американское правительство сообщило, что пришелец неправильно понял вопрос. Его плохое знание английского языка якобы привело к ошибке. Но никто этому не поверил. Население Штатов—да, впрочем, и всего остального мира — потребовало, чтобы Монат открыл секрет вечной молодости.

— Но я не был посвящен в эту тайну, — печально кивнул головой Монат. — И ни у кого из членов нашей экспедиции не было таких знаний. Фактически, даже на нашей планете запретным знанием владеют считанные люди. Однако, когда

я попытался это объяснить, ничего хорошего не получилось. Все считали, что я лгу. Поднялся бунт, толпа смяла охрану нашего корабля и ворвалась в звездолет. У меня на глазах мои друзья были разорваны на куски, когда попытались образумить толпу. Какой там разум!

— Но мои дальнейшие действия не были продиктованы чувством мести. Я руководствовался совсем другими побуждениями. Я был уверен, что правительство Соединенных Штатов восстановит порядок, и тогда наш корабль окажется в полном его распоряжении. Вашим ученым потребовалось бы не слишком много времени, чтобы разобраться в принципе его действия и построить флот, способный ударить по моей планете. Поэтому, для спасения своей родины, я вынужден был принять меры, отбросившие земную цивилизацию на сотни, а может быть и на тысячи лет назад. Я успел настроить деструктор и вывести его на околоземную орбиту. Мне не пришлось бы этого делать, если бы удалось добраться до кнопки уничтожения корабля, но я не мог проникнуть в штурманскую. Итак, я активировал деструктор. А через несколько минут толпа взломала дверь помещения, где я укрылся. Больше ничего не помню...

— Я лежал в больнице на Западном Самоа, — сказал Фригейт, — и умирал от рака. Меня утешала лишь мысль, что, возможно, моя могила окажется рядом с прахом Роберта Льюиса Стивенсона. Ведь я все же перевел на самоанский язык «Илиаду» и «Одиссею» и мог рассчитывать на некоторую благодарность со стороны местных властей... Затем начали поступать сообщения о массовой гибели людей... везде, по всему миру. Неизбежность рокового конца стала очевидной. Этот чужой спутник излучал какой-то вид радиации, валивший людей с ног. Последнее, что я слышал — Штаты, Россия, Англия, Франция, Китай и Израиль запустили ракеты для уничтожения спутника. По расчетам местных специалистов, таукитянский аппарат должен был пройти над Самоа через несколько часов. От волнения я потерял сознание. Вот все, что я помню.

— Перехватчики не сработали, — угрюмо добавил Раух. — Деструктор уничтожал их, как только они приближались к спутнику.

Бартон подумал, что ему необходимо многое узнать о том, что произошло в мире после 1890 года, но сейчас для расспросов не совсем подходящее время.

— Я предлагаю отправиться к холмам, — сказал он. — Нам нужно выяснить, какие растения там имеются и как их можно использовать. Пожалуй, стоит поискать камень и изготовить оружие. Этот парень из неолита, должно быть, хорошо знаком с техникой обработки камня и смог бы нас обучить.

Они пересекли равнинную часть долины. По дороге еще несколько человек присоединились к их группе. Среди них была небольшая девочка, лет семи, с темно-голубыми глазами и прелестным личиком. Она с трогательным недоумением смотрела на Бартона, когда тот спрашивал у нее на двенадцати языках, кто она такая и где ее родители. Речь ее была совершенно непонятной Бартону. Фригейт, немного знавший валлийский и кельтский языки, тоже заговорил с ней. Глазенки девочки расширились, но затем она помрачнела. Казалось, слова Фригейта ей что-то напоминают, но смысл сказанного она не могла понять.

— Судя по всему, — произнес, наконец, Фригейт, — она относится к какому-то из племен древних кельтов. Вы заметили, как часто она повторяет слово, похожее на «гвиневра»? Может быть, это ее имя?

— Мы обучим ее английскому! — твердо заявил Бартон. — И с этого мгновения будем звать Гвиневрой.

Он взял ребенка на руки и зашагал вперед. Девочка заплакала, но освободиться не пыталась. Эти слезы, очевидно, были просто реакцией, снимавшей охватившее ее почти невыносимое напряжение. Она плакала от радости, что нашла защиту. Бартон наклонил голову, уткнувшись лицом в ее маленькое теплое тельце. Ему не хотелось, чтобы спутники видели слезы на его глазах.

Они достигли холмов. Граница между равниной и холмистой местностью была резкой; тут исчезала низкая трава и начинались заросли густого жесткого кустарника, почти по пояс высотой. Им стали попадаться развесистые дубы и корабельные сосны, буки и тисовые деревья, покрытые наростами; различные виды бамбука образовывали подлесок. Многие деревья обвивали лианы, с которых свисали большие зеленые, красные, оранжевые и синие цветы.

— Из бамбука можно сделать древки для копий, — сказал Бартон, — трубы для воды, корзины. Это — основной материал для постройки домов, для изготовления мебели, лодок и древесного угля,

который входит в состав пороха. Молодые стебли некоторых видов вполне годны для употребления в пищу. Но прежде всего нам надо сделать каменные топоры; тогда мы сможем рубить и обрабатывать древесину.

По мере приближения к горам, холмы, по которым они карабкались, становились все выше и круче. Преодолев довольно быстро две первые мили, они затем тащились как черепахи еще пару часов, пока не уперлись в подошву скалистой стены. Крутые, отвесные склоны гор слагались из какой-то черно-синей вулканической породы, покрытой огромными темно-зелеными пятнами лишайника. Оценить их высоту было трудно, но Бартон решил, что она составляет не менее двадцати тысяч футов. Насколько он мог уяснить, обозревая гладкую поверхность, горы являлись совершенно непреодолимым препятствием.

— Вы обратили внимание на полное отсутствие животных? — спросил Фригейт. — Нет даже насекомых.

Бартон пожал плечами и двинулся к покрытой лишайником скале.

— Сланец! — воскликнул он, склонившись над грудой камней и вытаскивая зеленоватый булыжник величиной с кулак. — Если его здесь

достаточно, мы сможем изготовить ножи, скребки, наконечники копий, топоры. А с их помощью мы построим дома, лодки и многое другое.

— Каменные лезвия нужно прикрепить к деревянным рукояткам, — заметил Фригейт. — Что же нам использовать вместо веревок?

— Вероятно, человеческую кожу, — ответил Бартон.

Присутствующие, казалось, были ошеломлены. Бартон издал

странный клекочущий смешок, столь неуместный для мужчины его могучей комплекции, и сказал:

— Если нам придется убивать в порядке самозащиты или, если, к нашему счастью, мы наткнемся на труп, который какой-нибудь убийца любезно для нас подготовит, то надо быть глупцами, чтобы не воспользоваться столь необходимым нам сырьем. Тем не менее, если кто-нибудь из вас чувствует себя настолько готовым к самопожертвованию, что отдаст свою кожу на благо группы, то — шаг вперед! Мы не забудем его никогда!

— Вы, конечно, шутите, — усмехнулась Алиса Харгривс. — Но мне, должна заметить, не очень нравится подобный юмор.

— Когда вы поближе познакомитесь с ним,

миссис Харгривс, — сказал Фригейт, — вы наслушаетесь кое-чего похуже, уверяю вас.

Он, однако, не объяснил, на чем базировалась его уверенность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Бартон обследовал скалистое основание горы. Черно-синий зернистый камень, на долю которого приходилась большая часть поверхности горного склона, оказался одной из разновидностей базальта. Но вокруг — на почве и у подножия скал — валялись куски сланца. Очевидно, его источником был какой-то выход породы или горный разлом, расположенный наверху. Следовательно, горный массив не является единой массой базальта — или, по крайней мере, в основной породе содержались включения других минералов.

Пользуясь пластиной сланца с тонким острым краем, Бартон соскреб со скалы немного лишайника. Порода под ним напоминала зеленоватый доломит. Жила сланца могла проходить под доломитом — но тут, внизу, нельзя было заметить никаких следов разрушения этого прочного минерала. Бартон пожал плечами и обратил свое внимание на лишайник. Он походил на один земной вид, обычно растущий на богатых кремнием почвах, на старых костях и черепах. Насколько Бартон мог припомнить, этот вид, согласно реко-

мендациям восточной медицины, мог служить лекарством от эпилепсии и целительным средством для ран.

Постучав камнем по скале, Бартон возвратился к группе. Все столпились вокруг неандертальца и американца, которые, присев на корточки спиной друг к другу, обрабатывали куски сланца. Оба старались высечь грубые лезвия для топоров. Пока Бартон изучал горный склон, они успели изготовить штук десять этих примитивных орудий. Затем они взялись за новые сланцевые глыбы и разбили их булыжниками на две части. Каждый крепко обхватил пальцами левой руки один из отбитых кусков, после чего начал откалывать длинные тонкие пластины с внешней стороны камней. Они крутили эти обломки и били по ним, пока у каждого не набралось почти по дюжине лезвий. Так они продолжали работать, один — из тех, кто жил на Земле за сто тысяч лет до рождества Христова; другой — рафинированный продукт человеческой эволюции, творение высочайшей (в технологическом отношении) цивилизации Земли и один из последних ее представителей — если верить его собственным словам.

Вдруг Фригейт взвыл, подскочил и стал дико

прыгать, держась за большой палец на левой руке. Один из его ударов пришелся

мимо. Казз ухмыльнулся, обнажив огромные зубы, плоские, как могильные плиты. Он тоже поднялся и пошел в заросли своей удивительной походкой вразвалку. Вернулся он через несколько минут с шестью довольно толстыми бамбуковыми палками. Неандерталец уселся на землю и вновь принялся за работу. Расщепив конец одной палки, он вставил туда треугольный заостренный обух топора, а затем обвязал всю конструкцию какими-то длинными травянистыми стеблями.

Через полчаса группа уже была вооружена ножами, топорами с бамбуковыми рукоятками, а также копьями с деревянными и каменными наконечниками.

К тому времени рука Фригейта прошла и кровотечение остановилось. Бартон спросил у него, где он научился так искусно обрабатывать камень.

— Я был антропологом-любителем, — пожал плечами янки. — Многие в мое время увлекались изготовлением орудий или оружия из камня. Это рассматривалось как хобби. Некоторые достигли изрядного мастерства, хотя я не думаю, что кто-нибудь из моих современников превзошел в искусстве и скорости нашего специалиста из

неолита. Вы же знаете, эти парни занимались подобной работой всю свою жизнь.

Они снова двинулись к реке. На вершине одного из самых высоких холмов люди на мгновение замерли. Солнце уже стояло прямо над головой. По обе стороны от них на много миль простиралась река. Ее противоположный берег был слишком далек, чтобы разглядеть отдельные фигурки людей, но они отчетливо видели цепочку грибов у кромки воды. Характер рельефа и растительности там ничем не отличался от их берега. Низменность шириной в милю заканчивалась у подножий холмов, покрытых лесом; затем, еще через две-три мили, вставала непреодолимая скалистая стена, покрытая черно-синими и зелеными пятнами.

На юг и на север долина простиралась миль на десять. Затем река поворачивала и пропадала из виду.

— Восход солнца здесь должен быть поздним, а заход — ранним, — заметил Бартон. — Что ж, нам следует с толком использовать светлые часы.

Внезапно люди вздрогнули; многие закричали от испуга. Над вершиной каждого из каменных грибов на шесть-семь ярдов взметнулись всполохи голубого пламени. Еще через несколько секунд

до них дошел громоподобный звук. Отразившись от горного кряжа, он раскатился гулким эхом.

Бартон подхватил на руки дрожащую Гвиневру и стал быстро спускаться с холма. Хотя время от времени ему приходилось замедлять шаг, чтобы перевести дыхание, чувствовал он себя превосходно. Прошло уже много лет с тех пор, когда он мог с такой расточительностью использовать свое тело. Сейчас ему не хотелось даже останавливаться; он упивался ощущением вновь обретенной силы. Бартону уже почти не верилось, что совсем недавно его правую ногу покрывали опухшие вены, испещренные сизыми тромбами, а сердце начинало бешено колотиться, если он поднимался на несколько ступенек.

Они спустились на равнину, но Бартон продолжал бежать трусцой, заметив, что вокруг одного из грибов скопилась большая толпа. Ругаясь и расталкивая людей, он начал прокладывать себе путь. На него бросали преисполненные злобой взгляды, но никто не пытался в свою очередь оттолкнуть его. Внезапно он вырвался на свободное пространство возле самого основания каменного гриба и увидел то, что так взволновало толпу. И не только увидел, но и ощутил запах.

— О, боже мой! — воскликнул бежавший за ним

Фригейт и схватился за живот.

Бартон слишком много повидал на своем веку, чтобы ужасаться при виде такого зрелища. Более того, он умел абстрагироваться от реальных обстоятельств, когда они становились мучительными или невыносимыми. Иногда для этого требовалось определенное усилие воли, но чаще подобная адаптация происходила автоматически. В данном случае его сознание переключилось почти машинально.

Труп лежал на боку, наполовину свесившись с плоской верхушки каменного гриба. Кожа мертвеца была полностью сожжена, обнажая обуглившиеся мышцы. Нос, уши, пальцы, половые органы или полностью сгорели, или превратились в бесформенные головешки.

Около него стояла на коленях какая-то женщина и бормотала по-итальянски молитву. Ее прекрасные черные глаза покраснели и отекли от слез. У нее была великолепная фигура, которая, при других обстоятельствах, полностью завладела бы вниманием Бартона.

— Что произошло? — спросил он.

Женщина прекратила причитания и взглянула на него, затем поднялась на ноги и прошептала:

— Отец Джузеппе наклонился над этим кам-

нем — он сказал, что страшно голоден. И еще он добавил, что не видит смысла в том, чтобы воскреснуть, а потом снова скончаться без пищи. Я возразила, что мы не умрем, как это можно? Нас подняли из мертвых и о нас должны позаботиться! Тогда отец Джузеппе сказал, что если мы в аду, то беспокоиться о нас некому. Мы останемся обнаженными и голодными во веки веков! Я попросила его не богохульствовать, потому что из всех людей священнику пристало бы заниматься этим в последнюю очередь. Но он ответил, что все произошло совсем не так, как он втолковывал каждому на протяжении сорока лет, а затем... затем...

Бартон выждал несколько секунд и спросил:

— Что же... затем?

— Отец Джузеппе сказал, что, во всяком случае, адского огня здесь нет. И что было бы лучше погибнуть в геенне огненной, чем от голода. И сразу же после этих слов вспыхнуло пламя и полностью поглотило его. Раздался ужасный звук, будто взорвалась бомба... а потом он был уже мертв... Сгорел почти дотла... Это так ужасно... ужасно!

Бартон подошел к трупу с наветренной стороны, но даже здесь зловоние вызывало тошноту. Однако не столько запах, как сам факт смерти

расстроил его. Прошло всего полдня после Воскрешения, а человек уже лежит мертвым! Означает ли это, что воскресшие были столь же уязвимы перед лицом смерти, как и в земной жизни? Если так, то какой же смысл во всем этом?

Фригейт прекратил свои попытки облегчить и без того пустой желудок. Бледный и дрожащий, он поднялся и подошел к Бартону, стараясь держаться к мертвецу спиной.

— Не лучше ли нам избавиться от этого? — спросил он, ткнув пальцем через плечо.

— Полагаю, что да, — спокойно ответил Бартон. — Хотя очень жаль, что кожа его испорчена.

И он ухмыльнулся американцу. Фригейт еще больше побледнел.

— Возьмитесь здесь, — сказал Бартон. — Обхватите его за ноги, а я подниму тело с другого конца. А затем швырнем в реку.

— В реку? — переспросил Фригейт.

— Да. Если только вам не захочется отнести его в холмы и выкопать там могилу для захоронения.

— Я не могу, — выдавил Фригейт и, покачиваясь на дрожащих ногах, отошел в сторону.

Бартон презрительно посмотрел ему вслед и махнул рукой Каз-зу. Неандерталец хмыкнул и

заковылял к трупу своей развалистой походкой. Он наклонился и, прежде чем Бартон успел ухватиться за обугленные головешки ног, поднял тело над головой, сделал несколько шагов к воде и бросил труп в волны. Течение тут же подхватило тело и потащило его вдоль берега. Казз, однако, решил, что этого мало. Он вошел в воду по пояс и наклонился, стараясь оттолкнуть труп как можно дальше от берега.

Алиса Харгривс в ужасе наблюдала за происходящим. С дрожью в голосе она сказала:

— Но ведь эту воду нам придется пить!

— Река кажется достаточно большой, чтобы процесс ее самоочищения происходил быстро, — заметил Бартон. — Во всяком случае, у нас имеется гораздо больше других поводов для беспокойства, чем поддержание надлежащих санитарных условий.

Он повернулся от прикосновения Моната, который указывал на поверхность реки.

В том месте, где должен был находиться труп, вода бурлила как в котле. Внезапно серебристая, покрытая белыми плавниками спина вспорола водную гладь.

— Похоже, что вам не придется беспокоиться насчет чистоты воды, — сказал Бартон Алисе,

указывая на незримое пиршество. — В реке есть пожиратели падали. Хотел бы я знать... да, нужно выяснить, можно ли тут безопасно плавать.

Алиса пожала плечами. Неандерталец поспешил выбраться из воды. Он подошел к Бартону, стряхивая влагу со своего безволосого тела и скаля огромные зубы. Он был сейчас ужасающе уродлив. Но он владел навыками и знаниями первобытного человека, уже испытанными в мире с примитивными условиями. И было бы чертовски здорово стоять с ним бок о бок в сражении. Несмотря на свой небольшой рост, он обладал фантастически могучей мускулатурой. Ясно, что по какой-то причине это создание испытывало симпатию к Бартону — и тому было приятно это сознавать. Очевидно, дикарь — со всей силой своих первобытных инстинктов — почувствовал, что он, Бартон, именно тот человек, за которого нужно держаться, если хочешь здесь выжить. Более того, этот прачеловек наверняка лучше ощущал движения души — как существо, стоящее ближе к животному, чем современная разновидность Гомо Сапиенс. Вот почему, думал Бартон, на этого дикаря оказали такое сильное влияние его, Бартона, развитые психические способности, и поэтому впредь неандертальца будут объеди-

нять с ним узы дружбы и родства — хотя они оба принадлежат к совершенно различным расам.

Но затем Бартон напомнил себе, что его репутация человека, наделенного сверхъестественными психическими способностями, создана им самим же и что на самом деле он наполовину шарлатан. Он так много говорил о своих особых способностях и так много слышал о них — особенно от жены, — что сам уже стал верить в это. Но все же бывали мгновения, когда он чувствовал, что его пресловутые способности не являлись чистым шарлатанством.

Он был талантливым гипнотизером и на самом деле верил в то, что его глаза излучают особую экстрасенсорную силу, когда он хотел добиться чего-либо от других. Может быть, именно это и привлекло к нему внимание неандертальца.

— Камень выделил чудовищное количество энергии, — сказал Лев Руах. — Должно быть, электрической. Но для чего? Я не допускаю мысли, что этот разряд энергии был бесцельным.

Бартон осмотрел поверхность грибообразной скалы. Разряд, по-видимому, не повредил серый цилиндр в центральной выемке. Он осторожно коснулся края камня — тот казался не теплее, чем можно было ожидать в результате обычного

нагревания солнечными лучами.

— Не трогайте! — крикнул Лев Руах. — Возможен еще один... —но он осекся, увидев, что предупреждение запоздало.

— Еще один разряд? — переспросил Бартон. — Не думаю. Во всяком случае не сразу. Может быть, через некоторое время. Этот цилиндр оставили здесь, чтобы мы могли с его помощью кое-что узнать.

Он оперся ладонями о шляпку каменного гриба и прыгнул. Он проделал это движение с легкостью, которая невообразимо обрадовала его. Сколько лет прошло с тех пор, когда он ощущал себя таким же молодым и сильным! И таким же голодным!

Несколько человек из толпы закричали ему, чтобы он спрыгнул со скалы, прежде чем вспыхнет голубое пламя. Другие молча смотрели, ожидая, когда следующий разряд сметет его.

Ничего не произошло, хотя он не был слишком уверен в своей безнаказанности. Ощущая приятную теплоту камня под босыми ступнями, он подошел к центральному цилиндру и засунул пальцы под обод крышки. Та легко открылась. Сердце Бартона возбужденно забилось, когда он увидел, что находится внутри. Он ждал чуда — и

чудо произошло. В крепежных отверстиях стояло шесть сосудов — и каждый из них был полон.

Он помахал своей группе, призывая подняться к нему. Казз легко вспрыгнул на шляпку гриба. Фригейт, почти оправившийся от приступа тошноты, также с гимнастической легкостью взлетел вверх. Если бы желудок у парня был покрепче, цены бы ему не было, отметил Бартон. Фригейт повернулся и, подав руку, помог Алисе Харгривс вскарабкаться наверх.

Они собрались вокруг Бартона, пожирая взглядами содержимое цилиндра.

— Это истинный грааль! Священная чаша! Смотрите! Кусок жареного мяса, сочный, толстый бифштекс! Хлеб с маслом! Повидло! Салат! А это что? Пачка сигарет! Да-а-а! И сахар! И бокал виски, судя по запаху — отличный бурбон! Что-то еще... что это?

— Похоже на жевательную резинку, — сказал Фригейт. — А это, должно быть, зажигалка.

— Еда! — закричал внизу какой-то мужчина. Это был крупный человек, не принадлежащий к тем, кого Бартон считал «своей группой». Он полез на верхушку гриба, за ним последовали другие. Бартон запустил руку в цилиндр и, не трогая сосуда, схватил маленький серебристый

прямоугольный предмет, лежавший на дне. Фригейт сказал, что это, наверное, зажигалка. Бартон не знал, что такое «зажигалка», но предположил, что она дает пламя для прикуривания сигарет. Зажав предмет в одной руке, другой он прикрыл крышку. Рот его наполнился слюной, в желудке урчало. Другие были такими же голодными, судя по выражению их лиц, они не понимали, почему Бартон не извлекает пищу.

Дюжий мужчина закричал, неистовствуя, поитальянски, с акцентом, присущим жителям Триеста:

— Я голоден и убью любого, кто попробует помешать мне! Открой эту штуку!

Остальные молчали, но было ясно — они ждут от Бартона, чтобы он возглавил оборону. Вместо этого он произнес:

— Открывай сам, — и отвернулся.

Его спутники заколебались. Они уже видели пищу и ощутили ее сладостный аромат. Но Бартон предупреждающе поднял руку.

— Посмотрите на толпу, — произнес он. — Через минуту здесь начнется драка. Пусть бьются за эти крохи. Не то, чтобы . я избегал сражения, поймите, — добавил он, свирепо глядя на своих приверженцев. — Просто я уверен, что все наши

цилиндры будут полны пищей уже к ужину. Эти штуки, назовем их чашами, если вам угодно, нужно только оставить на скале — и они наполнятся. Все совершенно ясно, — именно затем сюда и поместили для примера эту центральную чашу.

Он подошел к краю шляпки гриба, нависшей почти над самой водой, и спрыгнул вниз. К этому моменту вся верхушка скалы была заполнена людьми, и еще большее их количество пыталось взобраться наверх. Здоровяк схватил бифштекс и впился в него зубами, но кто-то попытался вырвать кусок мяса прямо у него изо рта. Мужчина завопил от ярости и, наклонив голову, внезапно протаранил тех, кто стоял между ним и рекой. Он спрыгнул с камня и бросился в воду. Тем временем все остальные продолжали борьбу за остатки пищи, находившейся в цилиндре.

Здоровяк, прыгнувший в воду, дожевывал мясо, лежа на спине в реке. Бартон внимательно наблюдал за ним, ожидая, что речные хищники не упустят такого мгновения. Но все было спокойно, течение медленно сносило человека вниз.

Скалы к северу и к югу по обоим берегам реки были заполнены дерущимися людьми.

Бартон выбрался из толпы и сел. Члены его группы собрались вокруг, наблюдая за шумной,

колышущейся массой дерущихся. Камень для чаш походил сейчас на гриб-поганку, облепленную большими личинками навозных мух, бледными, шумными личинками. Но вот некоторые из них покраснели — пролилась первая кровь!

Наиболее удручающим в этой сцене была реакция детей. Те, что поменьше, держались вдали от камня, но понимали, что в чаше была еда. Они плакали от голода и страха. У девчушки, спутницы Бартона, глаза были сухими, но ее трясло от ужаса. Она прижалась к нему всем тельцем, обвив ручонками шею. Бартон похлопал ее по спине и пробормотал слова утешения, которые она не могла понять, но его ласковый голос немного ее успокоил.

Солнце уже клонилось к закату. Часа через два оно наверняка спрячется за похожую на башню гору на западе, хотя настоящая темнота наступит гораздо позже. Более точных заключений о продолжительности дня пока нельзя было сделать. Стало жарче, однако не настолько, чтобы опасаться перегрева; к тому же, с реки постоянно дул легкий, прохладный ветерок.

Кazз начал делать знаки руками, показывая, что ему хотелось бы развести костер. Потом он положил ладонь на кончик бамбукового копья

— очевидно, он собирался обжечь острие, чтобы оно стало тверже.

Бартон внимательно осмотрел металлический предмет, взятый им из чаши. Это был прямоугольный кусок твердого серебристого металла, длиной в два и шириной в три четверти дюйма. На одном его конце находилось небольшое отверстие, на другом — что-то похожее на слегка выступающий переключатель. Бартон надавил на выступ. Переключатель немного сместился вперед и из отверстия выскользнул стерженек диаметром в одну десятую и длиной приблизительно в полдюйма. Даже при ярком солнечном свете он ослепительно сверкал. Бартон прикоснулся кончиком стержня к стеблю травы и тот сразу же сморщился. Потом он ткнул стерженьком древко бамбукового копья, и в дереве образовалось тончайшее крохотное отверстие. Бартон вернул переключатель в прежнее положение, и стержень спрятался, подобно раскаленной голове медной черепахи, в своем серебристом панцире.

И Фригейт, и Руах не смогли скрыть удивления при мысли об энергии, таившейся в таком крохотном устройстве. Для того, чтобы стержень раскалился добела, требовалось очень большое

напряжение. Сколько раз сможет сработать батарея или питающий радиоактивный элемент, который, по-видимому, находится внутри? Как перезаряжать эту зажигалку?

Существовало много вопросов, на которые нельзя было дать ответ немедленно; возможно, на них никогда не удастся ответить. Сейчас главным оставался один — кто и как вернул их к жизни в молодых телах? Но кто бы это ни сделал, в его распоряжении воистину были средства, подобные божественным! Однако рассуждения на эту тему, хотя и представляли возможность для занимательной беседы, ничего не проясняли.

Вскоре толпа рассеялась. Пустой цилиндр валялся на верхушке камня. Там же осталось лежать несколько тел. Бартон заметил, что многие из участников схватки получили раны. У одной женщины было расцарапано все лицо, правый глаз заплыл кровью. Она всхлипывала, но никто не обращал на нее внимание. Еще один пострадавший, мужчина, сидел на земле, держась за поясницу, на которой отчетливо выступали следы острых ногтей.

Из четверых, оставшихся лежать на шляпке гриба, трое были без сознания. Они пришли в себя, когда им в лицо плеснули воды из чаши.

Четвертый, невысокий щуплый мужчина, был мертв. Кто-то свернул ему шею.

Бартон посмотрел на солнце и сказал:

— Я не знаю точно, когда наступит время ужина. Думаю, нам нужно вернуться сюда сразу же, как только солнце скроется за горами. Мы установим чаши в эти углубления и будем ждать. А пока что...

Тело мертвеца следовало бы бросить в реку, но Бартон решил, что найдет ему лучшее применение. Он сообщил остальным о своих планах и, спустив труп с камня вниз, они подхватили тело на руки и потащили через равнину. Фригейт и Галеацци, купец из Триеста, несли труп первыми. Американец не напрашивался сам на эту работу, но когда Бартон попросил его, он утвердительно кивнул, подхватил мертвеца за ноги и пошел вперед. Галеацци еле успевал за ним, держа труп под мышками. Алиса шагала рядом с Бартоном, за руку она вела Гвиневру. Кое-кто из толпы бросал любопытные взгляды на их процессию, но Бартон не обращал на это внимания. Через полмили труп перешел в руки Казза и Моната. Девочку, казалось, совсем не смущал мертвец. Она проявляла любопытство еще к первому трупу и не испытывала никакого страха при виде его

обгоревшей кожи.

— Если она действительно происходит из какого-то кельтского племени, — заметил Фригейт, — то для нее привычен вид обугленных тел. Насколько мне не изменяет память, кельты сжигали пленников живьем в больших плетеных корзинах во время отправления своих религиозных ритуалов. Я только не помню, в честь какого бога или богини проводились подобные церемонии. Жаль, что здесь нет библиотеки, где можно было бы уточнить этот вопрос. Как вы думаете, когда-нибудь тут появится хоть одна библиотека? Мне кажтся, что без книг я сойду с ума!

— Оставим это на будущее, — сказал Бартон. — Если нас не обеспечат библиотекой, мы создадим свою собственную. Конечно, если это окажется возможным.

Он подумал, что Фригейт задает глупые вопросы, но сейчас почти все были слегка не в своем уме.

Возле самых холмов двое мужчин, Рокко и Бронтич, сменили Казза и Моната. Бартон вел свою группу мимо деревьев сквозь высокую, по пояс, траву; ее заостренные пилообразные края царапали голые ноги. Он срезал ножом один из стеблей и потянул, проверяя на прочность.

Фригейт старался держаться поближе к Бартону и, казалось, не мог прекратить болтовню. Бартон подумал, что американец, по-видимому, хочет избавиться от мыслей о двух несчастных, гибель которых отметила первый день воскресшего человечества.

— Если все люди, когда-либо жившие на Земле, восстали из мертвых в этой долине, то подумайте, какие можно провести исторические исследования! Сколько тайн и секретов удастся раскрыть! Можно будет поговорить с Джоном Уилксом Бутом и установить, был ли на самом деле военный министр Стэнтон причастен к убийству Линкольна. Можно будет раскрыть тайну личности Джека-Потрошителя. Узнать, действительно ли Жанна д'Арк была связана с ведьмами. Поговорить с наполеоновским маршалом Неем и проверить, действительно ли ему удалось избежать расстрела и стать школьным учителем в Америке. Ознакомиться с истинной историей Пирл-Харбора. Увидеть лицо человека в Железной Маске, если таковой вообще когда-либо существовал. Взять интервью у Лукреции Борджиа и тех, кто был с ней знаком, чтобы выяснить, была ли она на самом деле шлюхой и отравительницей, как считает большинство

людей до сих пор. Узнать, кто убил двух малюток-принцев в Башне Смерти. Может быть, это сделал сам Ричард III?

Фригейт на мгновение замолчал, казалось, он колебался. Потом, искоса взглянув на Бартона, он продолжал:

— И вам, сэр Ричард Френсис Бартон, тоже можно было бы задать немало вопросов о вашей собственной жизни, в которой многое осталось неясным для ваших биографов. Например — была ли у вас на самом деле возлюбленная-персиянка, на которой вы хотели жениться? Правда ли, что ради нее вы собирались расстаться с Англией, пожертвовать положением в обществе и навсегда поселиться в Иране? Ходили слухи, что она погибла и что ее смерть вы оплакивали до конца своих дней.

Бартон вспыхнул и свирепо уставился на Фригейта. Они едва познакомились, а этот бесцеремонный янки уже задает такие глубоко личные вопросы... будит бередящие душу воспоминания... Этого нельзя простить!

Фригейт изменился в лице и поспешно отступил назад.

— Ну... ну... пусть, все это может подождать... я же понимаю... Но я тоже мог бы рассказать

кое-что... Ваша жена, знаете ли, похоронила вас на католическом кладбище, с соблюдением всех обрядов... На католическом кладбище, представляете! Вас! Неверующего!

Глаза Руаха, прислушивавшегося к болтовне Фригейта, все больше и больше расширялись от изумления. Наконец, он прервал американца и вмешался в разговор:

— Так вы — Бартон, исследователь Востока и лингвист? Первооткрыватель озера Танганьика? Человек, который совершил паломничество в Мекку, переодевшись мусульманином? Переводчик «Тысячи и одной ночи»?

— У меня нет ни желания, ни нужды лгать вам. Да, это —

я.

Еврей плюнул в Бартона, но ветер отнес плевок в сторону.

— Ты — сукин сын! — закричал Лев Руах. — Ты — вонючий нацистский выродок! Я читал о тебе! Да, во многих отношениях ты был выдающимся человеком, готов это допустить. Но ты же — антисемит!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бартон смутился.

— Мои враги, — сказал он, покачав головой, — распространили эти безосновательные и грязные слухи. Но любой, кому известны факты, кто знаком со мной, знает правду. А сейчас, я думаю, вам следовало бы...

— Так что же — это не вы написали «Еврей, Цыган и Эль-Ислам»? — спросил Руах, насмешливо улыбаясь.

— Я, — ответил Бартон. Его лицо раскраснелось, и когда он опустил глаза, то заметил, что кровь прилила даже к предплечьям и груди.

— А теперь — я хотел сказать это, но вы меня грубо перебили — теперь, мне кажется, вам лучше покинуть нас. Я не привык прощать оскорбления. Человек, осмелившийся говорить со мной подобным тоном, должен подкреплять свои слова действием. Но сейчас мы все находимся в необычной ситуации и, наверное, вы слишком возбуждены. И тем не менее — если вы немедленно не извинитесь или не уберетесь прочь, то здесь появится еще один труп.

Руах сжал кулаки и пристально посмотрел на

Бартона, потом развернулся и пошел прочь.

— Кто такой нацист? — спросил Бартон у Фригейта.

Американец, как мог, объяснил.

— Мне нужно многое узнать о том, что случилось после моей смерти, — задумчиво произнес Бартон. — Этот человек ошибается, я — не нацист... Вы говорите, Англия стала второразрядной державой? Всего лишь через пятьдесят лет после моей смерти? Трудно в это поверить...

— Какой смысл мне лгать вам? — удивился янки. — К тому же, вы не должны огорчаться. В конце двадцатого столетия ваша родина возвысилась опять, причем весьма любопытным образом. Правда, было уже слишком поздно...

Слушая американца, Бартон испытывал гордость за свою страну. Хотя его заслуги не были оценены is Англии по достоинству, он без колебаний отдал бы за нее свою жизнь. И он всегда был предан королеве.

Неожиданно он произнес:

— Если вы догадались, кто я такой, почему вы ничего не сказали мне об этом?

— Я хотел иметь полную уверенность. Кроме того, у нас не было времени для общения, — ответил Фригейт. — Как и для всего прочего,

— добавил он, покосившись на великолепную фигуру Алисы Харгривс.

— - О ней я тоже слышал, — сказал он. — Если она именно та женщина, о которой я думаю...

— Мне ничего о ней неизвестно, — прервал его Бартон и остановился; они уже поднялись на вершину первого холма. Здесь носильщики опустили тело на землю рядом с огромной красной сосной.

Тотчас же Казз, зажав в ладони кремневый нож, присел на корточки перед трупом. Он поднял голову и произнес нараспев несколько фраз — должно быть, молитву. Затем, прежде чем кто-нибудь успел его остановить, неандерталец вспорол живот мертвеца и вытащил печень.

Почти все вскрикнули от ужаса, и даже с губ Бартона слетел хриплый возглас. Глаза Моната округлились от изумления.

Казз впился огромными зубами в еще теплую, кровавую плоть и оторвал большой кусок. Полузакрыв глаза от наслаждения, он принялся пережевывать мясо своими мощными челюстями. Бартон непроизвольно шагнул вперед, протянув руку, словно хотел защититься от ужасного зрелища. Но Казз понял его совершенно иначе. Расплывшись в широкой улыбке, он ото-

рвал кусок печени и протянул Бартону. Казалось, он был очень удивлен отказом.

— Каннибал! — вскричала Алиса Харгривс. — О, боже мой, кровожадный грязный каннибал! Вот она — загробная жизнь, которую нам даровали!

— Этот малый ничем не хуже наших собственных предков, — возразил Бартон. Он уже оправился от потрясения и теперь слегка забавлялся, наблюдая за реакцией остальных. В местности, где мало пищи, его действия в высшей степени практичны. Что ж, проблему погребения трупа можно считать решенной. В недалеком будущем — если, конечно, мы ошиблись в предназначении чаш — нам придется последовать примеру Казза.

— Никогда! — крикнула Алиса. — Раньше я умру!

— Вот это как раз и может случиться, — спокойно заметил Бартон. — А сейчас я предлагаю отойти подальше и оставить Казза наедине с его обедом. Хотя это зрелище не влияет на мой аппетит, я все же нахожу его застольные манеры столь же вульгарными, как и у пионеров дикого Запада. Или сельских священников, — добавил он, покосившись на Алису.

Они отошли подальше — так, чтобы Казза не было видно — и собрались позади одного из

огромных, покрытых наростами деревьев.

— Я не хочу находиться с ним рядом! — дрожащим голосом произнесла Алиса. — Он — животное! Чудовищная, отвратительная тварь! Я не могу чувствовать себя в безопасности ни единой секунды, пока он находится тут!

— Вы просили у меня защиты, — сказал Бартон. — И я готов ее обеспечить, пока вы остаетесь членом нашей группы. Но вы должны подчиняться моим решениям. А я решил, что этот обезьяночеловек останется с нами. Мы нуждаемся в его силе и навыках, они могут оказаться спасительными для нас в этом примитивном мире. Мы должны стать первобытными людьми — следовательно, надо учиться у первобытного. Он останется — я сказал!

Алиса умоляюще посмотрела на остальных, Монат высоко поднял густые брови. Фригейт пожал плечами и мягко произнес:

— Миссис Харгривс, постарайтесь забыть привычные для вас условности. Мы находимся сейчас отнюдь не в высшем обществе викторианской эпохи. Вы не можете рассуждать и вести себя здесь так, как прежде на Земле. Возьмите, хотя бы только одну вещь — одежду, которую носили женщины в ваше время в Англии. Она скрывала

их тела от шеи до щиколоток — так что зрелище обнаженного женского колена казалось волнующе сексуальным откровением. Однако сейчас вы, похоже, не испытываете смущения от своей наготы. Вы держитесь так достойно и уверенно, словно на вас одеяние монахини.

— Мне совсем не нравится отсутствие одежды, — сказала Алиса Харгривс. — Но почему я должна ощущать стыд? Там, где все нагие, никто не наг. Только так нужно воспринимать ситуацию, в которой мы оказались. И если бы какой-нибудь ангел одарил меня самым роскошным нарядом, я бы его не надела.

Иначе я нарушила бы стиль, присущий нашему окружению. К тому же у меня неплохая фигура. Если не это, я, возможно, страдала бы больше.

Мужчины рассмеялись; потом Фригейт произнес:

— Вы — фантастическая женщина, Алиса. Несомненно так. Кстати, могу ли я называть вас Алисой? Миссис Харгривс звучит слишком официально в нашем положении.

Алиса не ответила ничего; склонив голову, она отошла от мужчин и скрылась за огромным деревом.

Бартон проводил ее взглядом и повернулся к

Фригейту.

— Нам нужно что-то предпринять, чтобы справиться с санитарной проблемой — причем в самое ближайшее время. Значит, кому-то придется принимать решения в области охраны здоровья людей и обладать властью, чтобы проводить их в жизнь. Как вы думаете, сколько потребуется времени для формирования законодательных, судебных и исполнительных органов, способных вывести общество из нынешнего состояния анархии?

Фригейт пожал плечами:

— У нас есть более неотложные проблемы. Например — что нам делать с этим мертвецом?

Бартон с сомнением посмотрел на него. Лицо американца еще сохраняло бледность и выглядел он немногим бодрее, чем в тот момент, когда Казз вонзил нож в мертвое тело.

— Я уверен, что дубленая человеческая кожа или кишки — после надлежащей обработки, конечно — подойдут для изготовления веревок и ремней гораздо лучше травы. Я собираюсь вырезать несколько полос. Не хотите ли мне помочь?

Только шелест листьев нарушил тишину. Легкий ветерок приятно холодил кожу, нагретую палящими лучами солнца. Не было слышно ни

птичьих трелей, ни жужжания насекомых. Внезапно раздался детский крик, потом послышался голос Алисы; бегущая фигурка Гвиневры мелькнула среди деревьев.

— Я попытаюсь, — ответил, наконец, Фригейт. — Но не уверен, что окажусь вам полезным. Пожалуй, для одного дня впечатлений будет многовато...

— Поступайте, как знаете, — сказал Бартон. — Но тот, кто мне сейчас поможет, первым получит кожу. Вам, пожалуй, пригодится кожаный ремешок, чтобы привязать топор к рукояти?

Фригейт тяжко вздохнул и произнес:

— Я иду.

Казз все еще сидел на корточках возле трупа, держа в одной руке кусок мяса, а в другой — окровавленный каменный нож. Увидев Бартона, он ухмыльнулся, растянув покрытые запекшейся кровью губы, и протянул ему остаток печени. Бартон покачал головой и показал на нож. Остальные — Галеацци, Бронтич, Мария Туцци, Филиппо Рокко, Роза Налини, Катарина Капоне, Фьеренца Фиорри, Бабич и Джунта — удалились, чтобы не видеть этой омерзительной сцены. Они укрылись за толстым стволом огромной сосны и тихо переговаривались о чем-то по-итальянски.

Бартон опустился на колени рядом с телом, вонзил кончик ножа в правую голень и провел разрез до ключицы. Фригейт стоял рядом с ним. Он еще больше побледнел, тело его сотрясала дрожь, но американец держал себя в руках. Наконец, Бартону удалось отделить две длинные полосы кожи.

— Ну что? Теперь попробуете вы? — спросил он и перевернул тело на бок, так, чтобы можно было снять кожу со спины. Фригейт взял нож, с кончика которого капала кровь, и, стуча зубами, принялся за работу.

— Не так глубоко, — сказал ему Бартон. И через мгновение добавил: — А теперь у вас получился слишком неглубокий разрез. Ну-ка, дайте мне нож. Смотрите!

— У меня был сосед, который частенько подвешивал кроликов за своим гаражом, а потом выпускал им кишки. Как-то я наблюдал за ним. И одного раза оказалось достаточно.

— Нельзя быть таким привередливым, — сказал Бартон. — Мы очутились в первобытном, примитивном мире. Придется приспосабливаться к новому окружению, нравится нам это или нет.

Бронтич, высокий, жилистый словенец, который был раньше управляющим гостиницей,

подбежал к ним.

— Мы нашли еще один камень, похожий на гриб! Ярдах в сорока отсюда. Он находится там, за деревьями, в ложбине.

Наслаждение, с которым Бартон поучал Фригейта, внезапно изчезло. Ему стало жаль парня.

— Послушайте, Питер, — сказал он. — Может, вам лучше пойти взглянуть на этот камень? Если это то, что нам нужно, мы избавимся от вечернего похода к реке.

Он передал Фригейту свою чашу.

— Поставьте ее в одну из лунок на камне, но запомните точно, в какую. Пусть другие сделают так же. Проверьте, что все твердо помнят, куда поместили свои чаши. Нам, знаете ли, следует избегать ненужных ссор.

Казалось, Фригейт не решался уйти, словно стыдился проявить слабость. Он постоял еще мгновение, переминаясь с ноги на ногу и судорожно вздыхая. Бартон сосредоточенно соскребал остатки плоти с внутренней стороны кожаного ремня, не обращая на американца внимания. Фригейт побрел прочь, держа в одной руке две чаши, а в другой — каменный топор.

Бартон бросил работу, как только американец скрылся из виду. Ему хотелось опробовать ка-

менный нож; теперь он убедился, что сумел бы с его помощью рассечь тело и вынуть внутренности. Однако Бартон понимал, что сейчас ему не удастся сохранить кожу. Возможно, кора этих деревьев, похожих на дубы, содержит танин, необходимый для дубления, — но пока он приготовит все необходимое, ремни, конечно, сгниют.

Но все же он не потратил время зря. Нож годится в дело; кроме того, он немного освежил в памяти свои познания о человеческой анатомии. Когда-то в юности, в Пизе, Ричард Бартон и его брат Эдвард дружили с итальянцами, студентами-медиками местного университета. Оба молодых Бартона многое почерпнули из этой дружбы, и, в дальнейшем, их интерес к анатомии не ослабевал. Эдвард стал хирургом, а Ричард, находясь в Лондоне, никогда не упускал случая посетить лекцию или публичное вскрытие. Теперь, конечно, он многое позабыл.

Стемнело. Солнце спряталось за выступом скалы. Бледная тень упала на лицо Бартона, и в течение нескольких минут вся долина погрузилась в сумерки. Но небо еще долго сохраняло яркую голубизну. Продолжал дуть слабый ветерок; пропитанный влагой воздух стал немного прохладнее. Бартон и неандерталец оставили

тело и направились к деревьям, за которыми раздавались голоса их спутников. Все собрались возле камня, который нашел Бронтич. На нем не было чаши в центральном углублении и Бартон подумал, что этот камень, возможно, еще не подготовлен к работе. Но потом он отбросил эту мысль. Скорее всего существа, соорудившие каменные грибы, поместили чаши только на тех устройствах, что находились у реки. Они знали, что воскрешенные сначала обнаружат прибрежные камни. К тому времени, когда люди разыщут камни у подножия гор, они уже будут знать, как ими пользоваться.

Спутники Бартона расставили серые цилиндры в углублениях, которые образовывали внешнюю окружность. Люди стояли и сидели вокруг, переговариваясь друг с другом, но помыслы их были устремлены к чашам. Все ждали, когда же — если это вообще произойдет — над камнем взметнутся языки пламени. Почти все разговоры касались еды. Некоторые предавались размышлениям о том, каким образом люди попали сюда, кто воскресил их в этой долине и какие намерения неведомый благодетель питает в отношении человечества. Только совсем немногие вспоминали свою жизнь на Земле.

Бартон уселся под развесистыми ветвями «железного» дерева, толстый черный ствол которого покрывали наросты. Он чувствовал усталость, как и все остальные, кроме, может быть, Казза. Пустой желудок и натянутые как струна нервы не давали возможности вздремнуть, хотя тихие голоса и шелест листьев клонили ко сну.,. Ложбину, в которой собралась группа, ограждали склоны четырех холмов, поросших деревьями. Хотя здесь было темнее, чем на возвышенностях, ложбина лучше сохраняла дневное тепло. Через некоторое время, когда сумерки еще более сгустились и усилился холод, Бартон послал команду на поиски дров для костра. Пользуясь ножами и топорами, они нарезали большое количество сухого бамбука и собрали несколько охапок травы. С помощью зажигалки Бартон запалил костер. Трава и зеленые листья сильно дымили, пока в огонь не подбросили хворост и обломки бамбуковых стволов.

Раздавшийся внезапно грохот заставил всех подскочить от испуга. Женщины вскрикнули. Занятые костром, они перестали наблюдать за камнем и своими чашами. Бартон обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как голубые языки пламени взметнулись ввысь почти на двадцать

футов. Даже на расстоянии добрых десяти ярдов от камня он ощутил тепло разряда.

Затем грохот стих и все, как завороженные, уставились на серые цилиндры. Бартон первым вспрыгнул на камень; остальные не отважились коснуться чаш сразу после исчезновения разряда. Он поднял крышку, заглянул внутрь и завопил от восторга. Остальные тоже бросились к камню и принялись открывать свои чаши. Через минуту все сидели вокруг костра и жадно ели, время от времени вскрикивая от удивления и демонстрируя друг другу свои находки. Дела были не так уж плохи — похоже, тот, кто вершил их, принял на себя заботы о хлебе насущном.

Содержимого чаш хватило всем — несмотря на вынужденный дневной пост, или, как заявил Фригейт, «пост длиною в добрую половину вечности». Как он пояснил Монату, его утверждение означало, что невозможно определить промежуток времени между 2008 годом и сегодняшним днем. Окружающий мир нельзя было создать за один день, а подготовка к воскрешению человечества определенно заняла больше недели. Конечно, если все это проделано с помощью научных знаний, а не каким-нибудь сверхъестественным образом.

Бартон обнаружил в своей чаше кусок мяса величиной с кулак, небольшой черный хлебец, масло, картошку с соусом и салат с непривычной, но очень вкусной приправой. Вдобавок, там была еще вместительная кружка отличного бурбона и маленькая чашечка с четырьмя кубиками льда.

В сером цилиндре нашлось еще много неожиданного. Небольшая трубка, вырезанная из шиповника. Кисет с табаком. Три отличные сигары. Коробочка из пластика с десятью сигаретами.

— Без фильтра! — разочарованно сообщил Фригейт.

Отдельно лежала маленькая коричневая сигарета, понюхав которую, Бартон и Фригейт одновременно воскликнули:

— Марихуана!

Алиса достала из чаши маленькие металлические ножницы и черную расческу.

— Наверное, наши волосы отрастут снова, — с улыбкой сказала она. — Иначе к чему все это нужно? Я рада... так рада! — она сунула руку в контейнер и вытащила тюбик ярко-красной губной помады. На лице ее появилось недоуменное выражение. — Что это? Неужели Они на самом деле думают, что я стану пользоваться тут косметикой?

Фригейт рассмеялся и показал ей такой же тюбик, который он обнаружил в своей чаше.

— Они в высшей степени практичны, — заметил Монат, вертя в руках пачку бумажных салфеток. Затем он вытащил круглое зеленое мыло.

Бифштекс Бартона оказался очень сочным, хотя он предпочитал менее прожаренное мясо. С другой стороны, Фригейт жаловался, что его кусок оказался недожаренным.

— Очевидно, чаши не настроены на индивидуальное меню, с учетом привычек и вкусов владельца, — предположил Фригейт. — Поэтому и мужчинам, и женщинам достались помада и трубки. Это — массовое производство.

— Два чуда в один день, — произнес Бартон. — Но можно ли их считать чудесами? Я предпочитаю рациональное объяснение и хотел бы его получить. Не думаю, что кто-то может в данный момент сказать мне, каким образом нас воскресили. Но, наверное, вы, люди двадцатого века, имеете какую-нибудь гипотезу относительно волшебного появления всех этих предметов в прежде пустом контейнере?

— Если сравнить внешние и внутренние размеры чаши, — сказал Монат, — то можно заметить

разницу по высоте примерно в пять сантиметров. Внутреннее днище, по-видимому, скрывает некое устройство — конвертер, способный превращать энергию в материю. Энергия попадает туда во время разряда. В дополнение к конвертеру в чаше должны быть также молекулярные шаблоны — нечто вроде справочного каталога, определяющего способы синтеза различных веществ. Мои рассуждения, скорее всего, верны, так как на моей родной планете были созданы подобные преобразователи. Но не таких миниатюрных размеров — в этом я абсолютно уверен!

— Могу сказать то же самое и о Земле, — кивнул Фригейт. — Еще до 2002 года человечество научилось производить железо из чистой энергии, но это был очень трудоемкий и дорогой процесс с почти микроскопическим выходом готовой продукции.

— Ладно, — сказал Бартон. — Нам это изобилие пока ничего не стоит. Пока... —он осекся, вспомнив о сне, который видел перед пробуждением.

— «Плати!» — требовал тогда Бог.— «Ты задолжал мне за плоть!»

Что все это могло означать? На Земле, в Триесте, в 1890 году он умирал на руках у жены и просил... Что? Хлороформ? Что-то, чего он не мог

вспомнить... Он погружался в тишину, во мрак забвения...

А затем очнулся — и оказался в том странном месте, заполненном мириадами нагих тел. Ничего подобного не могло существовать на Земле — да и на этой планете тоже, насколько он мог понять. Но Бартон был твердо уверен в одном — то, что он тогда увидел и испытал, не являлось ни сном, ни бредом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Они быстро покончили с едой и установили опустевшие контейнеры обратно в чаши. Воды поблизости не было, и им пришлось бы ждать до утра, чтобы сполоснуть посуду. Однако Фригейт и Казз соорудили несколько ведер из секций гигантского бамбука. Американец вызвался пойти к реке, если кто-нибудь составит ему компанию, и принести воду.

Это предложение удивило Бартона — двухмильное путешествие с полными ведрами не было легкой прогулкой. Затем, бросив взгляд на Алису, он понял, в чем дело. Фригейт, вероятно, рассчитывал найти себе на берегу подружку, полагая, что Алиса Харгривс в эту ночь предпочтет Бартона. Другие женщины, примкнувшие к их группе — Мария, Фьеренца, Роза и Катарина — уже сделали свой выбор. По-видимому, из пяти мужчин, жителей Триеста, обойденным оказался Бабич; он исчез сразу после ужина.

Монат и Казз вызвались сопровождать американца.

Наступила ночь. Мягко светящиеся газовые облака и огромные, неправдоподобно яркие звез-

ды озарили небеса. Некоторые из звезд были так велики, что могли сойти за осколки земной луны; они теснились в вышине подобно гроздьям спелых вишен, и их яростный, безжалостный блеск вселял в людей ужас и ощущение собственной ничтожности.

Бартон лежал на спине, попыхивая сигарой. Он счел ее отличной; в Лондоне его дней такая сигара стоила бы по крайней мере шиллинг. Первый шок прошел, и сейчас он уже не чувствовал себя жалкой крохотной козявкой. В конце концов, звезды, сиявшие над ним, являлись всего лишь бездушной материей — а он был разумным существом, переполненным ощущением жизни. Здесь, рядом с ним, находится нежная, очаровательная женщина, одно ее присутствие дарило ему счастье, недоступное любому из этих величественных и мертвых небесных огней.

По другую сторону костра, скрытые травой и сумраком, расположились жители Триеста. Пьянящее ощущение молодости и силы, подогретое спиртным, оживило их; до Бартона долетали звуки громких поцелуев и веселый смех. Затем, пара за парой, они исчезли в темноте.

Девчушка устроилась рядом с Алисой и быстро уснула. Свет костра золотил великолепное тело

и длинные стройные ноги молодой женщины, отблески пламени играли на ее красивом лице с тонкими аристократическими чертами. Ее не портило даже отсутствие волос. Внезапно Бартон ощутил себя мужчиной; сила и радость бытия переполняли его. Определенно, он больше не был стариком, который последние шестнадцать лет своей жизни жестоко расплачивался за раны, лихорадки и болезни, которые он подцепил во время своих странствий в тропиках. Все это осталось на Земле; теперь же он был снова молод, здоров и одержим прежним неугомонным бесом.

Да, но он обещал этой женщине защиту... она находилась под порукой его чести. Он не должен ничего предпринимать, что можно было бы истолковать как покушение на ее добрую волю... и тело.

Ну что ж, она — не единственная женщина в этом новорожденном мире. В его распоряжении все женщины — или, по крайней мере, те, которые готовы откликнуться на его просьбу. Если все разумные существа, когда-либо жившие и умершие на Земле, находятся сейчас на берегах реки, то, по оценке Фригейта, их не менее тридцати шести миллиардов. И Алиса — всего лишь одна женщина из неисчислимого множества юных

красавиц, ожидающих его где-то там, во тьме.

Однако похоже, что дьявол сыграл с ним злую шутку. Возможно, завтра он заведет целый гарем, но в это мгновение Алиса была единственной желанной для него женщиной. И потом, он не может просто так подняться и уйти в темноту на поиски другой подружки, потому что и она, и ребенок останутся без защиты. Алиса, конечно, не будет чувствовать себя в безопасности в компании Моната и Казза, и он не должен порицать ее — эти двое были так ужасающе безобразны! Он не может доверить ее попечению Фригейта — даже если янки вернется этой ночью, в чем Бартон сомневался. Многое в поведении американца оставалось для него непонятным — и, следовательно, подозрительным.

Оценив создавшееся положение, Бартон неожиданно рассмеялся. Он подумал, что грешные мысли можно было бы прекрасно отложить на потом. Это вновь вызвало у него смех, он не мог остановиться, пока Алиса не поинтересовалась, все ли с ним в порядке.

— Даже в большей степени, чем вы можете себе представить, — ответил он и повернулся к ней спиной. Он запустил руку в свою чашу и извлек последний дар этого вечера — маленькую

пластинку из похожей на резину субстанции. Фригейт перед уходом заметил, что их неведомые благодетели, должно быть, американцы. В противном случае им бы в голову не пришло снабжать воскресших жевательной резинкой.

Потушив сигару о землю, Бартон сунул пластинку в рот.

— Странный вкус, но довольно приятный, — отметил он, опять поворачиваясь к Алисе. — Вы уже пробовали ее?

— Я хотела... но потом представила себе, что буду похожа на корову, жующую свою жвачку.

— Забудьте о земных правилах хорошего тона, — рассмеялся Бартон. — Или вы полагаете, что существа, способные вас воскресить, могут обладать вульгарными вкусами?

Слабая улыбка скользнула по губам Алием потом она нерешительно произнесла:

— Я и в самом деле не знаю, что думать... — и положила в рот кусочек жвачки. Некоторое время они неторопливо жевали сладкую упругую массу, посматривая через костер друг на друга, когда их взгляды встречались, Алиса поспешно отводила глаза в сторону.

— Фригейт упомянул, что знает вас, — начал Бартон. — Вернее — знает о вас. Могу я спросить,

кто вы? И надеяться при этом, что вы простите мое любопытство?

— Ах, какие секреты могут быть среди покойников? — легкомысленно ответила она. — Как, впрочем, и среди бывших покойников...

Она была урожденной Алисией Лиддел и появилась на свет 25 апреля 1852 года...

Бартон отметил, что ему тогда уже было тридцать лет.

...Ее семья происходила по прямой линии от короля Эдуарда и его сына Иоанна. Отец ее являлся деканом колледжа Церкви Христовой в Оксфорде и соавтором знаменитого греко-английского словаря (Лиддел и Скотт, вспомнил Бартон). У нее было счастливое детство, она получила отличное образование. Она встречалась со многими знаменитостями того времени — Гладстоном, Мэтью Арнольдом, принцем Уэльским (кг горый был препоручен заботам ее отца во время обучения в Оксфорде). Ее мужем стал Реджинальд Джарвис Харгривс, и она очень его любила. Он был «сельским джентльменом», обожал охоту, рыбную ловлю, игру в крикет, садоводство и чтение французских романов. Она родила ему трех сыновей, выбравших военную карьеру; двое из них погибли в мировой войне 1914—1918 годов. (Второй раз

за этот день Бартон слышал о мировой войне).

Она все говорила и говорила, будто глоток выпитого за ужином виски развязал ей язык. Или словно хотела возвести стену из слов между ней и Бартоном.

Она рассказывала о забавном котенке, которого очень любила в детстве, о могучих деревьях в лесном питомнике своего мужа, о том, как ее отец, работая над словарем, всегда чихал ровно в двенадцать часов дня и никто не знал почему... В возрасте восьмидесяти лет ей присудили почетную степень доктора литературы в одном из американских университетов, кажется, Колумбийском, за ту исключительно важную роль, которую она сыграла в создании знаменитой книги мистера Доджсона (Алиса забыла упомянуть название, а Бартон, хотя и был ненасытным читателем, не помнил ни одной книги этого автора).

— Это был самый светлый день в моей жизни, — рассказывала она. — Несмотря на... впрочем, был еще один, — Алиса мечтательно прикрыла глаза. — Четвертое июля 1862 года. Мне исполнилось десять лет... На мне и на моих сестрах были черные туфельки, белые ажурные носочки, белые ситцевые платьица и шляпки с широкими полями...

Внезапно женщина замолчала; ее руки и губы дрожали, словно она пыталась удержать что-то, рвущееся наружу... Потом она заговорила еще быстрее.

— Мистер Доджсон и мистер Дакворт несли корзинки с провизией для пикника... мы уселись в нашу лодку возле Фолли Бридж... Мистер Дакворт взялся за весла. Капли воды падали с их лопастей подобно стеклянным слезинкам на гладкое зеркало реки...

Последние слова прозвучали для Бартона раскатами грома. Он удивленно взглянул на Алису, но, казалось, в движениях ее губ не было ничего необычного. Теперь и она не отрывала глаз от Бартона, словно пыталась высверлить взглядом в его теле туннель, ведущий куда-то в глубины времени и пространства. Ее руки были чуть-чуть приподняты, как будто она хотела сделать жест изумления — и не смогла его закончить.

Бартон ощутил, что ночь вокруг него полна звуками. Он слышал дыхание спящей девочки, биение ее сердца и сердца

Алисы, шелест слабого ветра в ветвях деревьев. Издалека донесся какой-то звук — не то крик, не то плач.

Он вскочил и прислушался. Что случилось? В

чем причина такого поразительного обострения чувств? Почему он слышит стук сердца Алисы, но не своего? Почва под его босыми ступнями вдруг словно ожила; он ощущал ее рельеф, каждую крохотную впадинку и каждый микроскопический холмик, форму и шероховатость травинок, бархатистую фактуру цветочного лепестка... Еще мгновение — и ему показалось, что молекулы воздуха с грохотом ударили его в грудь... потом в живот, в плечи, голову, руки...

Алиса тоже встала.

— Что происходит? — спросила она, и ее голос обрушился на него, словно ураганный порыв ветра.

Он не ответил, продолжая пристально смотреть на нее. Только теперь он понял, какой прекрасной и желанной была эта женщина.

Алиса шагнула к нему, протянув руки. Ее влажные губы раскрылись, дрожа всем телом, она произносила нараспев как заклинание:

— Ричард! О, Ричард!

Внезапно она замерла; глаза ее расширились. Бартон придвинулся к ней, коснулся ладонью обнаженного плеча... но женщина отпрянула прочь и с криком «Нет! Нет!» бросилась в темноту и скрылась среди деревьев.

Долю секунды он стоял неподвижно. Ему казалось непостижимым, что женщина, которую он так сильно любит, может не откликнуться на его призыв. Она, должно быть, дразнит его. Вот в чем дело.

Потом он ринулся в темноту ночи, не переставая выкрикивать ее имя.

Прошло, должно быть, несколько часов — дождь хлынул на них. Возможно, действие наркотика прекратилось или же холодная вода отрезвила их — но, казалось, они в одно мгновение очнулись от наваждения, подобного сну. Она заглянула в его глаза, закричала и яростно оттолкнула его.

Скатившись в траву, он успел выбросить вперед руку и поймать ее за лодыжку, когда она попыталась отползти на четвереньках в сторону.

— Что с тобой? — крикнул он.

Алиса как будто пришла в себя. Она села на траву, уткнувшись лицом в колени, тело ее сотрясами рыдания. Бартон встал, нежно коснулся ее подбородка и заглянул в глаза. Молния, сверкнувшая неподалеку, озарила искаженное мукой лицо женщины.

— Вы же обещали защищать меня! — простонала она.

— Мне кажется, — сказал Бартон, — вам вовсе не хотелось, чтобы вас защищали. И я не обещал защищать вас от естественных человеческих порывов.

— Порывов! — вскрикнул она. — Порывов! Боже мой, я никогда в жизни не вела себя подобным образом! Всегда, слышите, всегда я была добропорядочной женщиной! Я была девственницей, когда вышла замуж! И всю свою жизнь я была верна моему мужу! А теперь... с абсолютно незнакомым...! Только подумать! Я не знаю, что случилось со мной!

— Значит, я потерпел фиаско, — спокойно сказал Бартон и рассмеялся. Но горечь и раскаяние зашевелились в его душе. Если бы все действительно произошло по ее собственному желанию, у него не возникло бы ни малейших угрызений совести. Но эта жвачка содержала какой-то сильнодействующий наркотик, и именно он заставил их стать любовниками, страсть которых не имела границ.

— Вам не нужно в чем-либо раскаиваться, не нужно упрекать себя, — нежно сказал он. — Вы были одержимы. Одурманены наркотиком.

— Но я сделала это! — простонала она. — Я... я хотела этого! О, какой низкой, продажной девкой

я стала!

— Что-то не припомню, чтобы я предлагал вам деньга!

Ему совсем не хотелось быть таким бессердечным. Он просто

пытался разозлить ее, заставить прекратить это самоуничижение. И он вполне преуспел. Женщина вскочила на ноги и вцепилась ногтями в его грудь и лицо. Она отпускала ему такие эпитеты, которые высокородной и благовоспитанной леди викторианской эпохи совсем не полагалось знать.

Бартон обхватил ее запястья, стараясь предохранить лицо. Женщина, яростно извиваясь в его руках, продолжала выкрикивать оскорбления. Наконец, когда она замолчала и снова заплакала, он повел ее к лагерю. От костра остались только мокрые головешки. Он разгреб угли и подбросил новую охапку сухой травы из лежавшей под деревом кучи. При свете янтарных угольков он увидел, что девочка спит, свернувшись калачиком, между Каззом и Монатом, укрытая сверху большой копной травы. Он вернулся к Алисе. Опустив голову, она сидела под деревом.

— Убирайтесь прочь, — глухо сказала она. — Я не хочу вас больше видеть! Испачкали в грязи!

После того, как дали слово меня защищать!

— Если вам нравится мерзнуть, можете остаться тут, — пожал плечами Бартон. — Я подошел просто для того, чтобы предложить вам прилечь рядом с остальными, ночью нам будет теплее. Но, если вы не желаете, сидите здесь. Я повторяю еще раз, что мы были одурманены наркотиком. Он задумался на мгновение, потом покачал головой. — Нет, не одурманены — я выразился неверно. Наркотики не могут порождать желания, они только позволяют им вырваться наружу из-под контроля разума. Внутренние запреты спадают; и никто из нас не может порицать за это ни себя, ни другого. — Он склонился над ней, пытаясь заглянуть в лицо; его голос внезапно стал мягким: — Алиса... я был бы лжецом, сказав, что это не доставило мне удовольствия... И вы тоже получили наслаждение... признайтесь в этом хотя бы самой себе... Зачем же вы терзаете свою душу?

— Я не такое животное, как вы! Я — добрая христианка и богобоязненная женщина!

— В этом нет сомнений, — со вздохом сожаления согласился Бартон. — Но позвольте заметить следующее: я сомневаюсь, что вы сделали бы все это, если бы в вашей душе не таилось такого сокровенного желания. Наркотик только снял

ограничения — но он, безусловно, не вложил в ваш разум саму идею; она уже была там. Под влиянием снадобья вы совершили то, что вам хотелось совершить.

— Я понимаю это! — вскричала она с отчаянием. — Неужели вы думаете, что я глупее простой служанки? У меня есть разум! Я отлично знаю, что я сделала и почему! Но мне никогда не снилось, что я могу стать такой... такой... тварью! Должно быть, я такая и есть на самом деле! — она снова зарыдала.

Бартон пытался утешить ее, доказывая, что природа людская противоречива и в душе любого человека таятся плотские желания. Он говорил, что именно от этого проистекает понятие первородного греха; и так как она — всего лишь человек, ее душа не может быть исключением.

Но чем больше он старался поднять ее настроение, тем хуже ей становилось. В конце концов, дрожа от холода, утомленный бесполезными уговорами, Бартон сдался. Растолкав Моната и Казза, он залез между ними, обнял девчушку и попытался уснуть. Тепло человеческих тел под толстым слоем сухой травы согрело и успокоило его. Он заснул под безутешные всхлипывания Алисы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он пробудился в тот час, когда небо уже наполнял серый свет ложной зари, которую арабы называют «волчьим хвостом». Монат, Казз и девочка еще спали. Некоторое время он ворочался, почесывая зудящую от колючих стеблей кожу, затем выполз наружу. Костер погас. Капли росы висели на стеблях деревьев, падали с высоких зеленых стрелок травы и с цветочных лепестков. Он вздрогнул от холода, отметив, что не чувствует головной боли или каких-нибудь других последствий наркотического дурмана.

Под кучей травы, наваленной у корней железного дерева, Бартон разыскал охапку сравнительно сухих веток. Через несколько минут он наслаждался теплом костра, потом заметил рядом бамбуковые сосуды с водой и поднес один из них ко рту. Напротив, в копне травы, сидела Алиса и угрюмо наблюдала за ним. По всему ее телу от холода выступила гусиная кожа.

— Подходите погреться, — предложил он.

Она выползла из своего гнезда, встала, пошла к ведру из бамбука, наклонилась, зачерпнула воды и брызнула себе в лицо. Затем села на корточки у

огня, грея руки над небольшим пламенем. «Когда все нагие, даже самые скромные быстро теряют скромность», — подумал Бартон.

Чуть позже он услышал какой-то шелест сзади и, повернув голову, узрел Питера Фригейта. Тот выбрался из травы, за ним показалась лишенная волос женская голова. Поднявшись на ноги, подружка янки явила взору Бартона мокрое, но стройное и красивое тело. У нее были большие темно-зеленые глаза, но слишком полные губы не позволяли считать ее красоту совершенной, зато все остальное выглядело очаровательно.

Фригейт широко улыбнулся и, взяв женщину за руку, потянул к костру.

— Вы похожи на кота, полакомившегося канарейкой, — засмеялся Бартон. — Что с вашей рукой?

Питер Фригейт бросил взгляд на костяшки правой руки, покрытые засохшей кровью. Тыльная сторона его кисти была исцарапана.

— Я полез в драку, — сказал он и указал на женщину, присевшую у костра рядом с Алисой. — Прошлым вечером у реки

был настоящий сумасшедший дом. Видимо, в этой жвачке содержится какой-то наркотик. Вы даже не представляете, что вытворяли там люди...

Во всяком случае, все женщины, включая и самых уродливых, так или иначе были разобраны. Сначала меня испугало происходящее, потом... потом я сам словно обезумел. Я избил двух мужчин... может быть, даже убил их... Эти скоты напали на десятилетнюю девочку. Я предложил девчушке свою защиту, но она убежала... заплакала и убежала, несчастный напуганный ребенок.

Фригейт покачал головой, задумчиво глядя на языки пламени.

— Я решил вернуться; мне было как-то не по себе от одной мысли, что я убил этих двоих... даже, если они и заслуживали того. Во всем виноват наркотик... он, видимо, высвобождает ярость и неудовлетворенные желания, накопившиеся за целую жизнь. Итак, я отправился обратно и по дороге натолкнулся еще на двух мужчин... они куда-то тащили женщину, вот эту. Я думаю, она была совсем не прочь уединиться с кем-нибудь в кустах. Но двое одновременно... вы понимаете, что я имею в виду. Во всяком случае, увидев меня, она закричала и начала сопротивляться. Я набросился на этих парней с кулаками, отшвырнул их, а затем еще и вышиб дух из каждого своей чашей. Затем я взял с собой эту женщину; ее имя Логу, и это все, что я о ней знаю — я не смог понять ни

единого слова из ее языка. И она пошла за мной, — он снова широко улыбнулся. — Но мы так и не успели заняться чем-нибудь интересным...

Он перестал улыбаться и вздрогнул.

— Дождь, молнии, гром обрушились на нас как гнев господний. .. Я подумал, что наступил час Страшного Суда... что бог отпустил вожжи на один день и теперь, убедившись, чего мы стоим... Одним словом, я решил, что сейчас мы все окажемся в преисподней, — Фригейт слегка усмехнулся и продолжал задумчиво: — Понимаете, в четырнадцать лет я стал атеистом... и умер атеистом в девяносто — хотя в тот момент у меня было искушение позвать священника. Но, оказывается, тот ребенок, который страшился грозного бородатого бога, адского огня и вечных мук... тот ребенок все еще жив в душе старика... Или в этом юноше, воскресшем из мертвых, — он коснулся ладонью своей груди.

— Ну так что же? — сказал Бартон. — Мир не рухнул с ударами молнии. Вы живы — и, как я понимаю, вовсе не отреклись от прелестей греха, — он кивнул в сторону зеленоглазой женщины. — Что было дальше?

— Мы нашли камень для чаш вблизи гор, в миле к западу отсюда. Мы заблудились и, замерзшие,

мокрые, напуганные, бродили по окрестностям. Тогда мы и наткнулись на эту скалу. Вокруг нее собралось много народу, но, к счастью, все были настроены довольно миролюбиво. В этом человеческом муравейнике мы почти согрелись, хотя дождь создавал некоторые неудобства. В конце концов, там мы и уснули. Пробудившись, я кинулся на поиски Логу, она затерялась в этой толпе. Когда я нашел ее, она мне улыбнулась — она обрадовалась, что снова видит меня. Мне не хотелось с ней расставаться. Вам не кажется, Бартон, что между нами есть ка-кое-то родство душ, а? В чем оно заключается, я, может быть, узнаю, когда она научится говорить по-английски. Я пробовал французский и немецкий, пытался объясниться с ней на русском, латинском, кельтском, на всех скандинавских языках, включая финский, на арабском, еврейском, итальянском, испанском, на наречиях онондага, оджибуэев, на современном и античном греческом и еще на дюжине других. И чего же я добился, можете вы спросить? Да ничего! Один пустой взгляд!

— Вы, очевидно, лингвист? — с уважением спросил Бартон.

— Я не слишком бегло владею каждым из этих языков, — покачал головой Фригейт. — На

большинстве могу читать, но устно способен составить лишь пару обыденных фраз. В отличие от вас, Дик, я не знаток тридцати девяти языков — включая сюда и язык любви... в ее эротическом аспекте.

«Этот парень, кажется, знает обо мне слишком много», — подумал Бартон. — «В свое время нужно выяснить, что же ему известно на самом деле».

— Я буду с вами откровенен, Питер, — произнес он вслух. — Ваша агрессивность удивляет меня. Никогда бы не подумал, что вы способны избить человека. Ваша чувствительность...

— Это все жвачка! Она распахнула дверь клетки, в которой всю свою земную жизнь обитал каждый из нас...

Фригейт присел на корточки рядом с Логу и потерся щекой о ее нежное плечо. Женщина взглянула на него своими слегка раскосыми глазами и рассмеялась.

«Она определенно будет красавицей — как только отрастут волосы», — машинально отметил Бартон.

— Я выгляжу уступчивым и робким только потому, что боюсь дать волю своей ярости, — задумчиво сказал Фригейт. — Я боюсь пробудить в своей душе страсть к насилию... а как показала

прошлая ночь, это чувство скрыто во мне не так уж глубоко. И я боюсь насилия, потому что по натуре я сам насильник. Я боюсь даже подумать о том, что случилось бы, не будь у меня этого страха. Черт, я знаю об этом сорок лет. Много же добра принесло мне это знание!

Он взглянул на Алису и сказал:

— Доброе утро.

Алиса ответила достаточно бодро и даже улыбнулась Логу, когда Фригейт представил ей свою подружку.

Зевая и потягиваясь, к костру подошли Монат и Казз, за ними семенила девчушка. Бартон обошел весь лагерь и обнаружил, что жители Триеста ушли. Некоторые оставили здесь свои чаши. Он мысленно выругал их за беспечность и решил, что было бы неплохо спрятать чаши в траве, чтобы дать им хороший урок. Но потом передумал и поставил все цилиндры в углубления на камне.

Если владельцы чаш не вернутся, они останутся голодными; вряд ли кто-нибудь поделится с ними пищей. И в то же время еда в их чашах останется нетронутой. Никто не сможет открыть чужой цилиндр. Еще вчера Бартон обнаружил, что только хозяин чаши способен снять с нее крышку. Эксперименты с длинной палкой убе-

дили его, что владелец, перед тем как открыть чашу, должен прикоснуться к ней пальцами или любой частью тела. Согласно гипотезе Фригейта, механизм чаши был настроен на специфический поверхностный электропотенциал кожи владельца. Возможно, в цилиндр был встроен чувствительный детектор, регистрирующий излучение мозга.

Небо стало проясняться. Солнце все еще находилось по другую сторону восточного хребта. Примерно через полчаса над каменным грибом взметнулись сполохи голубого огня и над лощиной раскатился гром.

Прикрыв глаза от яркого света, Бартон подумал, что генерируемая камнем энергия подобна чудесному содержимому святого Грааля; и то, и другое обладало способностью претворяться в пищу человеческую. И если священный Грааль действительно существует где-то на Земле, скрытый в таинственной, никому не ведомой пещере или в покоях сказочного замка, то, наверное, он стоит там на таком же каменном столе из серого с красными прожилками, гранита как этот... этот

грейлстоун[2]. Бартон усмехнулся; название показалось ему подходящим.

На этот раз в чашах оказались ломтики поджаренного хлеба, яичница с беконом, ветчина, масло, джем, молоко, четвертушка дыни, сигареты и пакетик, наполненный коричневым порошком; Фригейт сказал, что это — растворимый кофе. Американец выпил молоко, прополоскал металлическую чашку, налил в нее холодной воды и пристроил около костра. Когда над водой показался пар, он отсыпал немного порошка в кипяток и размешал его. Кофе, по его словам, получился восхитительный — и порошка в пакете могло хватить чашек на шесть.

* Grailstone (грейлстоун) или grailrock — камень или скала для чаш. Для Бартона серый цилиндр ассоциируется не с простой чашей, а со святым Граалем, обладающим волшебным свойством насыщать своих избранников (прим. перев.).

Вскоре они выяснили, что нагревать воду над огнем совершенно не требовалось. Алиса положила кофе в холодную жидкость перед тем, как

---

[2] Примечания: 2

Grailstone (грейлстоун) или grailrock — камень или скала для чаш. Для Бартона серый цилиндр ассоциируется не с простой чашей, а со святым Граалем, обладающим волшебным свойством насыщать своих избранников (прим. перев.).

поставить чашку. Спустя три секунды порошок растворился и вода закипела.

Закончив завтрак, они вымыли посуду и установили ее в держателях цилиндров. Бартон привязал свою чашу к запястью. Он собирался идти на разведку и не хотел оставлять единственное свое богатство в углублении грейлстоуна. Хотя воспользоваться содержимым чаши никто не мог, какие-нибудь мерзавцы могли забрать ее только затем, чтобы полюбоваться, как он будет мучиться от голода.

Это утро Бартон начал с урока языка для девочки и Казза. Фригейт поспешил присоединить Логу к числу его учеников. Американец заметил, что неплохо бы начать пропаганду эсперанто — ведь за сотни тысяч лет своего существования человечество использовало великое множество языков, и теперь все они будут в ходу на берегах реки. Конечно, добавил он, если неведомые благодетели воскресили все человечество; ведь их группа до сих пор смогла осмотреть только несколько миль, населенных, в основном, бывшими жителями Триеста.

— Эсперанто? — переспросил Бартон. — Я слышал о нем перед самой смертью, но никогда не сталкивался с этим языком практически. Что ж,

возможно, в будущем он нам пригодится. Но эту троицу я буду пока что обучать английскому.

— Но ведь большая часть людей тут говорит по-итальянски или на словенском, — возразил Фригейт..

— Возможно, хотя мы не знаем этого точно, — покачал головой Бартон. — Однако, будьте уверены, мы надолго здесь не задержимся.

— Я мог бы об этом догадаться, — пробормотал Фригейт. — Вам всегда не сиделось на месте.

Бартон бросил сердитый взгляд на американца и начал урок. В течение пятнадцати минут он вдалбливал в своих учеников смысл и произношение девятнадцати существительных и нескольких глаголов — огонь, бамбук, чаша, мужчина, женщина, девочка, рука, нога, глаз, зубы, есть, ходить, бежать, говорить, опасность, я, вы, они, мы. Кроме того, он хотел и сам научиться их языкам, чтобы со временем свободно разговаривать с ними.

Солнце озарило вершины восточного хребта. Потеплело. Костер погас, оставленный без присмотра. Настал второй день их новой жизни. И пока они почти ничего не знали об этом мире, о его владыках, о своей дальнейшей судьбе.

Из травы показалось носатое лицо Льва Руаха.

— Можно к вам присоединиться?

Бартон сухо кивнул, а Фригейт сказал:

— Конечно, почему же нет?

Руах вышел из травы, оставив этот риторический вопрос без ответа. За ним следовала невысокая бледнокожая женщина с большими карими глазами и прелестными тонкими чертами лица. Руах представил ее как Таню Каувиц. Они встретились прошлым вечером и остались вместе, обнаружив, что между ними было много общего. Девушка происходила из русско-еврейской семьи. Она родилась в Бронксе в 1958 году, стала учительницей английского языка, вышла замуж за бизнесмена, который сколотил миллионы и скончался, предоставив ей возможность в возрасте сорока пяти лет выйти замуж вторично за замечательного человека, любовницей которого она была уже лет пятнадцать. Она прожила всего шесть месяцев; смерть наступила от рака. Выложив все эти сведения на едином дыхании и в пулеметном темпе, Таня замолчала.

— На равнине вчера вечером был сущий ад, — сказал Лев. — Нам пришлось бежать в лес. Потому я и решил разыскать вас и попроситься обратно в группу. Я беру назад свое вчерашнее опрометчивое заявление, мистер Бартон. Думаю, что я имел

основание для таких выводов, однако теперь я понимаю, что ту книгу следует рассматривать в контексте с другими вашими высказываниями.

— Мы еше когда-нибудь разберемся с этим, — кивнул Бартон. — В те времена, когда я писал ту... ту книгу, о которой вы так нелестно высказались, я страдал от низкой и злобной клеветы ростовщиков из Дамаска и они...

— Разумеется, разумеется, мистер Бартон, — поспешно проговорил Руах. — Я только хотел подчеркнуть, что считаю вас очень способным и сильным человеком, и поэтому хочу присоединиться к вашей группе, именно к вашей, а не какой-нибудь другой. Мы сейчас находимся в состоянии анархии, если только анархию можно назвать состоянием. И многие из нас нуждаются в защите.

Бартон терпеть не мог, когда его перебивали. Он нахмурился и сказал:

— Разрешите мне самому все объяснить. Я...

В этот момент Фригейт поднялся и произнес:

— Похоже, что возвращаются наши итальянцы. Интересно, где они провели все это время?

Однако из девяти вернулись назад только четверо. Мария Туцци объяснила, что вчера они ушли все вместе, нажевавшись резинки. Одна-

ко их прогулка вскоре закончилась у одного из огромных костров, пылавших на равнине. Затем произошло много разных событий. Драки и нападения мужчин на женщин, мужчин на мужчин, женщин на женщин и даже нападение тех и других на детей. Группа растворилась в наступившем хаосе. Утром она,

Мария, встретила троих друзей, когда искала среди холмов камень для чаш.

Лев Руах добавил несколько подробностей к рассказу Марии. По его наблюдениям, использование наркотической жвачки могло приводить к трагическим последствиям — или просто к забавным эпизодам. По-видимому, это зависело от индивидуальных особенностей организма. Одним жвачка дарила наслаждение, на других действовала возбуждающе. Иногда результаты ее употребления были ужасны. Руах рассказывал о супругах, умерших в 1899 году в одном из пригородов Триеста. Когда они воскресли, то лежали в шести футах друг от друга. Они плакали от счастья воссоединения, когда столь многие пары были разлучены. Они благодарили бога за ниспосланную удачу. Они провели пятьдесят лет в счастливом браке и теперь собирались не разлучаться во веки вечные.

Всего лишь через несколько минут после употребления жвачки мужчина задушил жену, швырнул ее тело в воду, подхватил на руки другую женщину и убежал с ней в темноту леса.

Некий мужчина взобрался на камень для чаш и произнес речь, которая, несмотря на дождь, длилась всю ночь. Он изложил своим немногочисленным слушателям принципы организации совершенного общества. К утру он настолько охрип, что был способен прокаркать лишь несколько слов. Его знакомые говорили, что на Земле он не принимал участия даже в голосовании.

Часть мужчин и женщин, оскорбленных публичной демонстрацией чувственных удовольствий, пытались протестовать и даже растащить любовные пары. Результаты: синяки, разбитые губы и носы, вышибленные зубы и два сотрясения мозга. Другие провели всю ночь на коленях, молясь и исповедуясь господу в своих грехах.

Несколько детей были жестоко изувечены, изнасилованы или убиты. Но не все взрослые поддались безумию: кое-кто защищал детей — или, по крайней мере, пытался это сделать.

Руах видел отчаяние и отвращение мусульманина-хорвата и австрийского еврея, обнаружив-

ших в своих чашах свинину. Индус в отчаянии ломал руки — в его чаше была говядина. Еще один человек кричал, что все они попались в тенета дьявола, и выбрасывал в реку сигареты. Глядя на него, некоторые мужчины говорили:

— Лучше бы ты отдал нам эти сигареты, если не хочешь пользоваться сам!

— Табак — выдумка дьявола! Это растение было взращено Сатаной в саду Эдема!

— Но ты мог бы поделиться с нами, — заметил кто-то из компании собравшихся вокруг мужчин. — Ведь тебе-то не было бы никакого вреда!

— Я лучше выброшу это сатанинское зелье в реку! — вопил святоша.

— Ты фанатик и безумец! — крикнул один из парней и нанес ему удар в челюсть. И прежде, чем несчастный противник табака успел встать на ноги, он получил несколько крепких пинков от остальных мужчин.

Руах рассказывал, как неудачливый проповедник поднялся и, рыдая от ярости, закричал:

— Что я сделал, о господи, за что заслужил такое? О, боже, боже! Ведь я всегда почитал тебя! Я жертвовал тысячи фунтов на благотворительность! Всю жизнь я боролся против греха... Трижды в неделю я поклонялся тебе, о боже, в

твоем храме... я...

— Я тебя узнала! — закричала какая-то женщина с голубыми глазами, красивым лицом и точеной фигурой. — Я узнала тебя! — Ты Роберт Смитсон!

Мужчина замолчал и, мигая, уставился на нее.

— Но я вас не знаю, миссис!

— Конечно, не знаешь! А не мешало бы! Я — одна из тысяч девушек, что гнули спину по шестнадцать часов в день на твоих фабриках! Для того, чтобы ты мог жить в своем шикарном доме! Чтобы ты мог одеваться в дорогое платье, чтоб твои собаки и Лошади ели лучше нас! Я была одной из твоих работниц! Мой отец гнул на тебя спину, и моя мать тоже, и все мои братья и сестры, которые не погибли от болезней и голода, все они были твоими рабами! Одна из твоих проклятых машин отрезала руку моему отцу, и ты вышвырнул его на улицу без единого гроша. Моя мать умерла от чахотки. И я тоже кашляла кровью, мой милый баронет, пока ты обжирался изысканной пищей и нежился на пуховиках..., а может, просто дремал на своей роскошной церковной скамье и швырял тысячи, чтобы помочь бедным азиатам или снарядить миссионеров для обращения в истинную веру язычников-африкан-

цев... Мои легкие сгорали, но я пошла на панель, чтобы прокормить своих младших братишек и сестренок... И я подхватила сифилис, слышишь ты, гнусный набожный ублюдок — и все потому, что ты выжимал последние капли пота и крови из меня и подобных мне несчастных! Я умерла в тюрьме, потому что ты считал, что проститутки недостойны жалости! Ты... ты..!

Смитсон сначала покраснел, затем побледнел. Взяв себя в руки, он хмуро взглянул на женщину и произнес:

— Вы, распутницы, всегда найдете, на кого можно взвалить вину за то, что вы стали предаваться похоти и потворствовать своим гнусным вожделениям! Бог знает, что я стойко следовал его заповедям!

Он повернулся и пошел прочь, но женщина побежала за ним и замахнулась на него своей чашей. Все произошло очень быстро. Кто-то вскрикнул, мужчина повернулся и присел, так что чаша едва задела его макушку.

Смитсон быстро юркнул мимо женщины и затерялся в толпе. Однако, заметил Руах, мало кто понял, что происходит, потому что там больше никто не говорил по-английски.

— Смитсон? Сэр Роберт Смитсон? — задумчиво

произнес Бартон. — Насколько мне помнится, он владел хлопкопрядильными фабриками и металлургическими заводами в Манчестере. Он был известен как филантроп, жертвующий крупные суммы на обращение язычников. Умер он, если не ошибаюсь, в 1870 году в возрасте восьмидесяти лет.

— И, вероятно, в твердом убеждении, что за свои дела будет вознагражден на небесах, — сказал Лев Руах. — Разумеется, ему не приходило в голову, что он сгубил множество рабочих.

— Если бы он не эксплуатировал бедняков, это делал бы кто-нибудь другой, — философски заметил Бартон.

— Вот, вот! Именно такими доводами пользовались очень многие на протяжении почти всей истории человечества! — сказал Руах. — Но ведь в вашей собственной стране были промышленники, следившие, чтобы зарплата и условия труда рабочих улучшались. Одним из них, насколько я припоминаю, был Роберт Оуэн.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не вижу особого смысла спорить о том, что происходило в прошлом, — примиряюще произнес Питер Фригейт. — Меня больше беспокоит настоящее.

Бартон поднялся.

— Вот речь, достойная потомка практичных янки! Вы правы — нам нужна крыша над головой, орудия и еще бог знает что! Но прежде всего, я думаю, нам стоит взглянуть, что делают люди на равнине.

В это мгновение из-за деревьев показалась Алиса. Фригейт первым заметил ее и разразился хохотом:

— Вы только посмотрите! Благородная леди выписала новый туалет из Парижа!

Бартон повернулся и глаза его изумленно округлились. Алиса нарезала длинные травянистые стебли и сплела из них какое-то подобие одежды. Сверху ее грудь и плечи прикрывало пончо, снизу — юбка, ниспадающая до икр.

Это неуклюжее одеяние производило странное впечатление. Раньше лишенная волос голова не портила женственной красоты Алисы; теперь

зеленый бесформенный балахон, скрывший ее стройную фигуру, сделал молодую женщину жалкой и нелепой. Однако итальянки столпились вокруг нее, с интересом рассматривая травяную накидку.

— К сожалению, трава сильно раздирает кожу, — заметила Алиса. — Но зато так приличнее. Вот все, что я могу сказать по этому поводу.

— По-видимому, ваше мнение изменилось, — язвительно произнес Бартон. — Совсем недавно вы утверждали, что собственная нагота не шокирует вас, если остальное цивилизованное общество тоже бегает голышом.

Алиса холодно посмотрела на него и поджала губы.

— А теперь, я надеюсь, все будут одеты так же, как и я. Все! Каждый порядочный человек!

— Да... Теперь я вижу, что для некоторых условности превыше всего! — покачал головой Бартон.

— Я сам был ошарашен, очутившись среди множества голых людей, — сказал Фригейт. — Хотя в Америке и в Европе нагота на пляжах стала обычным делом в конце восьмидесятых годов. Но, как мне кажется, тут все довольно быстро привыкли к нынешнему положению вещей, не

так ли? Все — кроме безнадежных психопатов.

Бартон повернулся к остальным женщинам:

— Ну, а как вы, дорогие дамы? Вы тоже готовы надеть эту безобразную колючую копну сена только потому, что одна из представительниц вашего пола вдруг решила, что у нее вновь появились интимные части тела? Но может ли то, что уже было доступно публичному обозрению, опять стать интимным?

Логу, Таня и Алиса ничего не поняли, так как он говорил по-итальянски. Но затем Бартон повторил то же самое по-английски.

Алиса вспыхнула, резко ответила:

— Моя одежда — мое личное дело! Если кому-то нравится ходить голым, в то время как я пристойно прикрыта, что ж..!

Логу опять не поняла ни слова, но, очевидно, сообразила, что происходит. Она рассмеялась, пожала плечами и отвернулась. Что касается остальных женщин, то каждая из них старалась угадать,

что собираются делать другие. В этот момент их не волновало ни уродство наряда Алисы, ни явное неудобство, которое он причинял.

— Пока женщины думают, как им поступить, неплохо бы пройтись к реке, — предложил Бар-

тон. — Мы могли бы выкупаться, набрать воды и посмотреть, что творится на равнине. Затем мы снова вернемся сюда. До наступления ночи нужно соорудить несколько хижин или хотя бы временных шалашей.

Они двинулись вниз, продираясь сквозь густую траву и захватив с собой чаши, оружие и ведра. Вскоре им стали встречаться люди. По-видимому, многие решили покинуть равнину. Наиболее расторопные уже успели обнаружить сланец и изготовить из него примитивные копья и ножи. Возможно, они научились технике обработки камня у других первобытных людей, оказавшихся в этой местности. Пока что Бартону встретились только два создания, не принадлежащие к виду Гомо Сапиенс, — и они оба находились в его группе.

Спустившись с холма, они прошли мимо двух уже почти завершенных бамбуковых хижин. Это были круглые строения с коническими крышами из огромных треугольных листьев железного дерева. Рядом какой-то мужчина мастерил бамбуковое ложе на невысоких ножках, используя сланцевый топор и нож.

На прибрежной равнине не было заметно следов человеческой деятельности. Останки по-

гибших во время вчерашнего безумия исчезли. До сих пор никто не носил одежду, и многие, кто встречался им по пути, удивленно смотрели на Алису, некоторые смеялись, бросая грубые реплики. Алиса краснела, но явно не собиралась освободиться от своих одеяний. Солнце начало припекать, и потная кожа так зудела под грубой рогожей, что она непрерывно почесывалась, запуская руку то под юбку, то под накидку; подобное поведение в публичном месте было совершенно недопустимым для дамы с точки зрения строгих канонов викторианской эпохи.

Наконец, путники добрались до реки. Множество мужчин и женщин плескались в теплой воде. На берегу лежало больше дюжины сплетенных из травы накидок; очевидно, не одна Алиса имела строгие понятия о благопристойности.

Однако, в остальном зрелище, представшее глазам Бартона, резко контрастировало с тем, к чему он привык. Здесь были те самые люди, которые, согласно строгим нормам морали их времени, обычно купались только в специально отведенных местах, в костюмах, закрывавших их тела от шеи до лодыжек. И после одного-единственного дня, проведенного в новом мире, они плавали в реке нагими. И радовались этому.

По-видимому, шок воскрешения ускорил их адаптацию к состоянию полной обнаженности. К тому же в первый день они

ничего не могли с этим поделать. Возможно, свою роль сыграло также присутствие среди воскрешенных представителей южных народов и диких племен, для которых нагота являлась вполне естественной.

Бартон взмахнул рукой и окликнул стройную девушку с миловидным лицом и блестящими голубыми глазами, стоявшую по пояс в воде.

— Это та самая девица, что пыталась прикончить Смитсона, — шепнул Бартону Лев Руах. — Ее, кажется, зовут Вильфреда Олпорт.

Бартон с любопытством посмотрел на нее, по достоинству оценив роскошный бюст девушки; потом снова окликнул ее:

— Ну, как вода?

— Отличная! — ответила она, улыбаясь.

Он отвязал чашу и поставил ее на землю вместе с корзинкой, в которой лежали каменный нож, топор и разные мелочи. Достав мыло, Бартон вошел в воду; она была очень теплой и, пожалуй, только градусов на десять отличалась от температуры человеческого тела. Он намылил грудь и плечи, с наслаждением вдыхая аромат

белоснежной пены, потом возобновил беседу с Вильфредой. В ее речи ощущался акцент, характерный для жителей северных графств; скорее всего, она была уроженкой Камберленда.

— Я слышал, вчера вы хорошо отделали этого старого лицемера, — усмехнувшись, начал Бартон. — Я понимаю, вам тяжело вспоминать о прошлом, но сейчас вы, наверно, счастливы. К вам вернулось здоровье, вы снова молоды и красивы, забота о куске хлеба больше не тяготит вас. И то, чем вы прежде занимались из-за денег, в этом мире может подарить вам радость искреннего чувства.

Однако было бесполезно ходить кругами около этой разбитной фабричной девчонки. Вильфреда окатила его ледяным взглядом — таким же, какие ему теперь дарила благородная Алиса Харгривс.

— У вас все в порядке с головой? Похожи на англичанина, но что-то я не могу понять по вашей речи, откуда вы... Из Лондона, что ли? И еще... что-то не наше...

— Почти отгадали! — воскликнул он, смеясь. — Я — Ричард Бартон; и должен признаться, что в свое время мне пришлось пострансствовать по свету. Вы бы не хотели присоединиться к нашей группе? Мы объединились вместе для защиты и

взаимопомощи. Там, среди холмов, есть уютное местечко рядом с камнем для чаш, в котором мы собираемся построить несколько хижин.

Вильфреда внимательно посмотрела на Моната и неандертальца.

— А эти — они тоже входят в вашу компанию? Я уже слышала о них. Говорят, что одно из этих чудовищ — человек, прибывший со звезд в двухтысячном году.

— Он не причинит вам вреда, дорогая. Так же, как и тот парень, наш предок. Так что же вы ответите мне?

— Я всего лишь простая женщина, — пожала великолепными плечами Вильфреда. — Что же я могу предложить в качестве вступительного взноса?

— Все, что может предложить женщина, — ухмыльнулся Бартон.

К его удивлению, она расхохоталась. Потом подошла к Бартону, коснулась пальцами его груди и сказала:

— Ну разве вы не душка? В чем же дело? Вы не можете раздобыть себе девушку по вкусу?

— Я почти уже уговорил одну, но мы, похоже, не сошлись характерами, — ответил Бартон.

Однако это не было правдой — во всяком слу-

чае, надежда еще не покинула его. Он гадал, что собирается делать дальше Алиса. Если она чувствует к нему такой ужас и отвращение, зачем же она осталась в их группе? Может быть, только потому, что предпочитает знакомое зло незнакомому? Ее пуританские манеры раздражали Бартона — но, в то же время, он не хотел ее потерять. Страсть, которую он ощутил ночью, была вызвана наркотиком — и все же что-то осталось в его сердце. Тогда почему же он уговаривает эту женщину присоединиться к их группе? Возможно, чтобы вызвать ревность у Алисы. Возможно, чтобы иметь в запасе женщину, если сегодня вечером Алиса ему откажет. Возможно... он, впрочем, и сам не знал, почему...

Он оглянулся.

Алиса стояла на берегу, почти касаясь воды пальцами ног. Берег здесь всего лишь на дюйм возвышался над речной гладью. Невысокая трава, такая же, как на равнине, покрывала дно реки на мелководье. Бартон все время ощущал ее под ногами, как далеко бы он ни заходил в воду. Он бросил мыло на берег и, отплыв футов на сорок, нырнул. Течение на глубине было сильнее. Он погружался с открытыми глазами, пока не стало совсем темно и не заломило в ушах.

Наконец, пальцы его коснулись дна. Здесь тоже была трава.

Бартон поплыл назад, туда, где вода достигала его пояса, и увидел, что Алиса сбросила с себя одежду. Она медленно вошла в реку и начала плескать воду на голову и лицо.

Бартон окликнул Фригейта:

— Почему вы не идете купаться?

— Лучше я постерегу чаши, — сказал американец.

— Хорошо!

Бартон выругался про себя. Он сам должен был подумать об этом и назначить сторожа. Он знал, что ему далеко до идеального руководителя. Он любил, чтобы дела шли своим естественным ходом, чтобы все образовывалось само собой. На Земле он осуществил множество экспедиций, ни одна из которых не отличалась хорошей подготовкой или умелым руководством. Правда, когда во время Крымской войны он командовал отрядом этих башибузуков, диких турок-кавалеристов, у него получалось совсем неплохо. Во всяком случае, гораздо лучше, чем у большинства. Может быть, ему не стоит особенно упрекать себя...

Лев Руах вылез из воды и, растирая ладонями

тощее тело, стал стряхивать на землю капли воды. Бартон тоже выбрался на берег и присел на траву. Алиса, плескавшаяся на мелководье, повернулась к нему спиной — то ли нарочно, то ли случайно; он решил, что по этому поводу не стоит строить никаких догадок.

— Меня не только радует обретенная снова молодость, — сказал Руах по-английски с сильным акцентом, — но и то, что вот эта нога снова при мне.

Он похлопал себя по правому колену.

— Я потерял ее во время аварии на одной из магистралей в Нью-Джерси в пятьдесят лет, — он засмеялся и продолжил: — Тот случай можно было бы назвать иронией судьбы... За два года до него меня схватили арабы во время геологической экспедиции в пустыне, как вы понимаете, в государстве Израиль...

— Вы имеете в виду Палестину? — спросил Бартон.

— В 1948 году евреи основали независимое государство, — сказал Руах. — Вам об этом, конечно, ничего не известно. Когда-нибудь я расскажу вам о тех событиях подробнее. Итак, меня схватили и пытали арабские гверильос. Мне не хотелось бы вдаваться в детали; при воспоминании об

этом мне до сих пор становится дурно. Но в ту же ночь я сбежал, стукнув двоих камнем по голове и застрелив еще парочку. Мне фантастически повезло — через несколько часов меня подобрал армейский патруль. Спустя два года, когда я уже был в Штатах и ехал по автостраде, мою машину смял в лепешку огромный трейлер. Я получил тяжелые травмы; правую ногу ниже колена пришлось ампутировать. Но вся соль этой истории в том, что водитель грузовика был родом из Сирии. Так что, как видите, арабы все же добрались до меня, хотя им и не удалось со мной окончательно разделаться. Это за них выполнил наш друг с Тау Кита. Хотя я не могу сказать, что он погубил человечество. Он просто ускорил его конец.

— Что вы имеете в виду!

— Миллионы умирали от голода и даже в Штатах были введены карточки; загрязнение воды, почвы, воздуха убивало еще миллионы. Ученые рассчитали, что половина атмосферного кислорода на Земле исчезнет за следующие десять лет, потому что фитопланктон погибал из-за отравления воды в океанах.

— В океанах?

— Вы что, не верите? Ну да, конечно. Вы же умерли в 1890 году, поэтому вам трудно все это

представить. Некоторые ученые еще в 1968 году предсказывали, что катастрофа произойдет в начале двадцать первого века. Я был биохимиком, я знал, что это возможно. Но подавляющее большинство населения — в том числе и политики — отказывались верить подобным прогнозам. А когда грянула катастрофа, было уже слишком поздно. Правительства ряда стран пытались принять какие-то меры, но ситуация уже вышла из-под их контроля. К тому же, им противостояли многочисленные группировки промышленников, которые боялись потерять свои прибыли... Впрочем, это длинная и печальная история; и если мы собираемся строить сегодня хижины, то лучше ее не начинать.

Алиса вышла из воды, стряхивая с тела капли воды. Солнце и легкий бриз, веявший с реки, быстро высушили ее кожу. Когда Бартон дал команду собираться, Алиса подобрала свой зеленый наряд, но надевать его не стала. Вильфреде, обратившей на это внимание, она сказала, что жесткие стебли натирают ей кожу. Но она, конечно, сохранит свою одежду и снова облачится в нее вечером, когда станет холодно.

Бартон заметил, что Алиса вежлива с Вильфредой, но откровенно сторонится ее. Алиса знала,

что Вильфреда была фабричной работницей, знала, что она стала проституткой и умерла от сифилиса. Во всяком случае, так думала сама Вильфреда; она не помнила момента своей смерти.

— Наверно, я сначала сошла с ума, а потом умерла, — сказала девушка с небрежной улыбкой.

Услышав это, Алиса постаралась отодвинуться подальше. Бартон ухмыльнулся, подумал, что бы она сказала, узнав, что он сам страдал от этой болезни. Он подхватил сифилис от какой-то девушки-рабыни в Каире в 1853 году, когда, под видом мусульманина, пробирался в Мекку. Его успели излечить, и организм его не был разрушен болезнью, однако он пережил страшные душевные муки. Но здесь каждый при воскрешении получил чистое, молодое и здоровое тело; казалось, земная судьба человека не должна влиять на отношение к нему со стороны окружающих. Здесь все можно было начать заново.

Прошлое надо забыть... Однако, это не означало, что оно действительно будет забыто.

По сути дела, он не мог ни в чем упрекнуть Алису Харгривс. Она была продуктом своей эпохи. Подобно всем женщинам, она была тем, чем сделали ее мужчины — хотя обладала сильным

характером и достаточно гибким умом, чтобы подняться над некоторыми предрассудками своего времени и своего класса. Она смирилась с наготой, и она не проявляла открытой враждебности или высокомерия по отношению к этой несчастной девушке. Ночью, с Бартоном, она вела себя так, словно сбросила груз предубеждений, накопленных в течение всей прожитой на Земле жизни. И это случилось в самую первую ночь после воскрешения, когда женщина с ее воспитанием и образом мыслей должна была бы стоять на коленях, петь осанну, бить себя в грудь и каяться в грехах!

Он думал об Алисе все время, пока они шли по равнине, иногда бросая взгляды в ее сторону. Без ореола прически ее лицо казалось несколько старше, но отсутствие волос на лобке делало ее похожей на ребенка. Сердце его сжалось. В них во всех заложено это противоречие: старики и старухи выше плеч, дети — ниже пояса!

Он немного отстал, пока не очутился рядом с Алисой. Теперь он шел позади Фригейта и Логу. Сзади эта женщина выглядела обворожительно и лицезрение ее округлых ягодиц и бедер частично скомпенсировало хмурый взгляд, которым встретила его Алиса. Однако он решился еще на

одну попытку.

— Если прошлая ночь причинила вам такие сильные страдания, то почему вы остались со мной? — тихо спросил он.

Красивое лицо Алисы исказилось от гнева.

— Я не осталась с вами! Я осталась с группой! И я все продумала... все, что касается прошлой ночи, хотя это так мучительно для меня! Но я должна быть честной. Это наркотик заставил нас сделать то... ну, то что мы тогда сделали. И я не сомневаюсь, что вы думаете точно так же.

— Значит, на повторение нет никакой надежды? Совсем никакой?

— Как вы можете еще говорить об этом! Конечно же — нет! Да как вы осмелились...?

— Я вас не принуждал, — пожал плечами Бартон. — Я уже говорил, что вы вели себя так, как и должны были вести, когда наркотик снял внутренние барьеры в вашем сознании. Хотя эти барьеры не такая уж плохая штука — при определенных обстоятельствах, разумеется... ну, допустим, когда вы являетесь законной женой человека, которого вы любите... человека, живущего на Земле, в Англии. Однако Земли больше не существует и Англии тоже нет. Так же как и английского общества. Если повелители этого

мира действительно воскресили всё человечество, разбросав его вдоль реки, то вы, скорее всего, никогда больше не увидите своего мужа. Так что считайте себя свободной.

Помните? «...пока смерть нас не разлучит». Но смерть вас разлучила — вы оба умерли.

— Вы богохульник, мистер Бартон! Я читала о вас в газетах, и я просматривала некоторые ваши книги об Африке и Индии и о мормонах в Америке... Я также слышала рассказы, большинству из которых не смела верить... настолько порочным человеком представляли вас эти истории. Реджинальд буквально кипел от негодования, когда прочел вашу «Касиду». Он сказал, что не потерпит такой мерзкой, безбожной литературы в своем доме. И мы сожгли в печке всю вашу писанину.

— Если я настолько порочен, что, общаясь со мной, вы чувствуете себя падшей женщиной, почему же вы не уходите?

— Неужели я должна все повторять снова? В другой группе могут оказаться мужчины еще хуже. И, как вы уже любезно подчеркнули, никто меня не принуждал. Кроме того... я уверена, что у вас есть что-то похожее на сердце... под этой оболочкой циника и насмешника. Я видела, как вы плакали, когда несли Гвиневру на руках...

— Вы разгадали меня, — улыбнулся Бартон. — Ну, что ж, очень хорошо. Пусть будет так. Я стану рыцарем и оставлю все попытки соблазнить вас. Но если вы увидите, что я жую эту резинку — прячьтесь. Во всех остальных случаях, даю честное слово, вам нечего меня опасаться.

Ее глаза округлились, и она остановилась.

— И вы намерены снова попробовать эту гадость?

— А почему бы и нет? Возможно, жвачка превращает некоторых в диких зверей, но на меня такого воздействия она не оказывает. Я не чувствую тяги к ней и сомневаюсь, что этот наркотик может войти в привычку. Мне приходилось не раз курить опиум, но его употребление не вызывало никаких отрицательных эффектов. Я полагаю, что лишен болезненной тяги к наркотикам.

Откровения Бартона ошеломили Алису. Она отвернулась и произнесла сквозь зубы:

— Я знала, что вы не могли оторваться от рюмки, мистер Бартон. Но представить себе такое... Вы и это отвратительное создание, мистер Суинберн...

Тут ее прервал какой-то тип, и, хотя она не понимала по-итальянски, сопровождавший слова непристойный жест сделал его намерения

вполне ясными. Алиса вспыхнула, но продолжала идти, не останавливаясь. Бартон посмотрел на итальянца. Это был хорошо сложенный смуглый юноша с орлиным носом, маленьким подбородком и близко расположенными глазами. Его речь пересыпали слова из воровского жаргона Болоньи, где Бартон провел много времени, изучая культуру этрусков. За парнем стояло около десятка мужчин, большинство из которых имели такую же зловещую внешность. Еще дальше, немного в стороне, столпились женщины. Очевидно, эти молодцы хотели пополнить свой гарем — а заодно прихватить и каменные орудия группы Бартона. Сами они были вооружены только бамбуковыми палками и своими чашами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бартон подал команду, и люди сомкнулись вокруг него. Казз не понял слов, но сразу сообразил, что происходит. Он чуть отстал и занял позицию с тыла. Его звероподобный вид и увесистый каменный топор несколько охладили болонцев. Они последовали за группой, отпуская ругательства и угрозы, но приближаться пока не рисковали. Когда холмы скрыли прибрежную равнину, главарь бандитов взмахнул рукой и они пошли в атаку.

С диким воплем вожак бросился на Бартона, замахиваясь чашей. Бартон прикинул амплитуду размаха и метнул свое копье как раз в тот момент, когда чаша описывала дугу назад. Каменный наконечник оружия вошел в солнечное сплетение нападавшего и тот упал на бок. Неандерталец ударил одного из болонцев и выбил цилиндр из его рук, затем, отпрыгнув назад, он опустил топор на макушку другого бандита. Тот осел вниз с окровавленным черепом.

Маленький Лев Руах швырнул чашу в грудь здоровенного детины и свалил его на землю. Затем он прыгнул на парня, ударив его ногой в лицо в тот момент, когда бандит пытался встать.

Тот снова упал на спину, и Руах, изловчившись, проткнул ему плечо кремневым ножом. Завопив от боли, раненый вскочил на ноги и бросился прочь.

Фригейт, побледневший, когда банда бросила им вызов, действовал намного лучше, чем можно было ожидать. Его чаша висела на запястье левой руки, привязанная травяной веревкой, в правой руке он держал топор. В начале схватки он получил сильный удар в грудь, сбивший его на землю. Противник Фригейта поднял бамбуковое копье обеими руками, нацелившись прямо в висок американца, но тот откатился в сторону, отбив удар чашей. Затем он вскочил и, наклонив голову, ринулся на болонца, ударив его в живот. Оба упали, но Фригейт через мгновение оказался сверху. Его топор дважды опустился, раздробив череп бандита.

Алиса, подобно Руаху, бросила чашу прямо в лицо еще одному нападающему, а затем всадила ему в бок острие обожженного на огне копья. Логу подскочила сзади и ударила мужчину палкой по голове с такой силой, что тот упал на колени.

Сражение закончилось за шестьдесят секунд. Бандиты, быстро оценив ситуацию, мигом убрались восвояси вместе с табуном женщин. Бартон

перевернул стонущего вожака на спину и выдернул копье из раны. Оказалось, что наконечник вошел в живот не больше, чем на полдюйма.

Парень поднялся на ноги и, держась за кровоточащую рану, побрел прочь. Двое бандитов лежали без сознания, но, несомненно, живые. Напавший же на Фригейта был мертв.

Американец из бледного стал красным, затем снова побледнел. Однако было непохоже, чтобы он сокрушался или испытывал угрызения совести. Лицо его выражало торжество. И облегчение!

— Это был первый человек, которого я убил! — сказал он. — Первый!

— Думаю, что не последний, — ответил Бартон. — Если только раньше не разделаются с вами.

Руах, глядя на труп, медленно произнес:

— Мертвец здесь выглядит точно так же, как на Земле. Интересно, что происходит с теми, кого уже успели прикончить в сей юдоли загробной жизни?

— Если мы проживем здесь достаточно долго, то все со временем узнаем. Кстати, наши женщины держались отлично, молодцы!

— Я делала то, что нужно было делать, — ответила Алиса и отошла в сторону. Она была бледна

и дрожала. Логу же, наоборот, казалась оживленной, словно стычка доставила ей удовольствие.

Примерно за полчаса до полудня они вышли к своему грей-лстоуну. Здесь все изменилось. В их тихой маленькой ложбинке теперь собралось человек шестьдесят; многие мужчины возились с пластинами сланца, вырубая лезвия для ножей и наконечники копий. Один из них держался за налитый кровью глаз, куда, очевидно, попал осколок от камня. У некоторых кровь капала с лица или сочилась из разбитых пальцев.

Бартон расстроился, однако он понимал, что бессилен сейчас что-либо предпринять. Единственная надежда заключалась в том, что пришельцев прогонит отсутствие здесь воды. Но и она быстро растаяла. Какая-то женщина сказала, что в полутора милях к западу находится небольшой водопад. Чистейшая влага струилась с вершины скалы вниз по узкому разлому стреловидной формы и скапливалась в небольшом каменном бассейне. Вода наполняла его примерно наполовину; если она перельется через край, то к равнине устремится целый ручей. Если собрать камни, валявшиеся у основания горного хребта, и построить небольшую запруду, удастся отвести поток прямо к ложбине.

— Или же попробуем проложить трубы для воды, сделанные из больших стволов бамбука, — сказал Фригейт.

Они поставили чаши на камень, и каждый хорошо запомнил положение своей, затем стали ждать. Бартон объявил всем, что намерен покинуть ложбину, как только чаши наполнятся пищей. Возвышенная местность на полпути между водопадом и камнем имела множество преимуществ для обитания; к тому же она, возможно, еще не заселена людьми.

Голубые языки пламени взметнулись над камнем в тот миг, когда солнце достигло зенита. На сей раз чаши выдали салат, итальянский черный хлеб с мелкими вкраплениями чеснока, масло, спагетти вперемешку с мясным фаршем, чашку сухого красного вина, виноград, кристаллы растворимого кофе, десять сигарет, палочку марихуаны, сигару, туалетную бумагу, кусок мыла и четыре шоколадных пирожных. Среди присутствующих раздались жалобы, не всех устраивала итальянская кухня, но никто не стал отказываться от еды.

Мужчины выкурили по сигарете, и группа отправилась к водопаду, расположенному у основания скалы. Он находился в самом конце

стреловидного каньона, и тут уже обосновалось довольно много народа. Вода в бассейне была ледяной. После того, как люди Бартона вымыли посуду, высушили ее и наполнили ведра водой, группа двинулась в обратный путь к грейлстоуну. Через полмили они обнаружили подходящий холм, склоны которого поросли соснами. На голой его вершине возвышалась зеленая громада железного дерева. Вокруг тянулись бамбуковые стволы разнообразных размеров и видов.

Под руководством Казза и Фригейта, прожившего несколько лет в Малайзии, они нарезали стебли бамбука и лианы и соорудили из них хижины. Это были круглые строения с дверью и единственным окном напротив нее, с конической крышей, покрытой травой. Они работали быстро, так что ко времени очередного приема пищи все, кроме крыш, было закончено. Фригейт и Монат остались охранять лагерь, остальные взяли чаши и отправились к камню.

У грейлстоуна уже собралось не менее трехсот человек, торопливо сооружавших навесы, хижины и шалаши. Бартон предвидел такой поворот событий. Немногие были готовы шагать за едой полмили три раза в день ради уединения; люди предпочитали тесниться около грейлстоуна.

Правда, оставалась еще проблема снабжения водой, и Бартона удивило, что поселенцы как будто этим не обеспокоены. Но тут одна хорошенькая словенка сообщила ему, что днем совсем рядом был найден источник отличной питьевой воды. Бартон тут же отправился осмотреть его. Из пещеры у подножия горной гряды вытекал ручей, который разливался в небольшое озерцо шириной футов пятнадцать и глубиной в восемь. Оно выглядело так, словно создатели этого мира решили пополнить его еще одним, завершающим штрихом.

Бартон возвратился как раз в тот момент, когда над камнем взметнулось голубое пламя. Казз неожиданно остановился и стал на виду у всех мочиться; ему и в голову не пришло отойти в сторону. Логу хихикнула. Таня покраснела. Итальянки привыкли к тому, что мужчины жмутся к стенкам и заборам в любом месте, где только им приспичит, поэтому, казалось, не заметили происходящего. Что касается Вильфреды, то ей доводилось лицезреть гораздо худшие вещи.

Алиса, к удивлению Бартона, обратила на Казза не больше внимания, чем на собаку. Возможно, именно это объясняло ее отношение к происходящему. Для нее Казз не был человеком, и

поэтому от него не стоило ожидать достойного поведения.

Сейчас, пожалуй, не стоило укорять Казза, особенно пока он не понимал их языка. «Но ему надо будет кое-что объяснить языком знаков в следующий раз, когда он надумает облегчиться, — подумал Бартон, — особенно, если это случится во время еды. Каждый должен подчиняться определенным правилам и все, что портит аппетит другим, нужно запретить».

Проходя мимо Казза, он похлопал его по макушке буханкообразного черепа. Казз вопросительно посмотрел на Бартона, но тот покачал головой, показывая, что Казз поймет причину неодобрения тогда, когда научится говорить по-английски. Внезапно Бартон остановился, позабыв о Каззе, и коснулся пальцами кожи на собственной голове. Да, он не ошибся — на макушке начал пробиваться еле заметный пушок!

Он провел тыльной стороной ладони по лицу — оно оставалось таким же гладким, как и прежде. Но под мышками тоже оказался пух. В области паха, как и на лице, пока еще не было следов растительности. Возможно, там волосы растут не так быстро, как на голове. Он рассказал о своем открытии остальным, и люди стали ощупывать

себя и друг друга. Все было правильно. Волосяной покров восстанавливался — по крайней мере, на голове и под мышками. Казз являлся исключением. У него волосы полезли отовсюду, исключая лицо.

Это событие вызвало всеобщее ликование. Смеясь и перебрасываясь шутками, они двигались в тени основания горного хребта. Затем повернули на восток и, миновав четыре холма, подошли к возвышенности, о которой уже начинали думать как о своем доме. Поднявшись до середины склона, они молча остановились. Фригейт и Монат не отзывались на их оклики.

Бартон приказал рассредоточиться и замедлить темп подъема. В хижинах никого не было; некоторые из них — те, что поменьше — были перевернуты или раздавлены. У Бартона мороз прошел по коже, словно над равниной пронесся ледяной ветер. Тишина, поврежденные хижины, отсутствие Фригейта и Моната — все это предвещало что-то недоброе.

Минутой позже они услышали улюлюканье и обратили свои взгляды к подножию холма. В траве показались безволосые головы обоих сторожей, и вскоре они уже быстро поднимались по склону. Монат казался мрачным, зато амери-

канец улыбался вовсю. У него было исцарапано лицо, разбитые костяшки пальцев кровоточили.

— Мы только что отогнали четырех мужчин и трех женщин, которые хотели завладеть нашими хижинами, — объяснил Фригейт. — Я сказал им, что они тоже могут построить себе дома, а потом повторил несколько раз, что вы вот-вот вернетесь. И если они не уберутся восвояси, то им крепко намылят шеи. Они прекрасно все поняли — они говорили по-английски. Как я выяснил, они воскресли у грейлстоуна, расположенного на милю севернее нашего. Большинство воскресших там же из Триеста, кроме этой компании. Они — жители Чикаго, умершие около 1985 года. Распределение покойников, несомненно, довольно забавное, не правда ли? Я бы сказал, что тут действует просто случайность.

— Одним словом, я процитировал им Марка Твена: «Вы, жители Чикаго, думаете, что вы лучшие люди среди всех. Истина же заключается в том, что вы просто более многочисленны». Это пришлось им не по вкусу. Они, похоже, думали, что я должен быть с ними заодно уже только потому, что я — американец. Одна из женщин намекнула на возможность награды — если я, конечно, переметнусь к ним и помогу отстоять

хижины. Я отказался. И тогда эти янки заявили, что они все равно отберут наши жилища — если надо, переступив через мой труп.

— Но на словах они были храбрее, чем на деле. Монат испугал их своим видом. К тому же каменные топоры и бамбуковые копья давали нам большое преимущество. И все же их вожак подстрекал свою шайку к нападению. Вот тогда-то я внимательно присмотрелся к одному из них.

— Его голова была голой, а когда-то ее покрывали густые черные волосы. К тому же во время нашей встречи ему стукнуло уже лет тридцать пять и он носил толстые роговые очки. Я не видел его пятьдесят четыре года и поэтому не узнал сразу. Я подошел поближе и постарался внимательнее рассмотреть его ухмыляющуюся рожу, словно у вонючего скунса, оскалившего зубы. И я вспомнил его, вспомнил! «Лем? Лем Шарко? Ведь ты Лем Шарко, не правда ли?» — вырвалось у меня. — Тут его рот разъехался чуть ли не до ушей и он схватил меня за руку — вы понимаете, схватил меня за руку!—и закричал так, словно нашел своего любимого потерянного брата: «Ну и ну! Это же Пит, Пит Фригейт! Бог мой, Пит Фригейт! Здорово, дружище!»

— Сначала я чуть ли не обрадовался, встретив

его — по-видимому, по тем же причинам, что и он сам. Но потом я сказал себе: «Это он — тот самый жулик-издатель, который надул тебя на четыре тысячи долларов, когда ты был начинающим писателем, и надолго испортил твою карьеру. Это тот самый лицемерный и скользкий мерзавец, который обобрал по крайней мере еще четырех начинающих писателей, объявил себя банкротом и улизнул с круглой суммой в кармане. Об этом человеке тебе не следует забывать никогда — не только из-за того, что он сделал тебе, но также ради всех жуликов-издателей, с которыми ты имел дело потом».

Бартон ухмыльнулся и сказал:

— Я когда-то сказал, что священники, политиканы и издатели никогда не пройдут через небесные врата. Но видно я ошибся — если, конечно, считать, что мы действительно попали на небеса.

— Да, я знаю, — кивнул Фригейт. — Я всегда помнил эти ваши слова. И вот тогда подавив радость от встречи с давним знакомым, я сказал: «Послушай, Шарко...»

— И вы доверились человеку с таким именем? — сказала Алиса.

— Он говорил, что у него чешское имя, означаю-

щее «заслуживающий доверие». Это было ложью — впрочем, как и все остальное, что он мне наболтал. Так вот, я почти убедил себя, что нам с Монатом надо им уступить. Мы бы ушли, а потом вместе с вами прогнали бы их. Самое разумное решение в подобной ситуации. Но когда я узнал Шарко, я совершенно обезумел! Я сказал ему: «Приятель, я просто счастлив увидеть твою гнусную физиономию после стольких лет забвения. Особенно здесь, где нет ни суда, ни фараонов!»

— И я заехал ему прямо в нос! Он повалился на спину, захлебываясь кровью. Потом мы с Монатом бросились на остальных; одного я ударил ногой, зато другой врезал мне чашей по скуле. У меня все поплыло перед глазами, но Монат уже вышиб дух из одного негодяя древком копья и сломал ребра другому; он хоть и тощий, но очень быстрый. Шарко к тому времени встал на ноги и я еще раз приложился к нему кулаком. Удар пришелся в челюсть, но мне показалось, что моя рука пострадала куда больше, чем его физиономия. Он повернулся и побежал прочь, а я погнался за ним. Остальные тоже испугались и дали деру, но Монат все же успел хорошенько пройтись древком копья по их спинам. Я гнался за Шарко до соседнего холма, поймал его на спуске и тут

отвел душу! Он ползал по земле, умоляя о пощаде, и я смилостивился, дав ему на прощание такой пинок под зад, что он с воплем катился до самого подножия.

Фригейт все еще дрожал от возбуждения; было заметно, что он очень доволен собой.

— Я думал, что время смягчит обиду и гнев, — сказал он. — Ведь все это случилось так давно, в другом мире, на другой планете. Может быть, нас поместили сюда, чтобы мы научились прощать своих врагов... и некоторых друзей тоже... чтобы мы сами заслужили прощение. Но, пожалуй, тут мы можем доделать кое-что из того, что упустили на Земле... Что вы скажете, Лев? Хотели бы вы получить возможность поджарить Гитлера? На очень медленном огне, а?

— Я не думаю, что можно сравнивать вашего плута-издателя и Гитлера, — ответил Руах. — Нет, я бы не стал жарить его на огне. Я скорее бы уморил его голодом до смерти... или кормил бы его так, чтобы он оставался едва живым... Нет, я бы и этого не стал делать. Что хорошего в пытках? Разве они заставят мерзавца хоть немного измениться? Разве муки докажут ему, что евреи — тоже люди? Нет, я бы ничего не стал с ним делать, будь он в моей власти. Я бы просто убил

его, чтобы он не смог больше причинять зло другим... Но у меня нет уверенности, что и тогда он окончательно сгинет... Особенно здесь...

— Вы — настоящий христианин, — ухмыльнулся Фригейт.

— Я думал, что вы — мой друг! — с обидой сказал Руах.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Во второй раз Бартон слышал упоминание о Гитлере. Он хотел бы узнать подробнее об этом человеке, но

сейчас не стоило тратить время на экскурсы в историю. Необходимо было закончить сооружение хижин.

Они дружно взялись за работу. Одни нарезали траву маленькими ножницами, которые обнаружились в их чашах; другие залезли на железное дерево и начали обрывать огромные треугольные узорчато-алые листья. Крыши, конечно, оставляли желать лучшего. Бартон решил подыскать профессионального кровельщика и подучиться у него этому ремеслу. Кроватями, как решили все, будут просто охапки травы, покрытые сверху самыми мелкими листьями железного дерева. Листья покрупнее вполне могли заменить одеяла.

— Слава богу — или неведомому творцу этого мира — что здесь нет насекомых, — заметил Бартон.

Он поднял свою металлическую кружку, в которой плескалась еще пара унций лучшего скотча,

какой ему когда-либо доводилось пробовать.

— За Неведомого Творца, — провозгласил он тост. — Если бы ему пришло в голову создать точную копию Земли, то мы разделили бы это ложе с десятком тысяч кусающих, жалящих и кровососущих паразитов.

Они выпили, закурили сигары и, уютно устроившись у костра, начали неторопливую беседу. Постепенно сгущались тени, небо теряло прозрачность и голубизну; наконец, в вышине расцвели огромные звезды и повисли сияющие прозрачные туманности. Пылающий, великолепный полог ночи раскинулся над ними.

Бартон встал, перешел на другую сторону костра и присел на корточки рядом с Алисой. Она только что вернулась, уложив Гвиневру в одной из хижин.

Он протянул женщине пластинку жвачки и сказал:

— Я вЗял себе половину. Не угодно ли вам принять другую?

Она равнодушно посмотрела на Бартона и покачала головой:

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Здесь восемь хижин, — усмехнулся Бартон, хотя голос его звучал без тени иронии. — И нет

никаких сомнений в том, кто с кем будет этой ночью делить постель — кроме вас, меня и Вильфреды.

— Я не думаю, что здесь могут быть какие-то сомнения!

— Значит, вы спите с Гвиневрой?

Она даже не посмотрела в его сторону. С минуту он сидел рядом с ней, словно ждал чего-то, затем встал и вернулся на свое прежнее место рядом с Вильфредой.

— Вы можете убираться отсюда, сэр Ричард, — проинформировала та, скривив губы. — Черт меня побери, я не люблю быть второй в очереди. По крайней мере, вы могли поинтересоваться ее мнением, когда вас никто не видит. У меня тоже есть гордость, и поэтому советую вам, сэр, держаться от меня подальше.

Бартон промолчал, хотя в первый момент был готов выложить весь запас грязных ругательств, накопленный им за годы странствий. Потом он понял, что не может ни в чем упрекнуть Вильфреду. Он вел себя слишком бесцеремонно с этой женщиной. Пусть там, на Земле, она считалась продажной девкой — здесь это не лишало ее права на человеческое отношение. Особенно, если на панель ее толкнул голод, как она говорила.

Правда, Бартон относился к этому утверждению с некоторым скепсисом, но предпочитал не высказывать свои сомнения вслух. Он знал, что почти все проститутки искали в тяжелых жизненных обстоятельствах оправдание своей профессии. И часто это были просто фантазии относительно причин, заставивших их вступить на тернистый путь торговли своим телом... Однако ярость, с котором Вильфреда набросилась на святошу Смитсона, заставляла предположить, что ее история не являлась выдумкой... Бартон не мог отрицать, что и с ним она вела себя достойно.

Он поднялся и тихо произнес:

— Я вовсе не хотел вас обидеть, поверьте мне.

— Вы в нее влюблены? — спросила Вильфреда, взглянув на него.

— Только одной женщине я говорил, что люблю ее! — гордо заявил Бартон.

— Вашей жене?

— Нет. Девушке, которая умерла прежде... прежде, чем я смог бы назвать ее своей...

— А сколько лет вы были женаты?

— Я прожил с женой тридцать девять лет, если вам так интересно это знать.

— Черт меня побери! Столько времени вместе — и вы ни разу так и не сказали ей о любви?

— В этом не было необходимости! — резко произнес он и пошел прочь.

Он выбрал для ночлега хижину, которую занимали Монат и Казз. Неандерталец уже похрапывал, а пришелец со звезд покуривал марихуану. Монат предпочитал ее табаку, поскольку вкус этой травки напоминал ему похожее растение далекой родины. Марихуана почти не действовала на него, тогда как табак вызывал мимолетные, но яркие видения.

Бартон решил сохранить остаток своей резинки — или, как он ее называл, Жвачки Сновидений. Он закурил сигарету, хотя знал, что марихуана может усилить охватившее его чувство опустошенности. Чтобы убить время, он начал расспрашивать Моната о его родной планете, Гууррке. Чужая жизнь, обычаи, новый взгляд на мир всегда интересовали Бартона, но вскоре марихуана дала о себе знать. Его голова свесилась на грудь, и под затихающий голос инопланетянина он поплыл далеко-далеко...

«...прикройте сейчас же глаза, мальчики! — приказал Джалкрист своим раскатистым басом.

Ричард взглянул на Эдварда. Тот ухмыльнулся и поднес руки к лицу. Он определенно подсматривал в промежутки между пальцами. И, чтобы не

отставать от брата, Ричард тоже прикрыл глаза ладонями, стараясь незаметно приподняться на цыпочки. Хотя они с братом стояли на ящиках, им все равно нужно было вытягиваться, чтобы смотреть поверх голов взрослых, толпившихся впереди.

Теперь голова женхцины лежала на поперечном брусе, служившем основанием гильотины, ее длинные каштановые волосы свисали на лицо. Он хотел увидеть выражение ее глаз, устремленных вниз, на корзину, которая поджидала ее — или вернее, ее голову.

— Мальчики, не подглядывайте! — снова приказал Джалкрист.

Грохот барабанов почти заглушил один-единственный вскрик, лезвие устремилось вниз, затем послышался гул толпы, смешанный с чьими-то воплями и стенаниями. Голова женщины медленно падала вниз. Из шеи лилась кровь, и казалось, что она никогда не остановится. Кровь хлестала и хлестала из ее тела, заливая толпу, и, хотя он находился на расстоянии пятидесяти ярдов от жертвы, горячие красные капли окропили его руки и просочились сквозь растопыренные пальцы на лицо, заливая глаза. Губы его слиплись, он почувствовал соленый привкус. И тогда

он закричал...»

— Проснитесь, Дик! Да проснитесь же наконец! — тормошил его Монат. — Проснитесь! У вас, должно быть, кошмар!

Бартон, всхлипывая и дрожа, встал. Он вытер руки и осторожно ощупал лицо. И руки, и лицо были влажными. Но от пота, не от крови.

— Я видел сон, — наконец вымолвил Бартон. — Мне было всего шесть лет, и я находился в городе Тур, во Франции, где мы тогда жили. Мой наставник, Джон Джалкрист, взял нас, меня и моего брата Эдварда, на казнь женщины, отравившей свою семью. Джалкрист говорил, что это считалось развлечением.

— Я был страшно взволнован и подглядывал сквозь пальцы, хотя он велел нам не смотреть на те последние секунды ее жизни, когда нож гильотины падает вниз. Но я смотрел! Я должен был видеть! Я помню, что меня немного мутило — вот и все воздействие, которое оказало на меня это отвратительное зрелище. Оно казалось мне нереальным — словно я наблюдал за ним через толстое стекло. Или же я сам находился в каком-то нереальном мире. Наверное, поэтому я не пришел в ужас.

Монат закурил еще одну сигарету с марихуа-

ной. Ее огонька было достаточно, чтобы Бартон увидел, как он качает головой.

— Как дико! Вы хотите сказать, что не только убивали своих преступников, но еще и отрезали им головы? На виду у всех? И вы позволяли детям смотреть на этот ужас?

— Ну... в Англии поступали несколько человечнее. Там преступников вешали.

— По крайней мере, французы давали людям понять, что именно они отвечают за пролитую кровь, — сказал Монат. — Кровь преступников была на их руках. Но, по-видимому, это соображение никому не приходило в голову. Во всяком случае, не осознавалось достаточно ясно. И вот теперь, когда прошло столько лет — шестьдесят три года, если не ошибаюсь — под действием марихуаны перед вашим мысленным взором ожила сцена, которая, как вы полагали, не оставила никакого следа в вашей душе. Но сейчас вы корчились от ужаса, наблюдая казнь. Вы кричали, как испуганное дитя. Это была нормальная реакция ребенка на такое ужасное зрелище. Очевидно, марихуана вскрыла какие-то глубинные слои памяти и воскресила страхи, таившиеся там на протяжении всей вашей жизни.

— Вполне вероятно, — согласился Бартон.

Где-то вдали раздался раскат грома, сверкнула молния, и через минуту стремительно нахлынул звук падающих на крышу капель. Прошлой ночью дождь пошел примерно в это же время; теперь он снова начался около трех часов пополуночи, как показалось Бартону. Ливень усилился, но крыша держалась, и ни одна капля не проникла внутрь хижины. Лишь немного влаги просочилось со стороны задней стенки, обращенной к вершине холма. Вода растеклась по полу, но не достигла людей, расположившихся на матрасах из травы и листьев в добрых десять дюймов толщиной.

Бартон беседовал с Монатом примерно с полчаса, пока дождь не прекратился. Потом Монат закрыл глаза; через минуту послышалось его ровное дыхание. Казз давно храпел под кучей листьев, безразличный к разгулу стихий. Бартон тоже попытался уснуть, но не смог. Никогда еще он не чувствовал себя таким одиноким. И он боялся, что сон снова принесет ему кошмарные видения. Через некоторое время, решив, что уснуть ему не удастся, он вылез из хижины и побрел к домику Вильфреды. Когда он приблизился к зияющему провалу входа, его ноздри уловили запах табака. Свет звезд и тускло мерцающий

огонек сигареты позволяли различить контуры женской фигуры. Вильфреда сидела на копне травы и листьев.

— Привет! — сказала она. — Я надеялась, что вы придете.

— Обладание собственностью — это инстинкт, — заявил Бартон,

— Очень сомневаюсь в этом, — возразил Фригейт. — Некоторые интеллектуалы в шестидесятых годах, я имею в виду шестидесятые годы двадцатого века, пытались доказать, что человеку присущ инстинкт, который они называли «зовом земли». Но...

— Мне нравится такое сочетание слов. В нем ощущается нечто величественное... — отметил Бартон.

— Я догадывался, что вам это придется по душе, — согласился Фригейт. — Но Ордри и другие философы утверждали, что человек обладает не только врожденным стремлением к захвату земли, но и другим инстинктом, унаследованным от древнего предка — обезьяны-убийцы. И с развитием цивилизации инстинкт убийства усиливается. Этим они объясняли тягу к расширению границ своего владения, национализм, капитализм, войны, убийства, преступления и так далее. Но другая

философская школа утверждала, что все эти явления — результат преемственности современной культуры, впитавшей в себя такие анахронизмы прошлого, как война и убийство, возникшие на ранних стадиях развития общества. Измените культуру, и обезьяна-убийца исчезнет. Исчезнет, потому что ее существование — просто миф, выдумка, оправдывающая пороки социальной структуры. Убийцей является общество, которое растит из детей новых убийц, передавая это проклятье из поколения в поколение. Однако...

— Это очень интересно, — прервал его Бартон. — И, когда позволит время, мы с вами рассмотрим все эти теории. Пока же должен вам заметить, что почти каждый представитель воскрешенного человечества связан с культурой, поощрявшей войны, убийства, насилие и разбой. Такова реальность, в которой мы оказались. Когда-нибудь появится новое поколение и ситуация, возможно, изменится. Не знаю. Слишком рано об этом говорить, когда мы провели здесь всего семь дней. Таким образом, нравится нам это или нет, мы находимся в мире, населенном существами, которые часто поступают так, словно они на самом деле являются обезьянами-убийцами. А теперь давайте вернемся к нашему проекту.

Они сидели на бамбуковых стульях около хижины Бартона. На небольшом бамбуковом столе перед ними стояла модель судна, сделанная из соснового бруска и того же бамбука. Двойной корпус катамарана сверху соединяла платформа с невысокими перилами.

Мачта, очень высокая, была рассчитана на переднее и заднее парусное вооружение, которое можно было легко ставить и убирать. На платформе располагался невысокий мостик с рулевым колесом. Бартон и Фригейт изготовили эту модель с помощью кремневых ножей и лезвий ножниц, вставленных в деревянныё рукоятки. Бартон решил назвать судно «Хаджи». Оно отправится в долгое странствие, но не Мекка будет его целью. Вверх по реке — по великой, бесконечной Реке, как ее теперь называли, двинется судно. И они постараются пройти так далеко, как смогут.

Их разговор о так называемом «зове земли» был связан с некоторыми трудностями, возникшими при постройке судна. Люди постепенно начали налаживать жизнь. Они разметили границы своих владений и начали строить жилища, используя любой материал, который оказывался под руками. Одних удовлетворяли скромные хижины, другие возводили из бамбука и камней

грандиозные строения в два этажа с четырьмя комнатами. Большинство домов теснились около грейлстоунов на речном побережье или у основания горной гряды. Исследования Бартона, предпринятые двумя днями раньше, позволили установить, что на одной квадратной миле обитало около 260 человек. На каждую квадратную милю равнины приходилось примерно 2,4 мили холмистой местности; однако она была так изрезана, что только половина ее годилась для поселения. Бартон изучил три района и выяснил, что одна треть населения возводила дома поблизости от береговых грейлстоунов, а одна треть предпочитала холмы.

По земным меркам двести шестьдесят человек на квадратную милю считалось высокой плотностью населения. Однако прихотливая топография холмов и покрывающий их густой лес позволяли небольшой группе жить в относительной изоляции. Равнина тоже редко была заполнена народом — кроме периодов получения пищи. Поселившиеся на равнине люди основное время проводили в лесу или занимались рыбной ловлей на побережье. Многие долбили челноки или строили лодки из бамбука, чтобы ловить рыбу в отдалении от берега. Кое-кто, подобно Бартону,

жаждал отправиться в путешествие по Реке.

Заросли бамбука были вырублены, хотя никто не сомневался, что они вскоре восстановятся. Бамбук обладал феноменальной скоростью роста. По оценке Бартона, он достигал высоты в пятьдесят футов за десять дней.

Их группа усердно трудилась и заготавливала все, что только можно было использовать для постройки судна. Однако им приходилось тратить так много времени на защиту от воровства, что пришлось соорудить высокий забор. Он был закончен одновременно с окончанием постройки модели. Теперь основная проблема заключалась в выборе места вблизи Реки для строительства судна. Эту работу нельзя было выполнить здесь; у них не хватило бы сил протащить большой катамаран к воде по заросшим лесом холмам.

— Но если мы уйдем отсюда и заложим новое поселение, столкновение будет неизбежным, — сказал как-то Фригейт. — Сейчас уже нет ни одного дюйма на равнине, на который бы никто не претендовал. Нам придется пойти на нарушение границ. Пока еще никто не пытается утверждать свои права на владение, но положение может измениться в любой момент. Остается одно — строить корабль на границе равнины и холмов.

Оттуда, я думаю, мы сможем дотащить судно к Реке. Но и в этом случае нам придется караулить днем и ночью, иначе его украдут. Или уничтожат. Вы же знаете этих варваров!

Он имел в виду, что хижины иногда оказывались разрушенными, когда их хозяева возвращались из леса или с рыбной ловли. Кто-то забрасывал нечистотами маленькие озера, образованные струившимися с гор ручьями. И, кроме того, многие местные жители имели весьма смутное понятие о простейших правилах гигиены.

— Я думаю, нужно построить новый поселок и верфь как можно ближе к Реке, — решил Бартон. — Потом мы срубим все деревья, которые помешают нам транспортировать судно, и проложим путь силой там, где нас откажутся пропустить добровольно.

К людям, поселившимся на границе между равниной и холмами, направили на переговоры Алису. Она знала три пары, которые жили в подходящем месте и были очень недовольны своими соседями; она смогла убедить их перебраться в хижины, где обитала группа Бартона. Это произошло на двенадцатый день после Воскрешения, в четверг. Первый день жизни в новом мире по общему решению считался воскресеньем.

Правда Руах заметил, что он предпочел бы назвать этот день субботой или просто Первым Днем, Но вокруг, в основном, жили христиане — или бывшие христиане — и его предложение не получило поддержки. Ведь любой, ставший однажды христианином, остается им навсегда — во всяком случае, в том, что касается счета дней недели. В порядке компенсации Руах решил заняться календарем. Последний представлял из себя деревянный шест, вкопанный в землю перед хижиной Руаха; на нем он каждое утро делал зарубку.

Заготовка и перетаскивание леса для постройки судна отняли у них четыре дня, наполненных тяжелой работой. К этому времени итальянские пары решили, что с них хватит; по их словам, они сбили руки до самых костей на строительстве этого никому не нужного корабля. Затем плыть куда-то в другое место, которое, скорее всего, окажется похожим на это? Ведь их, несомненно, воскресили из мертвых для того, чтобы они могли снова наслаждаться жизнью. Иначе зачем их снабжают спиртным, сигаретами, марихуаной, Жвачкой Сновидений... наконец, зачем же их воскресили нагими?

Итак, итальянцы покинули группу, не затаив,

впрочем, камня за пазухой. Они даже устроили на прощанье пирушку.

На следующий день — двадцатый день 1 года — произошли два события; первое разрешило одну из загадок, второе — добавило новую, хотя и не столь важную.

На рассвете группа Бартона отправилась, как обычно, к ближайшему грейлстоуну. Тут, около камня, они обнаружили двух мужчин, спавших прямо на земле. Незнакомцев разбудили; они выглядели удивленными и испуганными. Один из них, стройный смуглолицый парень, говорил на никому не известном языке. Речь другого, мускулистого черноволосого великана с красивым лицом и серыми глазами, тоже казалась непонятной. Но внезапно, Бартон сообразил, что этот человек говорит на английском! Это был камберлендский диалект, на котором изъяснялись в этой части Британии во времена Эдуарда I. Когда Бартону и Фригейту удалось разобраться с необычным произношением незнакомца, они смогли вступить с ним в переговоры.

Джон де Грейсток родился в наследственном владении Грей-стоков в графстве Камберленд. Он сопровождал Эдуарда во Францию и участвовал в том походе, когда королю удалось захватить Гас-

конь. Если верить Грейстоку, там он отличился в многочисленных рукопашных схватках. Позднее, став бароном, Грейсток заседал в парламенте, а затем снова отправился воевать в Гасконь. Он состоял в свите епископа Антонина Бека, патриарха Иерусалимского. Двадцать восьмой и двадцать девятый года правления Эдуарда он провел на севере, сражаясь с шотландцами. В 1305 году он умер, не оставив потомства. Его владения и титул барона перешли к его кузену Ральфу, сыну лорда Гримпторпа из Йоркшира.

Он восстал из мертвых где-то на берегах Реки, в местности, населенной англичанами и шотландцами 14 века с десятипроцентной примесью жителей древнегреческого полиса Сибариса. Напротив, за Рекой, обитали монголы эпохи Кублахана и какие-то смуглокожие люди неизвестного Грейстоку племени. Судя по его описанию, это были североамериканские индейцы.

На девятнадцатый день после Воскрешения дикари перебрались через Реку и атаковали англичан. По-видимому, причина нападения заключалась только в их врожденной воинственности, Оружием служили, в основном, палки и чаши, так как в той области было очень мало камня. Джон де Грейсток уложил десяток мон-

голов своей чашей, но его ударили обломком булыжника по голове и проткнули бамбуковым копьем с обожженным на огне наконечником. Он снова пробудился к жизни, нагой, целый и невредимый, около этого грейлстоуна; рядом стояла его чаша.

Второй воскрешенный изложил свою историю, разыграв целую пантомиму. Он ловил рыбу, и его крючок заглотила какая-то тварь, настолько сильная, что она смогла утащить его в воду. Когда он попытался вынырнуть, то ударился головой о днище лодки и потерял сознание.

Итак, был получен ответ на вопрос, что происходит с теми, кого в этом мире настигает смерть. Оставалось, однако, неясным, почему они восстают из мертвых совсем в другой местности.

Вторым событием было отсутствие пищи в чашах после их зарядки в полдень. Вместо еды внутри каждого цилиндра находилось шесть кусков материи. Они были различного размера, разных цветов и толщины. Четыре предназначались, очевидно, для того, чтобы их носили на манер шотландских юбок-килтов. Их можно было обернуть вокруг талии и застегнуть с помощью какого-то устройства, напоминающего магнитную кнопку. Оставшиеся два куска из

более тонкого, почти прозрачного материала, скорее всего предназначались для нижнего белья, хотя их можно было использовать и для других целей. Ткань на ощупь казалась мягкой, но она выдерживала любые нагрузки, и ее не мог разрезать ни нож из бамбуковой пластины, ни острейшее лезвие из сланца.

Человечество издало громкий вопль восторга, обнаружив эти «покрывала». Хотя к этому времени и мужчины, и женщины привыкли — или, как минимум, смирились с наготой, натуры более утонченные или менее адаптабельные находили неэстетичным или даже отталкивающим вид человеческих гениталий, выставленных напоказ. Теперь у них имелись кильты, нагрудные повязки и тюрбаны. Последние должны были покрывать их головы, пока волосы не отрастут вновь.

Волосы росли всюду, где предназначено природой — кроме лица. Это очень огорчало Бартона. Он всегда гордился своими длинными усами и густой, раздвоенной бородой; как-то он заявил, что потеря этих знаков мужского достоинства делает его более нагим, чем отсутствие брюк.

Вильфреда рассмеялась и сказала:

— А я довольна, что они исчезли. Терпеть не мо-

гу эти колючие волосы на мужских подбородках. Целовать такого типа — все равно, что сунуть лицо в клочья рваного матраса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Миновало шестьдесят дней. Судно перетащили по равнине к Реке на больших катках из стволов бамбука. Наступил день спуска «Хаджи» на воду. Катамаран состоял из двух бамбуковых корпусов с сильно заостренными носами, которые соединялись платформой. Между бушпритом и единственной мачтой корабля ставился дополнительный парус, выпуклый, как половинка воздушного шара. Высокая мачта несла переднее и заднее парусное вооружение; паруса были сотканы из бамбуковых волокон. Управление судном производилось с помощью большого соснового весла, так как установка настоящего руля и штурвала оказалась практически неосуществимой. В настоящий момент они располагали только сплетенными из травы канатами, значительно уступавшими леерам, которые можно было сделать из дубленой кожи и внутренностей некоторых крупных речных животных. На передней палубе, крепко привязанный к перилам, находился челнок, выдолбленный Каззом из соснового бревна.

Торжественную церемонию спуска судна на

воду несколько подпортил Казз. Теперь он уже мог как-то изъясняться на ломаном английском с добавлением крепких словечек на арабском, итальянском и суахили, которые он подцепил у Бартона.

— Нужно... как назвать это?... ва аллах!... что за слово?... когда убить кого-нибудь, раньше класть лодку в воду... ты знаешь... мерд... нужное слово, Бартон-нак... дай нужное слово, Бартон-нак... слово... слово... когда убить человека для духа, для Каббурканакрубимсе... водяного духа... чтобы не утопил лодку... иначе рассердится... утопит и съест нас...

— Ты говоришь о жертве? — догадался Бартон.

— Благодарю кровью своей, Бартон-нак. Да! Жертва! Перерезать ему... ей... горло... положить в лодку... тереть его о дерево... чтобы дух воды не гневался на нас...

— Мы этого не сделаем, Казз, — покачал головой Бартон.

Казз долго спорил, но, наконец, согласился подняться на

палубу. Его лицо вытянулось, он заметно нервничал. Чтобы успокоить неандертальца, Бартон напомнил ему, что они не на Земле. Это совсем другой мир, в чем он легко может убедиться,

бросив взгляд вокруг — особенно, посмотрев на звездное небо. Духи старой Земли не обитали в этой долине. Кадзз слушал и улыбался; однако он все еще выглядел так, словно ожидал появления из речных глубин чудовищной головы Каббурка-накрубимсе, с зеленой бородой и выпученными рыбьими глазами.

Утром около корабля собралась большая толпа. Сюда пришли люди, жившие за многие мили вокруг — спуск судна на воду сулил необычное развлечение. Они кричали, смеялись, отпускали шутки; у всех было отличное настроение. Корабль еще стоял на берегу, когда Бартон, поднялся на его невысокий мостик и поднял руку, требуя тишины. Шум толпы замер, и он заговорил на итальянском.

— Беспечные мои собратья, друзья, поселившиеся в этой долине Земли Обетованной! Через несколько минут мы покинем вас...

— Если только эта лохань не перевернется! — пробормотал Фригейт.

— ...чтобы пуститься в путь вверх по Реке, против ветра и течения. Мы предпринимаем это тяжелое путешествие потому, что испытанные трудности всегда вознаграждаются сторицей, если верить поучениям наших земных морали-

стов --ну, а вы сами знаете, насколько им можно доверять.

Раздался смех. Кое-где послышались протестующие выкрики особо твердолобых верующих.

— На Земле, как известно некоторым из вас, я когда-то осуществил экспедицию в глубины Африки, чтобы отыскать истоки Нила. Я не добрался до них, хотя и подошел очень близко. Меня обманул и лишил заслуженной славы человек, который был обязан мне всем! Его имя — Джон Ханнинг Спик, и если мне доведется встретить его во время нашего путешествия, я знаю, что сделать с ним!

— Боже праведный! — произнес Фригейт. — Вы что же, заставите его еще раз покончить с собой от стыда и угрызений совести?

— Но не в этом суть. Дело в другом. Эта Река может оказаться больше Нила, который, как вы, возможно, знаете — или не знаете — является самой длинной рекой на Земле, несмотря на то, что американцы настаивают на приоритете Амазонки или Миссисипи и Миссури. Некоторые из вас могут спросить, зачем нам задаваться целью, которая находится неизвестно где и, может быть, вообще не существует? Я отвечу вам так: мы отправляемся в путь потому, что впереди

лежит Неизведанное и наша цель — сделать его Познанным! Это — все! И здесь, в отличие от нашего печального земного опыта, не нужны деньги для организации такого похода. Король Толстый Бумажник отдал концы — и скатертью ему дорога! Не нужно писать сотни прошений и заполнять кучи бланков и форм, выпрашивать аудиенции у влиятельных особ и мелких чинуш, чтобы получить дозволение пройти по этой Реке! Здесь нет национальных границ...

— Пока что, — шепнул Фригейт.

— ...нет паспортов и чиновников, вымогающих взятки. Мы построили этот корабль, ни у кого не спрашивая разрешения. И мы отправимся в путь без высочайшего соизволения от какого-нибудь дерьма — высокого, среднего или мелкого ранга. Мы свободны — свободны впервые за всю историю рода человеческого! Свободны! И я не могу сказать вам — прощайте; нет, я говорю вам — до свидания...

— Вы и раньше никогда не прощались... — пробормотал Фригейт.

— ...потому, что мы можем вернуться через тысячу лет. До свидания, говорю я вам; до свидания, говорит вся наша команда. Мы благодарим вас за помощь при постройке этого судна и его спуске

на воду. При сем я препоручаю свою должность консула Ее Величества в городе Триесте любому, кто пожелает занять это место, и объявляю себя свободным гражданином мира Реки! Я никому не буду платить дань, никому не стану присягать на верность! Отныне я буду верен только самому себе!

Фригейт гнусаво затянул:

— Твори то, что диктует тебе мужская доблесть,

И не ищи одобрения своих подвигов.

Тому, кто следует своим законам,

Суждена благородная жизнь и благородная смерть.

Бартон бросил взгляд на американца, но не прервал его. Фригейт декламировал строки из собственной поэмы Бартона «Деяния Хаджи Абдаль-Язди», Уже не первый раз он цитировал прозу и стихи Бартона. Иногда поведение американца раздражало Бартона, но он не мог слишком сердиться на человека, который испытывал к нему такое уважение, что сохранил в памяти написанные им строки.

Через минуту, когда под аплодисменты толпы несколько человек принялись толкать катамаран к Реке, Фригейт процитировал его снова. Аме-

риканец посмотрел на тысячи молодых людей, заполнивших берег, на их стройные бронзовые тела, их пестрые кильты и тюрбаны, на разноцветные накидки, развевающиеся по ветру, и произнес:

Ах, в этот день беспечный,

Весь в солнечном сиянье и порывах ветра,

Толпу друзей я встретил на брегах Реки И веселился с ними, когда был молод я,

Когда был молод.

Судно скользнуло в воду, и течение развернуло его нос в сторону Низовья. Но Бартон отдал команду и на мачте распустились паруса. Он взялся за рукоять рулевого весла и направил катамаран поперек течения; паруса захлопали, ловя ветер. «Хаджи» покачивался на волнах, шипела вода, разрезаемая двумя форштевнями судна, ярко светило теплое солнце, свежий бриз касался разгоряченных тел. Они были молоды и счастливы, и только легкое сожаление коснулось их сердец, когда знакомые берега и лица растаяли вдали. У них не было карт и лоции, облегчающих путь; мир, неожиданный и неведомый, открывался перед ними с каждой милей пройденного пути.

В тот вечер, когда они впервые пристали к берегу, случилось нечто, озадачившее Бартона.

Казз, сошедший на твердую землю и мгновенно оказавшийся в толпе глазеющих на него людей, вдруг пришел в сильное возбуждение. Он стал что-то тараторить на своем родном языке, затем попытался схватить стоявшего рядом с ним человека. Тот увернулся и быстро затерялся в толпе.

Когда Бартон начал расспрашивать его, Казз невнятно пробормотал:

— У него не было... ух... как это назвать?.. этого... этого... — тут он указал на свой лоб, а потом начертил в воздухе несколько непонятных символов.

Бартон собирался разобраться с этим делом, но его отвлекла Алиса. С внезапным криком она подбежала к какому-то мужчине и вцепилась в него. Выяснилось, что она приняла его за своего сына, который погиб во время Первой мировой войны. Недоразумение разъяснилось, как только Алиса поняла свою ошибку. Но затем другие дела отвлекли Бартона, и так как Казз не делал попыток напомнить ему об этом инциденте, он позабыл о нем.

Но придет время, когда он снова о нем вспомнит.

Через 415 дней они миновали двадцать четыре тысячи девятисотый грейлстоун по правому берегу Реки. Лавируя против ветра и течения, они

проходили в среднем шестьдесят миль в сутки, останавливаясь днем для зарядки чаш и ночью располагаясь на ночлег у берега. Иногда они задерживались на суше на целый день, чтобы размять ноги и поговорить с местными жителями. И, тем не менее, они прошли уже около тридцати тысяч миль. На Земле это расстояние равнялось бы длине экватора. Если вытянуть в одну линию Миссисипи и Миссури, Нил, Конго, Амазонку, Янцзы, Волгу, Амур, Ганг, Лену и Замбези, то все эти земные реки не могли бы покрыть пройденного ими пути по великой, нескончаемой Реке нового мира. И она тянулась все дальше и дальше, текла то на юг, то на север, извиваясь гигантскими петлями. Повсюду вдоль речных берегов тянулись равнины, за ними простирались покрытые лесом холмы, упиравшиеся в невообразимой вышины горный хребет.

Случалось, низменности сужались и холмы подступали к самой Реке. Иногда водный поток раздавался, разливаясь в озера шириной три, пять, шесть миль. То здесь, то там горы сближались, и судно стремительно неслось по каньонам, где вода кипела, как в котле, и небо превращалось в узкую голубую полоску, повисшую между гигантских черных стен.

И повсюду жили люди. Днем и ночью мужчины, женщины, дети толпились на берегах Реки.

К этому времени путешественники установили некоторую закономерность. Люди были расселены вдоль Реки в определенной национальной и хронологической последовательности. Они проплыли между областей, где жили славяне, итальянцы и австрийцы, умершие в последнее десятилетие девятнадцатого века, затем миновали районы, населенные венграми, норвежцами, финнами, греками, албанцами, ирландцами. Иногда они попадали в местности, населенные людьми из других времен и регионов Земли. В одной на двадцатимильном участке обитали австралийские аборигены, никогда не видевшие белого человека. В другой, протянувшейся на сотню миль, жили тохары, соплеменники Логу. На Земле они обитали в китайском Туркестане во времена зарождения христианства; они являлись самой восточной ветвью индоевропейской расы. Их культура процветала столетия — и затем угасла под натиском пустынь и диких кочевников.

С помощью торопливых и не очень точных наблюдений Бартон определил, что каждую область населяло около 60% представителей одной национальности и 30% другой; эти народы,

как правило, обитали на Земле в разные эпохи. Остальные 10% относились к различным временам, расам и племенам.

Все мужчины пробуждались от смерти подвергнутыми обрезанию. Все женщины воскрешались девственницами. Большинство из них, как однажды отметил Бартон, сохранили это состояние не дольше первой ночи в новом мире. До сих пор они не видели и не слышали ни об одной беременной женщине. Существа, воскресившие род людской, должно быть, подвергли всех стерилизации, причем — из самых благих намерений. Если бы человечество получило возможность размножаться, то всего за одно столетие речная долина была бы закупорена телами людей.

Вначале казалось, что здесь нет других живых существ, кроме людей. Теперь стало известно, что в почве обитает несколько видов червей. И Реку населяла, как минимум, сотня пород рыб — начиная от крошечных, шести дюймов в длину, и кончая огромными «речными драконами» размером с кашалота, обитавшими у самого дна. Фригейт говорил, что все животные выполняют здесь определенные задачи. Речные обитатели поддерживали чистоту водного потока, черви уничтожали отходы и трупы.

Гвиневра немного подросла. Все дети росли тут нормально. Через двенадцать лет в долине не будет ни одного ребенка или подростка — если условия жизни везде адекватны тем, что наблюдали путешественники.

Размышляя об этом, Бартон как-то сказал Алисе:

— Этот ваш друг, преподобный Доджсон, который любил только маленьких девочек, скоро окажется, пожалуй, в безвыходном положении.

— Доджсон вовсе не был каким-нибудь извращенцем, — возразил ему Фригейт. — Но что ждет тех, для кого дети являются единственным объектом сексуального влечения? Что они будут делать, когда тут не останется детей? И что сейчас происходит с теми, кто получал наслаждение используя или мучая животных? Вы знаете, сначала меня ужасно огорчало это отсутствие птиц и зверей... Я люблю собак и кошек... и медведей, слонов — словом, большинство животных. Кроме обезьян, они до отвращения, похожи на людей. Но теперь я рад, что их тут нет. По крайней мере, их не будут мучить... Всех этих несчастных беспомощных созданий, которым причиняют боль, морят голодом или заставляют погибать от жажды... как часто на Земле они оказывались во

власти легкомысленных или жестоких людей... на Земле, но не здесь.

Он нежно коснулся золотистых волос Гвиневры, которые уже отросли почти на шесть дюймов.

— И те же чувства я испытываю ко всем беспомощным существам, познавшим жестокость старого и нового миров...

— Но даже если в этом новом мире воцарится справедливость и доброта, — подхватила Алиса, — он не станет для меня привлекательным, раз в нем нет места детям! И животным! Да, здесь не будет возможности мучить и унижать их — но нельзя также их ласкать и любить!

— Здесь все разумно сбалансировано, — сказал Бартон. — Ведь не существует любовь без ненависти, добро без зла, мир без войны. В любом случае, у нас нет выбора. Неведомые Властители этого мира решили, что здесь не будет животных и женщины не смогут иметь детей. И БЫТЬ посему!

Утро 416 дня путешествия было похоже на все остальные. Солнце поднималось над вершиной горного хребта, расположенного слева по ходу движения катамарана. С Верхоречья, как обычно, тянуло свежим ветром. Температура поднима-

лась вместе с солнцем и к двум часам пополудня достигла 85 градусов по Фаренгейту. «Хаджи» покачивался на тихой волне. Бартон стоял на мостике, ухватившись обеими руками за длинную рукоять румпеля. Солнце ласкало его загорелую до черноты спину, легким бриз играл складками кильта в черную и красную клетку, доходившего почти до колен. На его шее висело ожерелье, сделанное из черных блестящих позвонков саргана. Эта шестифутовая рыбина с бивнем в шесть дюймов длиной обитала на глубине сотни футов и поймать ее было непросто. Из ее позвонков получались прекрасные ожерелья; ее кожа, хорошо продубленная, годилась для панцирей и сандалий, из нее получались также прочные гибкие канаты. Мясо саргана было превосходным. Но главную ценность представлял бивень. Из него мастерили отличные наконечники для копий или кинжалы.

Большой лук в чехле из прозрачного рыбьего пузыря был привязан к перилам рядом с Бартоном. Изготовленный из эластичных, слегка изогнутых челюстных костей речного дракона, он являлся грозным оружием; натянуть его тетиву мог только очень сильный человек. Бартон увидел его месяц назад и предложил владельцу

сорок сигарет, десять сигар и почти тридцать унций виски в обмен — но сделка не состоялась. Тогда Бартон и Казз, дождавшись ночи, попросту украли лук. Или, скорее, обменяли, так как Бартон оставил его бывшему хозяину свой собственный лук, сделанный из тиса.

Впоследствии он попытался найти оправдание этому поступку. Хозяин чудесного лука бахвалился, что прикончил человека ради него. Так что, забрав лук, Бартон мог считать, что отнял его у вора и убийцы. Тем не менее угрызения совести мучили его, и он старался не вспоминать слишком часто об этом эпизоде.

Русло Реки постепенно суживалось, и теперь Бартон вел катамаран по сравнительно неширокому каналу. Пятью милями ниже по течению водный поток образовывал озеро около трех с половиной миль шириной, но теперь расстояние от берега до берега не превышало восьмисот ярдов. Впереди высились утесы; Река изгибалась, исчезая за высокой стеной каньона.

Судно теперь медленнее продвигалось вперед — ему приходилось преодолевать сильное течение, а пространство для маневрирования было ограниченным. Но Бартон уже не раз преодолевал такие стремнины и не испытывал большого

беспокойства. Однако всякий раз, когда он попадал в подобное место, ему казалось, что «Хаджи» словно рождается заново. Судно покачивалось в озере, как младенец в утробе матери, затем, через узкий проход, проскакивало в другое озеро, бурлящее водами, словно в широкий и светлый мир, обещающий сказочные приключения и чудесные открытия.

Катамаран лег на другой галс на расстоянии двенадцати ярдов от прибрежного грейлстоуна. В полумиле, на правом берегу Реки, толпились местные, наблюдая за эволюциями судна. Они что-то вопили, размахивая кулаками и, очевидно, выкрикивали непристойности — неслышимые за дальностью дистанции, но вполне понятные Бартону; ему уже не раз приходилось наблюдать подобную реакцию. Ее нельзя было считать откровенно враждебной; у населяющих долину народов и племен существовали различные способы, чтобы приветствовать чужих или предостеречь их от высадки на сушу.

Здесь по правому берегу на протяжении шестидесяти грейлстоунов (или же шестидесяти миль) жили невысокие щуплые, темнокожие и темноволосые люди. Они говорили на языке, который, по мнению Руаха, относился к хамито-

семитской группе. На. Земле эти люди обитали где-то в Северной Африке или Месопотамии, когда эти районы еще не были покрыты пустынями. Они носили кильты, но их женщины ходили с обнаженной грудью, используя тонкую ткань только для накидок и тюрбанов. На другом берегу Реки около восьмидесяти миль занимали бывшие жители Цейлона десятого века; к ним были добавлены индейцы майя доколумбовой эпохи.

— Котел, в котором смешиваются и сплавляются народы и времена, — заметил как-то Фригейт по поводу принципов расселения возрожденного человечества в долине. — Очевидно, мы присутствуем при величайшем социальном и антропологическом эксперименте.

Его утверждение не было слишком смелым. Казалось, людей различных племен и рас специально перемешали так, чтобы они могли научить чему-нибудь друг друга. Иногда чуждым группам населения удавалось достигнуть взаимопонимания и жить относительно спокойно. В других случаях дело кончалось кровавой резней, во время которой слабейшие или полностью уничтожались, или обращались в рабство.

После Воскрешения некоторое время всюду царила анархия. Шел процесс адаптации; люди

образовывали маленькие группы с целью самозащиты и утверждения своих прав на небольшие клочки земли. Затем на первый план вышли прирожденные лидеры и политики; к ним пристраивались эпигоны, выбирая вождя по своему вкусу... или, чаще, вожди сами рекрутировали подходящих сторонников.

В результате возникали различные политические системы, одной из которых было порабощение части чашевладельцев. Группа, доминирующая в некоторой области, держала остальное население в положении заключенных. Хозяева давали своим рабам достаточно еды, чтобы те не умерли с голода, — ведь чаша мертвого раба становилась бесполезной. Но лучшая часть пищи, а также сигары, сигареты, марихуана, спиртное и Жвачка Сновидений отбирались.

Раз тридцать во время долгого пути экипаж «Хаджи» подвергался риску попасть в руки рабовладельцев. Это могло случиться при любой высадке на берег для зарядки чаш. Но Бартон и его люди были всегда начеку, когда попадали в такие районы. Часто их предупреждали об опасности жители соседних государств. И, тем не менее можно было насчитать два десятка эпизодов, когда посланные с берега лодки пытались на-

гнать «Хаджи» и катамаран с трудом спасался от абордажа. Пять раз Бартону приходилось поворачивать обратно и уходить от преследования вниз по течению. Его катамаран обычно превосходил в скорости вражеские суда, которые к тому же не стремились пересекать границу своей области. Затем, дождавшись ночи, «Хаджи» возвращался, чтобы миновать опасный участок под покровом темноты.

Случалось так, что они не могли высадиться на сушу, так как рабовладельческие государства занимали берега Реки на большом протяжении. Тогда путешественники довольствовались урезанным рационом; если им улыбалась удача, они могли наполнить желудки выловленной в Реке рыбой.

Населявшие эту область древние семиты были достаточно терпимы к пришельцам — после того, как убедились, что команда «Хаджи» не причинит им зла. Но один русский, житель Московии восемнадцатого века, предупредил их, что на другом конце узкого потока, в который превращалась Река в скалистом ущелье, очевидно, расположены рабовладельческие государства. Он не имел о них подробной информации, так как путь по берегу преграждали обрывистые

скалы. Немногие суда, которые сумели миновать канал, почти никогда не возвращались обратно. Те, которым это удавалось, приносили вести о злых людях, обитавших за горами.

Поэтому «Хаджи» был нагружен молодыми побегами бамбука, сушеной рыбой и прочими запасами, которые позволяли его экипажу недели две обходиться без своих чаш.

До входа в самое узкое место ущелья оставалось еще около получаса. Внимание Бартона наполовину было сосредоточено на управлении судном, наполовину — на его экипаже. Люди, загорая, развалились на фордеке или сидели, прислонившись к крытому ограждению люка, которое образовывало переднюю надстройку.

Джон де Грейсток прикреплял к древку стрелы тонкие изогнутые рыбьи кости. Они прекрасно заменяли перья птиц, которые отсутствовали в этом мире. Грейсток — или лорд Грейсток, как предпочитал называть его Фригейт по каким-то своим частным соображениям — был незаменим и в бою, и в работе. Кроме того, он оказался отличным рассказчиком, хотя его истории о кампаниях в Гаскони и на шотландской границе, об одержанных им победах над прекрасным полом, анекдоты о короле Эдуарде и прочие байки

о доброй веселой Англии того времени часто оказывались фантастически непристойными. Он был очень упрям, не слишком чистоплотен и обладал некоторой узостью мышления, так как судил о многих вещах с точки зрения своей непросвещенной эпохи. По его словам, раньше он был очень набожным человеком — и, очевидно, он говорил правду, иначе ему не поручили бы сопровождать патриарха Иерусалимского, что являлось по тем временам большой честью. Но теперь, - когда вера его рухнула под напором реальной действительности, он возненавидел священников. Он мог довести любого из них до бешенства своими насмешками — в надежде, что тот попытается пустить в ход кулаки. Подобные попытки обычно плохо кончались для бывших служителей культа.

Однажды Бартон мягко пожурил его за это (сделать ему более строгий выговор было невозможно — только поединок не на жизнь, а на смерть мог смыть такое оскорбление), заметив, что на чужой территории, хозяева которой обладают бесспорным численным превосходством, им надлежит вести себя как подобает воспитанным гостям. Грейсток согласился с доводами Бартона, но и в дальнейшем продолжал издевать-

ся над каждым встреченным им священником. К счастью, в районах, которые они посетили, христианские священники попадались нечасто. К тому же обычно они не афишировали свое прежнее занятие.

Рядом с Грейстоком сидела благородная дама, урожденная Мэри Резерфорд, которая появилась на свет в 1637 и покинула эту грешную юдоль в 1674 с титулом леди Уорвикшир; по правде говоря, она просто являлась очередной подружкой камберлендского рыцаря. Хотя она тоже была англичанкой, трехвековый разрыв сильно осложнял их отношения; Бартон полагал, что они недолго останутся вместе

Казз растянулся на палубе, положив лохматую голову на колени Фатимы, которую он повстречал дней сорок назад во время очередной стоянки. Как утверждал насмешник Фригейт, Фатиму покорила волосатая шкура Казза. Таким образом он объяснял те страстные чувства, которые жена пекаря из Анкары семнадцатого века испытывала к неандертальцу. Для команды «Хаджи» это служило, в определенной мере, развлечением — но самое большое удовольствие получал Казз. За время долгого путешествия он не встретил ни одной представительницы своей расы, а женщин

рода человеческого отталкивала его звероподобная внешность и волосатое тело. У него не было постоянной подруги до встречи с Фатимой.

Щуплый Лев Руах сидел на палубе, прислонившись к невысокому комингсу; он мастерил пращу из кожи саргана. В стоявшем рядом мешке было около трех десятков гладких камней, собранных им за последние двадцать дней. Эстерн Родригес что-то говорила ему, быстро, захлебываясь словами и непрерывно показывая крупные белые зубы. Она заняла место Тани, у которой Лев находился под башмаком до отплытия «Хаджи». Таня была очень привлекательной миниатюрной женщиной, одержимой стремлением перевоспитывать близких ей мужчин; Лев узнал, что, в свое время, она перевоспитала своего отца, дядюшку, двух братьев и двух мужей. То же самое она попыталась проделать с Руахом, стремясь к максимальной гласности, чтобы и другие мужчины могли извлечь пользу из ее наставлений. В тот день, когда «Хаджи» тронулся в путь, Лев прыгнул на палубу, обернулся и сказал: «Прощай, Таня! Жить рядом с Самым Большим Ртом Бронкса — слишком сильное испытание для моих нервов. Подыщи себе нечто более совершенное, чем бедный глупый Лев Руах».

Таня задрожала от ярости, побледнела, и начала кричать на Льва, громко перечисляя оказанные ему благодеяния. Ее рот продолжал работать даже тогда, когда «Хаджи» удалился от берега на порядочное расстояние. Все смеялись и поздравляли Руаха с обретенной свободой, но он печально улыбался. Через две недели, в местности, населенной преимущественно древними ливийцами, он встретился с Эстер, испанской еврейкой пятнадцатого столетия.

— Почему бы вам не попытать удачи с женщиной другой национальности? — спросил его Фригейт.

Руах пожал узкими плечами.

— Я уже пробовал. Но рано или поздно случается ссора, они теряют терпение и называют вас грязным жидом. Собственно, с женщинами-еврейками происходит то же самое, но в этом случае я готов снести оскорбление.

— Послушайте, дружище, — сказал американец, — вдоль Реки живут миллионы женщин, которые понятия не имеют об евреях. У них нет никаких предрассудков на этот счет. Почему бы вам не выбрать одну из них?

— Я предпочитаю знакомое зло.

Бартон иногда размышлял над тем, почему

Руах поплыл с ними. Он больше не упоминал о злочастном произведении Бартона, хотя часто расспрашивал о его прошлом. Он был дружелюбным, но никогда не раскрывался до конца. Несмотря на небольшой рост, он отлично зарекомендовал себя в бою, а его уроки дзюдо и каратэ оказались бесценными для Бартона. Отпечаток грусти, витавший над ним подобно туманному полупрозрачному облаку даже когда он смеялся или занимался любовью (как утверждала Таня), был следствием жестоких душевных травм. Его терзали воспоминания об ужасных немецких концентрационных лагерях и русских тюрьмах. Таня как-то сказала, что Лев уже родился с неизбывной печалью в душе; казалось, он унаследовал всю тоску и печаль своего народа со времен вавилонского пленения.

Монат являл собой еще одну разновидность печального образа, хотя иногда ему случалось выходить из этого состояния. Пришелец с Тау Кита все еще надеялся увидеть своих соплеменников, кого-нибудь из тех тридцати мужчин и женщин, что были растерзаны обезумевшей толпой. Он понимал, что шансов на такую встречу немного. Вероятность того, что ему удастся разыскать одного из тридцати человек среди тридцати

пяти или тридцати шести миллиардов землян, расселенных вдоль Реки, которая протянулась, возможно, на десять миллионов миль, была ничтожно мала. Но он не терял надежды.

Алиса Харгривс расположилась на носу судна — так, что над крышей комингса виднелась только ее голова. Она внимательно разглядывала людей на берегу, когда «Хаджи» подходил настолько близко к суше, что можно было рассмотреть лица. Она все еще искала своего мужа, Реджинальда, трех своих сыновей, мать, отца, сестер и братьев. Любое дорогое ей знакомое лицо. Молчаливо предполагалось, что она покинет корабль, как только состоится подобная встреча. Бартон ничего не говорил по этому поводу; но он ощущал боль в груди, когда думал о том, что может навсегда потерять Алису. Мысли его мешались; он одновременно желал, чтобы она ушла, и страшился этого. С глаз долой — из сердца вон. Неизбежность подобной взаимосвязи была заложена в основе этого мира. Но он сопротивлялся неизбежности. Он испытывал к Алисе такое же чувство, как к той девушке-персиянке, которую он любил когда-то и потерял. Новая потеря могла превратить его жизнь в бесконечно длящуюся пытку.

Но он не сказал ей ни слова о своем чувстве.

Он часто говорил с ней, стараясь показать, что считает неприязнь, которую она к нему испытывает, забавным чудачеством. В конце концов, их отношения стали более ровными. Но только тогда, когда их окружали другие люди. Стоило им остаться наедине, ее лицо каменело.

После той первой ночи она никогда больше не употребляла жвачку. Он пробовал наркотик раза три, а потом стал обменивать его на более нужные вещи. В последний раз он употреблял жвачку, чтобы увеличить наслаждение во время очередной встречи с Вильфредой; на самом деле он был ввергнут в тот ужасный период своей жизни, когда какая-то тропическая болезнь едва не прикончила его на пути к озеру Танганьика. В этом кошмаре присутствовал также Спек — и он убивал Спека. В земной реальности Спек погиб из-за несчастного случая на охоте, хотя все полагали, что это было самоубийство. Спек застрелился; он предал Бартона, и его терзали угрызения совести. Но в своем кошмарном видении Бартон душил Спека, когда тот, склонившись к его ложу, спрашивал, как он себя чувствует. Он душил Спека — и потом, когда видение уже начало блекнуть, целовал его в мертвые губы.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Да, он знал, что любил Спека — и, в то же время, ненавидел его, ненавидел совершенно справедливо. Но раньше ощущение этой любви казалось таким слабым и мимолетным, что он почти не осознавал его. Кошмар, вызванный жвачкой, заставил Бартона понять, что любовь была глубже и сильнее ненависти; и это так ужаснуло его, что он закричал.

Когда он очнулся, Вильфреда трясла его изо всех сил. Губы ее дрожали; она пыталась спросить его, что случилось. На Земле Вильфреда пристрастилась к опиуму, но здесь, впервые попробовав Жвачку Сновидений, она никогда больше ее не употребляла. Ее мучали свои ужасы — она опять видела, как умирает от туберкулеза младшая сестра, она вновь дрожала от страха и омерзения, впервые продавая свое тело.

— Странный галлюциноген, — сказал Бартону Руах, объяснив, что означает этот термин. Они часто обсуждали назначение жвачки. — Похоже, что он воскрешает в памяти ситуации, в которых индивидуум получил сильную душевную травму. Но в видениях, возникающих в мозгу человека,

реальные факты смешиваются с фантазиями, олицетворяющими нечто символическое... Но так происходит не всегда. Случается, что наркотик стимулирует сладострастие... или, как говорят, отправляет вас в чудесное путешествие в сказочную страну. Я предполагаю, что нас снабжают Жвачкой Сновидений для каких-то терапевтических целей... Я имею в виду терапию души, а не тела... ее очищение через страдание и ужас... Мы только должны определить правильный способ применения жвачки.

— Если вы убеждены в этом, почему же вы не употребляете ее почаще? — с вызовом сказал Фригейт.

— Причина та же, по которой многие отказываются пройти курс лечения: я боюсь.

— Я тоже, — задумчиво произнес Фригейт. — Но однажды, когда мы задержимся в каком-нибудь месте подольше, я начну регулярно жевать ее —и надеюсь, что она мне поможет... Даже, если подо мной разверзнется адская бездна, я попробую... Но, конечно, об этом легче сказать, чем сделать.

Хотя Питер Джарвис Фригейт родился спустя всего лишь двадцать восемь лет после смерти Бартона, их миры разделяла глубокая пропасть. Они так по-разному смотрели на многие вещи,

что могли бы яростно спорить по любому поводу — если бы Фригейт был способен к яростным спорам. Конечно, это не затрагивало вопросов дисциплины на судне или определения его дальнейшего пути; речь шла о взгляде на мир. И все же, во многом Фригейт был очень похож на Бартона; возможно, по этой причине личность Бартона так очаровала его еще на Земле. Как-то в 1938 году Фригейту попалась в руки книжка некого Фэйрфакса Дауни, озаглавленная: «Бартон: искатель приключений 1001 ночи». На обложке было изображение Бартона в возрасте пятидесяти лет. Свирепое лицо с выступающими надбровьями, массивный прямой нос, большой шрам на щеке, полные чувственные губы, густые черные брови, усы, свисающие вниз и пышная раздвоенная борода, присущая облику этого человека какая-то печальная задумчивость, смешанная с агрессивной готовностью к действию, настолько поразили Фригейта, что он купил книгу.

— Я ничего не слышал о вас раньше, Дик, — рассказывал Фригейт. — Но я проглотил эту книгу — и был очарован. В ней жили вы сами — помимо общеизвестных фактов биографии — искусный фехтовальщик, знаток множества языков, способный перевоплощаться то в местного купца, то — в

знахаря или бредущего в Мекку пилигрима. Вы сумели первым из европейцев выбраться живым из священного города Ха рара, открыли озеро Танганьика и почти добрались до истоков Нила, вы были одним из основателей Королевского Антропологического общества, ввели в практику термин «Экстрасенсорное восприятие», перевели сказки 1001 ночи, изучали эротическое искусство Востока и так далее... Факты, которые сами по себе не могли не вызвать восхищение; но в вашей личности таилось что-то еще, особо притягательное для меня. Я помчался в публичную библиотеку, — хотя Пеория была маленьким городком, в библиотеке хранилось много ваших сочинений и книг о вашей жизни, пожертвованных городу одним из ваших почитателей; и я прочитал их все. Затем я начал собирать первоиздания ваших книг. Я стал писателем-беллетристом, но меня не покидала мечта написать огромную, самую полную историю вашей жизни, объехать все места, где побывали вы, собрать их описания, фотографии... основать общество для сохранения склепа, в котором покоилось ваше тело...

Первый раз Фригейт упомянул о его могиле. Бартон, потрясенный услышанным, воскликнул:

— Где? Где она? — потом припомнил: — Да, ко-

нечно! У Мертвого озера — как я распорядился... Но был ли там воздвигнут памятник в форме шатра бедуина, как планировали мы с Изабеллой?

— Да, был. Но кладбище поглотили трущобы, и какие-то вандалы обезобразили памятник; вокруг все заросло сорной травой. Шли разговоры о том, что ваши останки нужно перевезти куда-нибудь в отдаленный, спокойный район Англии... хотя в мое время было трудновато найти по-настоящему спокойное местечко...

— И вам удалось основать свое общество и сохранить мою могилу? — спросил заинтригованный Бартон.

Он уже свыкся с мыслью, что когда-то был мертв; но беседовать с человеком, который видел твою могилу... от такой мысли мороз прошел по его коже.

Фригейт сделал глубокий вдох.

— Нет, — произнес он виновато. — В то время, когда я оказался в состоянии сделать это, я... я чувствовал бы себя виноватым, растрачивая деньги и усилия на давно умершего человека... В мире началась такая кутерьма... Все внимание надо было отдавать живым. Загрязнение среды, нищета, голод и так далее... Это было важнее всего.

— А как же моя огромная, самая полная био-

графия?

Фригейт снова виновато опустил голову:

— Когда я впервые прочел о вас, я думал, что никого больше не интересует ваша личность... что никто даже не знает вашего имени. Но я ошибался. В шестидесятые годы вышло несколько превосходных книг... одна из них была написана о вашей жене.

— Об Изабелле? Кто-то написал о ней книгу? Но почему?

Фригейт усмехнулся.

— Она была весьма интересной женщиной. Довольно назойливой, должен признать, и самолюбивой; к тому же, кажется, она страдала шизофренией. Немногие из ваших близких смогли простить ей то, что она сожгла ваши рукописи и путевые дневники...

— Что? — взревел Бартон. — Сожгла ..?

Фригейт кивнул головой и добавил:

— Что, по замечанию вашего врача, Гренфелла Бейкера, было самой чудовищной катастрофой, последовавшей за вашей смертью. Она сожгла ваш перевод «Благоухающего сада», заявив, что вы не хотели его публиковать, и только настоятельная потребность в деньгах могла бы заставить вас отнести рукопись в издательство.

Но теперь вы мертвы — и вам больше не нужны деньги.

Бартон потерял дар речи, что случалось с ним нечасто.

Фригейт искоса посмотрел на него и улыбнулся. Казалось, он наслаждался растерянностью Бартона.

— Потеря «Благоухающего сада», конечно, неприятна, но и она еще не самое плохое. Сжечь оба комплекта ваших дневников, в которых, как предполагается, вы высказывали самые сокровенные, глубоко личные мысли... Вот чего я никогда не смогу простить. Для многих, как и для меня, это была невосполнимая утрата. Сохранилась лишь одна небольшая, записная книжка... но и она сгорела во время бомбардировки Лондона во время второй мировой войны.

Он остановился на минуту и затем спросил:

— Правда ли, что вы приняли католичество на смертном ложе, как заявила ваша жена?

— Возможно, — ответил Бартон. — Изабелла долгие годы намекала мне на это, хотя никогда не осмеливалась действовать прямо... Когда я заболел и почувствовал приближение конца, может быть, я сказал ей, что готов выполнить ее желание... чтобы доставить ей удовольствие.

Она казалась такой расстроенной, такой удрученной тем, что моя душа будет гореть в адском пламени.

— Значит, вы любите ее? — воскликнул Фригейт.

— Я сделал бы то же самое даже для шелудивого пса.

— Для человека, который известен своей искренностью и прямотой, вы иногда выражаетесь слишком двусмысленно.

Этот разговор состоялся месяца через два — считая от Первого Дня. Их любопытные взаимоотношения от начального знакомства постепенно перешли в следующую стадию. Фригейт стал ему ближе и понятнее, в то же время он стал как-то больше его раздражать. Американец всегда воздерживался от замечаний по поводу действий Бартона — несомненно, чтобы не разгневать его. Говоря начистоту, Фригейт совершенно сознательно вел себя так, чтобы не рассердить никого. Но он также инстинктивно пытался противостоять Бартону. Его враждебность проявлялась во многих незаметных, иногда и не столь уж неуловимых, словах и поступках. Бартону это не нравилось. Он был прямым человеком и легко впадал во гнев. Вероятно, как отметил Фригейт,

одной из доминирующих черт его характера была агрессивность.

Однажды вечером, когда они сидели вокруг костра у прибрежного грейлстоуна, Фригейт завел разговор о Карачи. Эта деревушка, которая впоследствии стала столицей Пакистана, во времена Бартона имела население около двух тысяч человек. В 1970 году в Карачи жило приблизительно два миллиона. В ходе беседы Фригейт как бы мельком спросил Бартона о знаменитом докладе, который тот составил для генерала Роберта Напира относительно домов терпимости этого города, в которых проституцией занимались мужчины. Доклад подлежал хранению среди секретных документов Ост-Индской армии, но был обнаружен одним из многочисленных врагов Бартона. Хотя доклад никогда не упоминался публично, намеки на его существование отравили последующие годы жизни Бартона. Суть дела заключалась в том, что Бартон под видом местного жителя проник в одно из тех заведений, куда доступ европейцам был полностью закрыт, и провел интересующие его наблюдения. Он очень гордился тем, что избежал разоблачения; он взялся на эту неприятную работу только потому, что об этом просил его любимый командир, генерал Напир.

Несомненно, он был единственным человеком, кто мог выполнить подобную миссию.

Вначале Бартон с раздражением отвечал на вопросы Фригейта. Днем его разозлила Алиса — что случалось довольно часто — и теперь он размышлял, чем бы досадить ей. Внезапно он решил использовать возможность, которую предоставил ему Фригейт, и начал детально описывать все, что происходило в публичных домах Карачи. Руах, наконец, не выдержал; он встал и ушел от костра. Фригейт выглядел так, словно его желудок подступил к горлу, но он остался. Вильфреда от хохота каталась по земле. Казз и Монат сохраняли стоическое спокойствие. Гвиневра спала на палубе «Хаджи», поэтому Бартон мог не принимать ее во внимание. Что касается Логу, то она, казалось, была очарована, хотя отдельные подробности вызвали у нее отвращение.

Алиса, его главная цель, побледнела, затем покраснела. Наконец, она поднялась и заявила:

— Я и раньше не сомневалась, мистер Бартон, что вы — низкий человек. Но смаковать это... это... Вы — кошмарный, презренный, отвратительный тип! Я не верю ни единому вашему слову! Невозможно представить, чтобы люди так себя вели! Всю свою жизнь вы пользовались репутацией

человека, обожающего шокировать окружающих — несмотря на вред, который это вам наносило! И здесь вы стремитесь продолжить в том же духе!

Она повернулась и исчезла в темноте.

Фригейт усмехнулся:

— Когда-нибудь вы, возможно, расскажете мне, сколько истины в вашей истории. — Он помолчал, потом махнул рукой в ту сторону, куда скрылась Алиса. — Раньше я думал так же, как она. Но потом я стал старше... и появились новые материалы, касающиеся вашей жизни. Был даже выполнен психоанализ вашей личности, основанный на ваших собственных книгах и многочисленных документальных источниках.

— И каковы же результаты? — насмешливо поинтересовался Бартон.

— Как-нибудь в другой раз, Дик, — ответил Фригейт и встал. — Грубиян Дик, Дик-хулиган, — добавил он едва слышно, растворяясь в темноте.

Теперь, стоя у руля, наблюдая за солнцем, лучи которого заливали светом и теплом людей на фордеке, слушая шипенье воды, разрезаемой катамараном, и поскрипывание снастей, он размышлял о том, что ждет их по другую сторону каньона. Конечно, Река не кончается там; похоже, она будет течь бесконечно. Чего, кстати,

нельзя сказать о команде «Хаджи». Слишком долго они теснятся в этой клетке. Слишком много дней провели они на тесной палубе, где нет других занятий, кроме болтовни или управления судном. Они уже еле выносят друг друга. Даже импульсивная Вильфреда последнее время стала тихой и какой-то безразличной. И она больше не волнует его. Откровенно говоря, он устал от нее. Он не желал ей ничего дурного, он не испытывал к ней неприязни — он просто устал от нее. И то, что он мог обладать Вильфредой, но не Алисой Харгривс, только усиливало это чувство.

Лев Руах сторонился его и старался говорить с ним как можно реже. Теперь Руах постоянно ссорился с Эстер; они спорили по любым поводам — из-за соблюдения запретов, касающихся пищи, из-за привычки Руаха дремать после полудня, из-за того, что он мало уделяет ей внимания.

Фригейт временами почему-то злился на него. Но Фригейт никогда не придет и не скажет прямо — не скажет ничего, трус, пока его не загонишь в угол и не раздразнишь так, чтобы он впал в ярость. Логу постоянно дулась на Фригейта, потому что и с ней он оставался таким же мрачным, как с другими. Логу сердилась и на него, Бартона, — за то, что он отказался позабавиться с ней,

когда они в одиночестве собирали бамбуковые побеги на склоне холма несколько недель назад. Он сказал, что совсем не против заняться с ней любовью, но он не хочет обижать Фригейта — как и любого другого члена команды. Логу ответила, что она по-прежнему любит Фригейта; но время от времени требуется разнообразие. И Фригейт тоже это понимает.

Алиса говорила, что уже потеряла надежду встретить кого-нибудь из своих близких. Они уже миновали участок долины, на котором жило, как минимум, 44 370 ООО человек — и ни разу Алиса не увидела знакомого ей лица. И она понимала, что все эти люди составляют ничтожную часть населения долины. Но не только это являлось причиной ее плохого настроения. Она устала от бесконечного путешествия, ей надоело день за днем сидеть на палубе, битком набитой людьми, где единственным развлечением были разговоры — большей частью, совершенно пустые.

Бартон боялся, что, в конце концов, она покинет судно. На очередной стоянке она может подняться, сойти на берег, прихватив свою чашу и немногочисленные личные вещи, а затем сказать своим спутникам: «Прощайте. Увидимся лет через сто или что-нибудь около того — возможно».

Главное, что удерживало ее на судне, — ребенок Гвиневра. Она воспитывала маленькую обитательницу древней Британии как леди викторианской эпохи. Смесь получалась забавной — впрочем, не более забавной, чем все прочее, что можно было лицезреть на берегах Реки.

Бартон тоже был утомлен этим бесконечным путешествием на маленьком судне. Он хотел бы найти какую-нибудь гостеприимную местность, где можно было бы остановиться для отдыха, снова почувствовать землю под ногами, изучить обычаи населения и, возможно, принять участие в местной политической жизни. Он мог бы жить там и ждать, когда тяга к странствиям вновь окрепнет в его душе. Он хотел бы заняться всем этим — но только вместе с Алисой.

— Когда человек сидит на месте, удача его дремлет, — прошептал он. Ему нужно вести себя с Алисой поактивнее; слишком долго он играл в джентльмена. Он должен ухаживать за ней, надо усилить натиск и сломить ее сопротивление. Нужно вспомнить, каким он был в молодости; в зрелые годы, после женитьбы, он слишком привык к тому, что его обожали, он разучился сам дарить любовь. Его прежние, привычки, прежний стереотип, впаянный в нервную си-

стему, — остались при нем. Он был стариком в теле юноши.

«Хаджи» вошел в темные бурные воды узкого рукава Реки. С обеих сторон вздымались голубовато-черные скалистые стены; рукав заворачивал к западу, и скоро широкое озеро позади исчезло из вида. Теперь все работали с парусами, повинуясь командам Бартона, который вел судно галсами поперек стремнины в четверть мили шириной. Течение взбивало высокие волны, катамаран качался вверх и вниз, зарываясь носом в воду при резких сменах курса. Они часто маневрировали в нескольких футах от скалистой стены каньона, где волны с грохотом обрушивались на камень. Но Бартон так долго управлял судном, что почти слился с ним; и команда не меньшее время работала с парусами — все его распоряжения выполнялись точно и вовремя.

Они прошли стремнину за тридцать минут. Кое-кто чувствовал себя неуютно — без сомнения, Фригейту и Руаху это приключение не доставило удовольствия. Но опасность взбодрила остальных; с их лиц, хотя бы на время, исчезло выражение угрюмой скуки.

«Хаджи» вышел на простор другого озера, залитого солнечным светом. Река разливалась здесь

на четыре мили и тянулась к северу насколько мог видеть глаз. Горы внезапно отступили; на обоих берегах развернулись привычные очертания равнин.

На небольшой волне покачивалось с полсотни судов различных размеров — от выдолбленных из сосны челноков до двухмачтовых бамбуковых парусников. Большинство из них, казалось, были заняты рыбной ловлей. Слева, на расстоянии мили, маячил вездесущий каменный гриб грейлстоуна, на берегу около него можно было различить темные фигурки людей. Позади них, на равнине и по склонам холмов, рассыпались бамбуковые хижины, построенные в том обычном для долины стиле, который Фригейт называл нео-полинезийским или в более веселые минуты архитектурой посмертно-прибрежнего периода развития человеческой цивилизации.

На правом берегу, в полумиле от выхода из каньона, громоздился большой бревенчатый форт. Перед ним тянулись в воду причалы из огромных древесных стволов, около которых сгрудились большие и малые суда. Через несколько минут после появления «Хаджи» ударили барабаны. Перед фортом уже скопилась изрядная толпа, но из его ворот продолжали выскакивать люди;

многие бежали к причалам от своих хижин. Они прыгали в лодки и отталкивались от причалов.

Темные фигурки на левом берегу тоже бросились к челноком, каноэ и одномачтовым баркасам.

Все выглядело так, словно обитатели обоих берегов соревновались, кто первым наложит руки на «Хаджи».

Бартон повел катамаран сквозь скопище рыбацких суденышек, несколько раз резко меняя курс. Люди с правого берега были ближе; все — белые и хорошо вооруженные. Они не пытались использовать луки. Человек, стоявший на носу боевого каноэ с тридцатью гребцами, поднес ладони ко рту и крикнул на немецком:

— Остановитесь! Вам не причинят вреда!

— Мы пришли с миром! — крикнул в ответ Фригейт.

— Он знает это, — сказал Бартон. — Это же совершенно очевидно — нас немного и мы не можем напасть на них!

Теперь барабанная дробь неслась с обеих сторон. Прибрежные участки равнины заполнили вооруженные люди. Лодки отчаливали от берега одна за другой и шли наперерез их курсу. Но те, суда, что первыми бросились в погоню, постепен-

но отставали.

Бартон колебался. Должен ли он развернуть «Хаджи», снова пройти по каньону и вернуться сюда ночью? Это было бы опасной операцией, ведь скальные стены высотой в 20 000 футов наверняка почти полностью отрезают свет звезд и газовых облаков. Им придется плыть по ущелью практически вслепую.

Но пока что катамаран имел преимущество в скорости перед любым из неприятельских судов. Правда, впереди появились высокие, одетые парусами мачты; они стремительно приближались. Но врагов подгоняли ветер и течение; если он сумеет обойти их, смогут ли они развернуться достаточно быстро?

Эти суда впереди, насколько он мог различить, были переполнены людьми, что снижало их скорость. Даже корабль с такой же маневренностью, как «Хаджи», не выдержит с ним соревнования, если его нагрузить воинами.

Он решил продолжать путь.

Через десять минут, при очередной смене галса, большое боевое каноэ попыталось перерезать им путь. Шестьдесят пар весел гнали вперед удлиненный корпус, прикрытый на носу и корме небольшими платформами. На каждой из палуб

находилось по два человека, склонившихся над катапультами, установленными на массивных деревянных пьедесталах. Пара на носу установила какой-то круглый предмет, испускавший струю дыма, в чашу катапульты. Один из них нажал на спуск, и рычаг машины метнулся вверх и вперед. Каноэ вздрогнуло, и громкий, мерный напев гребцов на мгновение смолк. Дымящийся метательный снаряд описал высокую арку и упал в воду в десяти футах от носа «Хаджи». Раздался грохот взрыва, и облако черного дыма взметнулось вверх.

Женщины взвизгнули, и кто-то из мужчин не сдержал крика испуга. Бартон подумал, что в этом районе, очевидно, есть сера. Иначе нападающие не могли бы сделать черный порох.

Он подозвал Логу и Эстер Родригес и поручил руль их заботам. Лица женщин покрывала бледность, но они казались спокойными, хотя никогда раньше не видели взрывов бомб.

Гвиневру поместили внутрь передней надстройки. Алиса взяла тисовый лук и закинула на спину колчан со стрелами. Подведенные зеленоватой тушью веки и красная помада на губах подчеркивали белизну ее лица. Но за ее плечами было не менее десяти схваток на воде,

и она доказала, что ее нервы не уступают крепостью меловым утесам Дувра. Более того, она оказалась лучшим стрелком в команде «Хаджи». Сам Бартон великолепно стрелял из ружья, но ему не хватало опыта в обращении с луком. Кадзз мог натянуть лук из челюстей речного дракона еще сильнее Бартона, но точность попадания его стрел оставляла желать лучшего. Фригейт заявил, что неандерталец никогда не станет хорошим лучником; как у большинства примитивных индивидуумов, у него было плохо развито чувство перспективы.

Люди у катапульты не стали снова заряжать ее; очевидно, первый выстрел был предупредительным. Но Бартон решил не останавливаться ни при каких обстоятельствах. Если бы их преследователи пустили в ход луки, они перебили бы команду «Хаджи» за несколько минут. И то, что это не было сделано, доказывало, что их хотят взять живыми.

В брызгах кипящей под форштевнем воды, в бликах солнечного света, отраженного мокрыми лопастями весел, под мерные выкрики гребцов каноэ приблизилось к корме «Хаджи». Двое с передней площадки прыгнули вперед. Один свалился в воду, его пальцы едва царапнули

по палубе катамарана; другой приземлился на самом краю, упав на колени. В зубах он сжимал бамбуковый нож, на поясе, в чехлах, висели небольшой каменный топор и кинжал из бивня саргана. В то мгновение, когда он пытался встать на ноги, цепляясь за мокрые планки настила, Бартон пристально посмотрел на него. Лицо человека, красивое, с классическими чертами и бледно-голубыми глазами, обрамляли рыжевато-золотистые волосы. Очевидно, он собирался ранить одного или двух членов экипажа и прыгнуть в воду; в случае везения — с женщиной в руках. Если ему удастся отвлечь на пару минут внимание беглецов, каноэ приблизится и возьмет «Хаджи» на абордаж.

У него не было особых шансов осуществить сбой план — и он знал это. Но не боялся. Большинство людей все еще испытывали инстинктивный страх смерти, что гнездился в каждой клеточке их тел. Немногие оказывались способными перебороть этот страх; и очень редко встречались избранные, которые никогда его не ощущали.

Бартон шагнул вперед и ударил человека топором в висок. Его губы раскрылись, нож выпал из рук, и он рухнул лицом вниз на палубный настил. Бартон подобрал нож, снял с тела пояс с

оружием и ногой столкнул труп в воду. Из каноэ донесся рев; оно разворачивалось. Бартон поднял голову и увидел приближающийся берег. Он подал команду, и катамаран сменил галс. Теперь они неслись поперек Реки, преследуемые дюжиной судов. Среди них были три четырехместных челнока, четыре больших боевых каноэ и пять двухмачтовых шхун. На палубах шхун стояли катапульты и толпилось много народа.

Точно на середине Реки Бартон снова повернул «Хаджи». Его маневр позволил приблизиться парусным судам, но у Бартона были свои планы на их счет. «Хаджи», распустив паруса, резал воду между двумя шхунами. Они подошли так близко, что Бартон мог разглядеть лица людей на борту. Большинство, несомненно, относилось к индоевропейской расе, хотя цвет кожи варьировался от смуглой, почти черной, до нордически бледной. Капитан шхуны, надвигавшейся справа, закричал Бартону по-немецки:

— Мы не тронем вас, если вы сдадитесь! Но не пробуйте сопротивляться, иначе отведаете пыток!

Он говорил на немецком с акцентом, похожим на венгерский.

В ответ Бартон и Алиса натянули луки. Стрела

Алисы проткнула грудь рулевого; он покачнулся назад и упал за борт. Парусник развернулся, теряя ветер. Капитан бросился к штурвалу, и вторая стрела Бартона пробила его колено.

Обе шхуны столкнулись со страшным грохотом; вверх полетели доски и обломки такелажа, раздались крики людей, упавших за борт или беспорядочно метавшихся на палубах. Было ясно, что парусники выбыли из игры — даже если они сумеют удержаться на плаву.

Но раньше, чем шхуны столкнулись, их лучники успели выпустить дюжину стрел с пылающими наконечниками, нацеленных в паруса «Хаджи». Пучки сухой травы, пропитанные сосновой смолой, горели с треском; раздуваемое ветром пламя быстро пожирало плетенную из бамбуковых волокон ткань.

Бартон встал к рулю и отдал команду. Все свободные члены экипажа начали черпать воду из Реки своими чашами и бамбуковыми ведрами, стараясь залить пламя. Логу, которая умела лазать не хуже обезьяны, забралась на вершину мачты с веревкой, намотанной на руку. Она сбросила конец веревки на палубу и затем стала поднимать наверх сосуды с водой.

Возникшая суматоха позволила другим шхунам

и нескольким каноэ подойти ближе. Одно из боевых каноэ попыталось перерезать курс «Хаджи». Бартон снова повернул катамаран, но из-за Логу, висевшей на мачте, маневр получился слишком медленным. Конец мачты описал полуокружность, верхняя рея раскачивалась, как маятник, и пока люди на палубе сражались с канатами, чтобы развернуть паруса, в них воткнулось еще несколько пылающих стрел. Часть стрел ударилась о палубный настил. На мгновение Бартон подумал, что враги изменили свое намерение и решили покончить с ними; но, очевидно, некоторые лучники просто промахнулись.

Снова «Хаджи» удалось проскользнуть между двумя шхунами. Капитаны и команда обоих парусников ухмылялись и что-то кричали вслед катамарану. Похоже, они долгое время были лишены таких развлечений и погоня доставляла им удовольствие. Однако большинство все же попряталось за высокими бортами, оставив под стрелами с «Хаджи» своих командиров, рулевых и лучников. Загудели спускаемые тетивы, и красноголовые стрелы с голубым оперением прочертили воздух; две дюжины попали в парус, другие воткнулись в мачту и реи, дюжина чиркнула по воде. Одна стрела пролетела в нескольких

дюймах от головы Бартона.

Алиса, Руах, Казз, де Грейсток, Вильфреда и сам Бартон стреляли, пока Эстер управлялась с рулевым веслом. Логу застыла На середине мачты, ожидая, пока перестанут сыпаться огненные стрелы. Пять стрел с «Хаджи» нашли три цели — капитана, рулевого и одного из моряков, на свою беду высунувшего голову из-за укрытия.

Неожиданно Эстер вскрикнула. Бартон обернулся и увидел, что из-за высокого корпуса шхуны выскользнуло каноэ; через мгновение оно оказалось в нескольких футах от носа «Хаджи». Избежать столкновения было невозможно. Два человека с передней платформы бросились в воду, гребцы тоже вскочили и стали прыгать за борт. Затем «Хаджи» врезался в переднюю часть каноэ, разбил и перевернул его, вышвырнув оставшихся гребцов в Реку. Людей на палубе катамарана бросило вперед, и де Грейсток, не удержавшись, оказался в воде. Бартона сшибло с ног, и он проехал по бамбуковому настилу, ободрав кожу на груди, коленях.

Эстер не смогла удержаться за рукоятку руля; ее тело прокатилось по всей палубе до ограждения комингса. Она лежала там без движения.

Бартон бросил взгляд наверх. Парус пылал,

и надежды спасти его не было. Логу исчезла — по-видимому, ее швырнуло вперед в момент столкновения. Затем, поднявшись на ноги, он увидел, что Логу и Грейсток плывут обратно к «Хаджи». Вокруг них мелькали головы, руки и плечи гребцов с каноэ, многие из которых, судя по их паническим воплям, не умели плавать.

Бартон велел мужчинам помочь Грейстоку и Логу подняться на борт, а сам попытался оценить нанесенный столкновением ущерб. Носовые части обоих корпусов катамарана были разбиты, и внутрь их хлестала вода. Огонь добрался до мачты. Дым от пылающих парусов стелился над палубой, вызывая у женщин кашель.

Еще одно боевое каноэ быстро приближалось с севера; две шхуны, маневрируя против ветра, также двигались к полуразрушенному катамарану.

Они еще могли сражаться и выпустить порядочно крови врагов, которые, казалось, не стремились прикончить их. Они могли также покинуть судно и попытаться достичь берега вплавь. Но, в любом случае, их ожидал плен.

Логу и Грейсток поднялись на борт. Фригейт крикнул, что Эстер невозможно привести в сознание. Руах пощупал ее пульс, заглянул в зрачки, оттянул веки и подошел к Бартону.

— Она еще жива, но, похоже, долго не протянет, — грустно сообщил он.

Бартон обвел взглядом женскую часть экипажа.

— Я полагаю, что вы, женщины, знаете, что вас ждет. Конечно, это ваше дело, но я посоветовал бы вам нырнуть поглубже и сделать добрый глоток воды. Завтра вы все очнетесь в добром здравии.

Гвиневра вылезла из передней надстройки и подошла к Бартону. Обхватив его руками за пояс, девочка подняла головку, вглядываясь в лицо Бартона сухими, блестящими от испуга глазами. Он нежно провел ладонью по худеньким плечам и посмотрел на Алису.

— Возьмите ее с собой, — сказал он.

— Куда? — глаза Алисы расширились. Она бросила взгляд на каноэ, потом перевела его на Бартона; дым попал ей в горло и она судорожно закашлялась.

— Вниз — когда вы пойдете туда, — уточнил Бартон, кивнув на речную гладь.

— Я не смогу это сделать, — нерешительно сказала Алиса.

— Но вы же не можете допустить, чтобы она досталась этим негодяям. Она — только маленькая девочка, но это их не остановит.

Лицо женщины исказилось, на глазах появились слезы. Но она не заплакала.

— Хорошо, — она кивнула головой и снова посмотрела на Бартона. — Сейчас это не будет грехом — убить себя. Я только надеюсь...

— Да, — сказал Бартон, — я тоже.

Он не тратил слова зря; время слов миновало. Каноэ было в сорока футах от них.

— В другом месте может быть так же плохо, как здесь — или еще хуже, — сказала Алиса. — И она окажется там одна. Шанс, что мы воскреснем в одном месте, ничтожен.

— Тут ничего не поделаешь, — ответил Бартон.

Она решительно сжала губы, потвм прошептала:

— Я буду биться до конца. Затем...

— Вы можете опоздать, — сказал он, поднимая лук и вытаскивая стрелу из колчана. Лук Грейстока смыло в воду, и он взял оружие Казза. Неандерталец вложил камень в пращу и начал вращать ее. Руах тоже достал пращу и выбрал подходящий камень. Монат поднял с палубы лук Эстер, так как его собственный исчез во время столкновения.

Капитан каноэ закричал на немецком:

— Бросьте оружие! Вам не причинят вреда!

Через секунду он рухнул на палубу; стрела Алисы торчала в его груди. Другая стрела, очевидно — Грейстока, сбила в воду второго человека, стоявшего на носу каноэ. Камень из пращи ударил одного из гребцов в плечо, и он скорчился от боли. Второй камень разбил голову другому гребцу; тот выронил весло, рухнув на дно каноэ.

Но лодка продолжала двигаться. Двое, стоявшие на кормовом настиле, выкрикивали команды. Затем они упали под ударами камней и стрел.

Бартон оглянулся. Обе шхуны спустили паруса. Они плавно скользили к «Хаджи», и моряки готовили абордажные крючья, чтобы сцепиться с катамараном. Но они не торопились, опасаясь, что на них может перекинуться пламя.

Когда каноэ достигло «Хаджи», четырнадцать человек в нем были мертвы или тяжело ранены и не способны к бою. Остальные побросали весла и достали небольшие круглые щиты из кожи. Еще две стрелы пробили щиты и вонзились в руки державших их людей. Но их все же еще оставалось двадцать — двадцать полных сил воинов против полудюжины мужчин, пятерых женщин и ребенка.

Однако среди защитников «Хаджи» был невысокий волосатый человек с огромным каменным

топором, обладающий чудовищной силой. Кажз прыгнул вперед раньше, чем нос каноэ ударился о корпус катамарана и через секунду оказался в толпе врагов. Его топор сокрушил два черепа; следующим ударом он пробил днище каноэ. Вода начала наполнять лодку и Грейсток, завопив что-то на своем камберлендском наречии, спрыгнул вниз и встал рядом с Каззом. В одной руке он держал кинжал, в другой — большую дубовую палицу, утыканную обломками кремня.

Оставшиеся на «Хаджи» продолжали метать стрелы. Внезапно Кажз и Грейсток вскарабкались обратно на палубу катамарана; каноэ тонуло — вместе с мертвыми, умирающими и еще живыми людьми. Кто-то из них сразу пошел ко дну; другие плыли прочь от «Хаджи» или пытались взобраться на борт. Эти последние снова падали в воду с отсеченными пальцами и раздробленными кистями.

Вдруг что-то свистнуло в воздухе и ударилось о палубу рядом с Бартоном, затем снова раздался свист, и он почувствовал, как по его плечам скользнула веревка. Резко повернувшись, он рассек кожаный ремень, едва не затянувшийся вокруг его шеи. Он прыгнул в сторону, увернувшись от другого лассо, и, поймав конец третьего,

сильно рванул за него. Человек на шхуне, державший другой конец, вскрикнул и полетел вниз, ударившись плечом о палубу «Хаджи». Бартон разбил ему череп своим топором.

Но теперь люди сыпались с палуб обоих парусников, и веревки свистели повсюду. Дым и пламя усиливали суматоху, хотя они больше помогали эпипажу «Хаджи», чем нападающим,

Бартон искал глазами Алису, но не мог найти ее в клубах дыма; он громко закричал, приказывая ей взять Гвиневру и прыгать в воду. В следующий миг ему пришлось парировать удар копьем, нанесенный огромным негром. Чернокожий, казалось, забыл приказ взять живыми людей с «Хаджи»; он нападал с такой яростью, словно собирался прикончить Бартона. Отбив в сторону короткое копье, Бартон развернулся и опустил топор на шею негра. Он продолжал сражаться, получив сильный удар по ребрам, затем почувствовал боль в плече, но он сумел сбить с ног еще двух человек и затем оказался в воде. Он упал между корпусом шхуны и длинным поплавком «Хаджи» и сразу же ушел на глубину. Выпустив из рук тяжелый топор, он устремился вверх и вытащил из ножен кинжал. Вынырнув, он увидел визжащую Гвиневру, которая билась в руках

высокого рыжеволосого мужчины. Он поднял ее вверх и швырнул далеко в воду.

Бартон снова нырнул, потом поднялся на поверхность и невольно вздрогнул. Лицо Гвиневры, бледно-серое, с пустыми, широко раскрытыми глазами, было в нескольких футах от него. Через мгновение он заметил, что вода вокруг нее потемнела от крови. Девочка исчезла прежде, чем он успел доплыть до нее. Он нырнул за ней, схватил ее за плечи и повернул маленькое тело. В спине у нее торчал нож.

Он разжал руки, и тело Гвиневры стало опускаться в глубину. Бартон не понимал, зачем рыжеволосый убил девочку — ведь он мог легко взять ее в плен. Возможно, Алиса заколола ее, а рыжий мужчина, обнаружив, что девочка умирает, швырнул ее на корм рыбам.

Бартон вынырнул на поверхность, жадно глотая воздух. Из дымного облака, клубившегося над палубой «Хаджи», вылетело тело, за ним — еще одно. Первый человек упал в воду мертвым, со сломанной шеей; второй был еще жив. Бартон зажал рукой его шею и полоснул кинжалом по горлу. Человек перестал биться и погрузился в речные воды.

Из дымного облака выпал Фригейт, его лицо

и плечи были в крови. Он плашмя ударился о поверхность воды и начал опускаться в глубину. Бартон ринулся к нему на помощь. Возвращаться на палубу катамарана уже не имело смысла. На ней сплетались, терзая друг друга, фигуры сражающихся; тем временем новые каноэ и челны приближались к обгорелым останкам «Хаджи».

Голова Фригейта появилась над водой. Лицо его было бледным — там, где вода смыла кровь. Бартон подплыл к нему и прокричал:

— Женщины! Они ушли оттуда?

Фригейт покачал головой и внезапно крикнул в ответ:

— Берегись!

Бартон немедленно нырнул. Что-то ударило его по ногам; он попытался раскрыть рот и уйти в глубину, но понял, что не сможет вдохнуть воду. Ну, что ж, он будет сражаться — пока враги не убьют его.

Когда он вынырнул, вода вокруг кипела телами людей, прыгнувших за Фригейтом и за ним. Бесчувственное тело американца тащили к каноэ. Три человека окружили Бартона; он успел заколоть кинжалом двоих, когда стоявший в челноке мужчина с палицей в руках наклонился и ударил его по голове.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Их выволокли на берег около большого строения, окруженного стеной из сосновых стволов. Голова Бартона раскалывалась от боли на каждом шагу. Ссадины на плече и груди жгло, но они уже перестали кровоточить. Форт, сооруженный из сосновых бревен, имел выступающий вперед второй этаж со множеством бойниц. Пленников прогнали мимо огромных бревенчатых ворот, потом — по заросшему травой двору шестидесятифутовой ширины. Через вторые ворота они вошли в большой зал внутри здания. Всех — кроме Фригейта, который от слабости не держался на ногах — выстроили перед огромным дубовым столом. В зале было прохладно и темно, и они не сразу смогли разглядеть двух мужчин, сидевших за столом.

Повсюду стояли охранники с копьями, палицами и каменными топорами. Деревянная лестница в дальнем конце зала вела на галерею с высокими перилами; там столпились женщины, с любопытством посматривая вниз.

Один из сидевших за столом был невысок и мускулист, тело его покрывали волосы. На голове

курчавились жесткие черные пряди, крупный орлиный нос выдавался вперед, желтые яростные глаза сверкали. Второй мужчина казался повыше, со светлыми волосами и широким тевтонским лицом; цвет его глаз — очевидно, серых или голубых — было трудно определить в полумраке. Объемистый живот и массивные челюсти свидетельствовали, что их хозяин не пренебрегал пищей и питьем, что приносили чаши его рабов.

Фригейт скорчился на покрытом травой полу, но по сигналу блондина стражи подняли его на ноги. Американец бросил на светловолосого удивленный взгляд и сказал:

— Вы чертовски похожи на Германа Геринга в молодые годы!

Ноги Фригейта дрожали от слабости; он попытался снова опуститься на пол — и вскрикнул от жестокого удара древком копья по почкам.

Блондин сказал на английском с тяжеловесным немецким акцентом:

— Не бейте их без моего приказа. Дайте им говорить.

Несколько минут он внимательно изучал пленников, затем

произнес:

— Да, я —Герман Геринг.

— И чем же вы знамениты? — спросил Бартон,

— Позже вы узнаете об этом от своего приятеля, — усмехнулся немец. — Если «позже» вообще наступит для вас. Вы превосходно сражались, и я не таю на вас зла. Я восхищаюсь людьми, которые умеют постоять за себя. Нам нужны хорошие бойцы, особенно если учесть, сколько народа вы положили. И поэтому я предлагаю вам выбор — и вашим людям тоже. Играйте на моей стороне, и вы получите вдоволь еды, спиртного, табака — ну и женщин, конечно. Или становитесь моими рабами.

— Нашими, — поправил его черноволосый. Он тоже говорил на английском довольно неуклюже и с сильным акцентом. — Не забывай, друг Герман, я сам мог бы произнести такое же слово.

Широкое лицо Геринга расплылось в ухмылке.

— Конечно, конечно. В том, что было сказано, «я» и «мое» используется для обозначения верховного правителя, то есть нас обоих. Но если хочешь, пусть будет «мы», — он махнул рукой и снова обратил на Бартона взгляд своих водянистых глаз. — Итак, если вы решите служить нам, сделав весьма разумный выбор, то поклянетесь в верности мне, Герману Герингу, и Туллию Гостилию, царю древнего Рима.

Пораженный Бартон уставился на черноволосого. Неужели он был тем самым легендарным царем, воинственным преемником миролюбивого Нумы Помпилия? Правителем Рима — небольшого поселения, которому постоянно угрожали другие италийские племена — сабины, эквы, вольски? Устоявшим под мощным нажимом умбров, которых, в свою очередь, вытесняли на юг могущественные этруски? Казалось, в нем не было ничего особенного, ничего выделяющего его из тысяч людей, которых Бартон встречал на оживленных улицах Сиены. Если он действительно тот, за кого выдает себя, то это — бесценная находка для историков и лингвистов. Сам он, вероятно, происходил из этрусков; следовательно, он знал их язык и, вдобавок, латынь доклассического периода, языки сабинов и южноиталийских греков. Возможно, он даже знал Ромула — основателя Рима! Какие истории мог бы поведать этот человек!

— Ну? — прервал молчание Геринг.

— Если мы присоединимся к вам, что нам придется делать? — спросил Бартон.

— Во-первых я... мы... должны быть уверены, что вы — именно тот человек, который нам нужен. Другими словами, человек, который без

колебаний и промедления выполнит любой наш приказ. Поэтому вначале вам придется выдержать небольшое испытание.

Он повелительно кивнул охране, и минутой позже в зале появилась небольшая группа людей. Все они были искалечены и до крайности истощены.

— Они немного утомились, пока строили стены или ломали для нас камень, — заметил Геринг.— А тех двоих поймали при попытке к бегству, и их следует наказать. Все они стали совершенно бесполезными и будут убиты. Итак, вы должны без колебаний прикончить их и тем самым доказать, что подходите нам, — немец скользнул взглядом по лицу Бартона, помолчал и небрежно добавил: — Ну, а кроме того, — весь этот сброд — евреи. Так что можете не беспокоиться из-за них.

Кэмпбел — рыжий детина, который швырнул в Реку Гвиневру — протянул Бартону увесистую дубинку, усаженную кремневыми шипами. Два других стражника вытащили из группы обреченных высокого светловолосого человека с серыми глазами и четким классическим профилем и бросили его на колени. Раб с ненавистью посмотрел на Геринга и плюнул в его сторону.

Геринг рассмеялся.

— Высокомерен, как вся эта раса! Если бы я захотел, он скоро превратился бы в визжащую мясную тушу, умоляющую о смерти. Но напрасные пытки не доставляют мне удовольствия; я — человеколюбив. А кое-кто из моих соотечественников с наслаждением дал бы ему отведать огня.

— Я убиваю только при защите своей жизни и жизней тех, кто находится под моим покровительством, — сказал Бартон. — Я — не наемный убийца.

— Вы как раз и защитите свою жизнь, прикончив этого еврея, — усмехнулся Геринг. — Иначе вы сами умрете. Но не так быстро.

— Нет, — ответил Бартон.

— Ох уж эти англичане! Ну, ладно. Я очень хотел бы перетащить вас на свою сторону, но что поделаешь! Ну, а как вы? — обратился он к Фригейту.

Американец, лицо которого подергивалось от боли, простонал:

— Вы повторяете свои земные преступления и в этом мире... Зачем? — Его голос окреп. — Ваши останки сожгли и пепел выбросили в мусорную яму в Дахау — за то, кем вы были и что сотворили... Помните об этом.

Геринг усмехнулся и процедил:

— Я знаю, что сделали со мной после смерти. Мои рабы-евреи не упустили случай подробно меня информировать. — Он указал на Моната и спросил: — А это что за урод?

Бартон объяснил. Геринг с важным видом задумался, потом сказал:

— Я не могу доверять ему. Пусть отправляется в лагерь для рабов. Теперь ты, обезьяна. Что ты скажешь?

К изумлению Бартона, Казз шагнул вперед и заявил.

— Я убью для тебя. Я не хочу быть рабом.

Он схватил палицу. Охранники направили на него копья — на тот случай, если он попытается использовать дубину не по назначению. Неандерталец бросил на них пристальный взгляд из-под нависающих бровей и поднял оружие. Раздался хруст — и раб упал ничком на пол. Казз вернул дубину Кэмпбелу и отошел в сторону. Он не смотрел на Бартона.

Геринг приказал:

— Вечером собрать всех рабов. Им будет продемонстрировано, что ждет тех, кто попытается улизнуть. Пойманных беглецов следует слегка поджарить, а затем — прикончить. Мой ува-

жаемый соправитель будет лично руководить экзекуцией. Ему нравятся подобные развлечения.

Он указал на Алису:

— Ее я возьму себе.

Туллий резко вскочил.

— Нет, нет Герман! Она мне нравится. Возьми себе других — я отдаю тебе всех. Но эту я хочу сам. Очень хочу. Она выглядит... как ты говоришь... благородно. Как... королева, да?

Бартон взревел, вырвал у Кемпбела палицу и вскочил на стол. Геринг откинулся назад, конец дубины едва не раздробил его нос. В тот же момент римлянин ударил Бартона копьем и ранил в плечо. Бартон повернулся, взмахнул палицей и вышиб оружие из рук Туллия.

Рабы с воплями набросились на охранников. Фригейт- вырвал у одного из стражей копье и ударил древком Казза по голове. Неандерталец осел на землю. Монат пнул охранника в пах и завладел его оружием.

Бартон не помнил, что произошло потом. Очнулся он только вечером. Его голова раскалывалась, грудь и плечи онемели от боли. Он лежал на траве в загоне ярдов пятьдесят шириной, огороженном стенами из сосновых бревен.

По верху стен, на высоте пятнадцати футов, шел деревянный настил, по которому расхаживали вооруженные охранники.

Он попытался сесть и застонал. Фригейт, скорчившийся рядом, произнес:

— Я боялся, что вы уже никогда не очнетесь.

— Где женщины? — хрипло спросил Бартон,

Из глаз Фригейта потекли слезы. Бартон покачал головой и резко сказал:

— Прекратите. Где они?

— Где же, черт побери, они могут быть? — с горечью прошептал Фригейт. — О боже, боже мой!

— Выбросьте их из головы. Мы ничем не можем им помочь. По крайней мере, сейчас. Почему они не прикончили меня?

Фригейт вытер слезы и простонал:

— Убейте меня, Дик, убейте... Может быть, они оставили в живых и вас, и меня, чтобы пытать огнем. В назидание прочим... Лучше бы они сразу разделались с нами...

— Вы так недавно обрели рай и уже готовы расстаться с ним? — фыркнул Бартон. Он разразился хриплым смехом, но тут же в его голову ударила боль.

Бартон разговорился с Робертом Спрюсом, англичанином из Кенсингтона, родившимся в

1945 году. Спрюс сказал, что Геринг и Туллий захватили власть месяц назад. Пока они еще не тревожили своих соседей. Но, конечно, они пытаются захватить ближайшие территории, включая область за Рекой, где обитали индейцы-онондага. До сих пор ни одному рабу не удавалось сбежать и известить соседей о намерениях Геринга.

— Но люди, живущие на границе, могут сами видеть, как рабы возводят стены, — сказал Бартон.

Спрюс сухо усмехнулся и ответил:

— Геринг распространяет слухи, что тут одни евреи и только их он обратил в рабство. Зачем же тогда беспокоиться? Но вы видите, что это — направда. Половина рабов не имеет к евреям никакого отношения.

С наступлением темноты Бартона, Фригейта, Руаха, де Грей-стока и Моната вывели за ворота лагеря и погнали к грейлстоуну. Здесь столпилось около двухсот рабов, которых стерегли семьдесят вооруженных людей Геринга. Чаши были поставлены на камень, затем все замерли в ожидании. Раздался грохот, языки голубого пламени взметнулись вверх и опали. Чаши сняли с каменного гриба, рабы открыли их, после чего охранники забрали табак, спиртное и половину пищи.

— Итак, мы — рабы, — констатировал Фригейт. — Дик, вы много размышляли о природе рабства. Что вы думаете о нем теперь?

— Я наблюдал на Земле его восточную разновидность, — сказал Бартон. — Тот тип рабства, с которым мы столкнулись здесь, не оставляет рабу шанс получить свободу. Между рабом и владельцем не может возникнуть никаких отношений, никаких личных чувств — кроме ненависти. На Востоке — земном Востоке — была совсем другая ситуация. Конечно, и там случались исключения — например, проявления крайней жестокости.

— Вы упрямый человек, — заметил Фригейт. — Вы обратили внимание что половина рабов — евреи? Большинство — уроженцы Израиля, из второй половины двадцатого века. Вон та девушка рассказала мне, как Геринг ухитрился возбудить в этой области антисемитизм и превратить евреев в рабов. Потом он захватил власть с помощью Туллия и сделал рабами многих из своих прежних приверженцев.

Фригейт задумчиво нахмурился и продолжал:

— Это был дьявольский замысел. Ведь Геринг, собственно говоря, не является подлинным антисемитом. Известно, что он вмешивался в дела Гиммлера и других, пытаясь спасти некоторых

евреев. Но он еще отвратительнее антисемита; он — оппортунист. Антисемитизм, подобно приливному валу, затопил Германию; чтобы занять заметный пост, надо было оседлать эту волну. Такие антисемиты, как Геббельс и Франко, верили в идеи, которые они пропагандировали. Да, это были извращенные, основанные на ненависти идеи, но они оставались идеями и лежали в основе их мировоззрения. А этого жирного счастливчика Геринга евреи совершенно не волновали, и ему не было до них никакого дела. Он просто использовал их в собственных целях.

— Ну, хорошо, — согласился Бартон, — но какое отношение все это имеет ко мне. О, я понимаю! Вы специально прочли мне эту лекцию!

— Дик, я восхищаюсь вами — и, поверьте, наберется немного людей, к которым я испытывал такое же чувство. Я счастлив, что мне выпала удача встретиться с вами — как был бы счастлив Плутарх, встретив Алкивиада или Тезея. Но я не слепой. Мне известны ваши недостатки — а их у вам множество. И они очень огорчают меня.

— О каком же из них идет речь в настоящий момент?

— Эта ваша книга... Вы знаете — «Еврей, цыган и Эль-Ислам». Как могли вы написать такое? Стра-

ницы, полные ненависти, кровавых фантазий, выдумок и суеверий! Взять хотя бы эту чепуху о ритуальных убийствах!

— Я был очень зол — из-за тех несправедливостей, что я натерпелся в Дамаске. Меня вышвырнули с должности консула, потому что враги распространяли обо мне ложные сплетни, и среди этих людей были...

— Это не оправдывает вас! — воскликнул Фригейт. — Вы написали ложь о целом народе!

— Ложь? Я писал правду!

— Возможно, вы только думали, что это правда. Но я принадлежу к эпохе, когда стало определенно известно, как далеко вы отклонились от истины. На самом деле, ни один человек в здравом уме не верил в такую чушь даже в наше время!

Бартон пристально посмотрел на американца и спокойно, размеренно начал перечислять:

— Это правда, что ростовщики-евреи в Дамаске ссужали деньги беднякам под тысячу процентов — причем не только мусульманам и христианам, но и своим единоверцам. Это правда, что когда мои недруги в Англии обвинили меня в антисемитизме, многие евреи Дамаска встали на мою защиту. Общеизвестно, что я протестовал про-

тив решения турецкого правительства продать здание синагоги в Дамаске греческому епископу, чтобы он мог превратить его в церковь; и я убедил восемнадцать мусульман свидетельствовать в суде в пользу евреев. Это правда, что я защищал христианских миссионеров от курдов. И я предупредил курдов о том, что этот жирный, скользкий турецкий боров Рашид-паша подстрекает их к восстанию только затем, чтобы потом устроить резню. Это правда, что тысячи христиан, мусульман и евреев пытались поддержать меня, когда из-за интриг христианских миссионеров, попов, Рашид-паши и еврейских ростовщиков я получил отставку с поста консула. И, наконец, истинная правда то, что я не обязан отвечать за свои действия ни перед вами, ни перед любым другим человеком!

Как это было похоже на Фригейта — затронуть такую болезненную тему в такое неподходящее время! Вероятно, он пытался уйти от трезвой самооценки, обратив на Бартона свой страх и свой гнев. Или, возможно, он испытывал боль, понимая, что его герой потерпел поражение.

Лев Руах скорчился, уткнув в лицо в ладони. Наконец, он поднял голову и, уставившись пустыми глазами в ночной полумрак, произнес:

— Добро пожаловать в концентрационный лагерь, Бартон! Вы впервые вкусили его прелести, но для меня это давно знакомая история. Я сидел в нацистском лагере — и я убежал. Я сидел в русском лагере — и я убежал. В Израиле меня схватили арабы, и я тоже убежал. Теперь, возможно, я опять смогу убежать. Но куда? В другой лагерь? Кажется, им не будет конца. Человечество без устали строит их и помещает туда вечных узников — евреев. Даже здесь, где мы можем все начать сначала, где все религиозные предрассудки должны быть разбиты на наковальне Воскрешения, немногое изменилось.

— Заткнись, — сказал мужчина, сидевший рядом с Руахом. Его лицо с блестящими голубыми глазами, обрамленное тугими завитками рыжих волос, можно было бы назвать красивым, если бы его не портил сломанный нос. Мужчина обладал мощным сложением борца и ростом в добрых шесть футов.

— Дав Таргоф, моряк, — представился рыжий великан; в его речи чувствовался заметный оксфордский акцент. — Бывший офицер израильских ВМС. Не обращайте внимания на этого человека, джентльмены. Он — из евреев старого закала, пессимист и нытик. Он скорее наполнит окрест-

ности своими воплями и стонами, чем встанет на ноги и двинется в бой, как подобает мужчине.

Руах потерял дар речи; потом он сделал глубокий вдох, вскочил и, ткнув пальцем в сторону Таргофа, заорал:

— Ты... ты, высокомерный сабра! Ты знаешь, с кем говоришь? Я сражался в войнах, которые тебе не снились! Сражался и убивал! И я не нытик! А что ты сам делаешь здесь, ты — храбрый вояка? Разве ты не такой же раб, как и все остальные?

— Старая история, — со вздохом произнесла высокая черноволосая женщина. Даже крайнее истощение не могло полностью стереть следы красоты с ее лица. — Старая история! Мы грыземся между собой, пока враги не начнут нас резать. Мы вцеплялись друг другу в глотки, когда Тит стоял под стенами Иерусалима, и поубивали больше своих, чем римлян. Мы...

Тут оба мужчины обрушились на нее, и все трое начали спорить так яростно и громко, что охране пришлось наводить порядок древками копий. Позже, с трудом шевеля разбитыми губами, Таргоф сказал:

— Я больше не могу терпеть. Скоро... ну, да ладно. Но этот стражник будет мой... я выпущу из него кишки.

— У вас есть какой-то план? — с интересом спросил Бартон.

Но рыжий моряк ничего не ответил.

Незадолго до рассвета рабов подняли и снова повели к грибообразному камню на побережье. Как и вечером, им оставили только половину пищи. После еды их разбили на группы и отправили на различные работы. Бартона и Фригейта погнали к северной границе, где они вместе с тысячью других невольников весь день гнули спины под палящими лучами солнца. Их единственным отдыхом был поход к грейлстоуну в полдень.

Геринг затеял строительство земляного вала на севере между горами и Рекой; он также собирался возвести второй вал на побережье на протяжении десяти миль, занятых его государством. Третий вал планировалось построить вдоль границы.

Бартон вместе с другими рабами копал глубокую траншею; вынутый из ямы грунт предназначался для возведения стены. Это была тяжелая работа, выполняемая с помощью каменных мотыг, которыми они ковыряли почву. Корни трав, переплетаясь, образовывали толстый слой очень прочной субстанции, которую нельзя было перерубить одним ударом. Размельченный грунт и корни накладывали деревянными лопатами в

большие бамбуковые носилки. Бригады носильщиков тащили груз на вершину вала, высыпали почву и трамбовали ее; земляная стена становилась все выше и шире.

К ночи рабов загнали обратно в лагерь. Изнуренные люди валились на землю и мгновенно засыпали. Но Таргоф, рыжий израильтянин, подсел к Бартону.

— Прибрежный ветерок донес до меня кое-какие слухи, — сказал он, ухмыльнувшись. — Говорят, что вы со своей командой устроили целое сражение. Я слышал также о том, что вы отказались служить Герингу.

— А слышали ли вы о моей книге, столь печально знаменитой? — спросил Бартон вместо ответа.

Моряк снова ухмыльнулся.

— Никогда не слышал о ней, пока Руах не высказал свои соображения по этому поводу. Но ваши дела говорят сами за себя. Руах слишком чувствителен к подобным вещам. Вы не станете упрекать его, если вспомните, через что он прошел. Но я не думаю, что вы попали бы за эту стену, если бы Руах был прав на ваш счет. Я уверен, что вы — хороший и храбрый человек, и вы нам нужны... Поэтому...

Дни, наполненные тяжелой работой, сменялись ночами, приносившими краткий отдых. До Бартона дошли слухи о женщинах. Вильфреду и Фатиму забрал Кэмпбел. Логу досталась Туллию. Алису Геринг с неделю подержал у себя, а затем передал одному из своих помощников, некоему Манфреду фон Кройшафту. Говорили, что Геринг негодовал по поводу холодности Алисы и даже собирался отдать ее на потеху своим телохранителям. Но Кройшафт выпросил ее себе.

Бартон был в отчаянии. Он видел ее то в постели Геринга, то — в объятиях Кройшафта, и эти мысли сводили его с ума. Он должен отомстить этим скотам — или умереть. Поздно ночью он тихо выбрался из большой хижины, в которой спал вместе с двумя дюжинами других невольников, прокрался в хижину Тар-гофа и разбудил его.

— Как-то вы выразили уверенность, что я буду на вашей стороне, — прошептал он в ухо рыжему израильтянину. — Собираетесь ли вы посвятить меня в свои планы? Должен предупредить вас, что если вы не сделаете этого немедленно, я начну действовать сам — вместе со своей группой и всеми людьми, которые пожелают к нам присоединиться.

— Руах рассказал мне еще кое-что о вас, — тихо

ответил Таргоф. — В его историях не все для меня ясно. Но могут ли евреи доверять человеку, который написал такую книгу? И где гарантии того, что после победы над общим врагом этот человек сам не примется за евреев?

Резкий ответ уже готов был сорваться с губ Бартона, но он сдержался. Помолчав немного, он заговорил, и слова его были спокойны и холодны.

— Прежде всего, мои действия — там, на Земле, скажут вам больше, чем любая из моих книг. Я был другом и покровителем многих евреев, и они испытывали ко мне искреннюю приязнь...

— Подобное утверждение обычно предваряет нападки на евреев, — прервал его моряк.

— Возможно. Однако, если бы даже Руах был прав на мой счет, Ричард Бартон, которого вы видите перед собой, — совсем не тот Бартон, что жил на Земле. Я думаю, каждый человек как-то изменился, попав сюда. Если этого не произошло, то он просто не способен измениться. И тогда ему лучше было бы умереть... Я провел в долине Реки четыреста семьдесят шесть дней и многое узнал за это время. Я не отношу себя к тем, кто неспособен измениться. Я слушал Руаха и Фригейта. Я спорил с ними — часто и жестоко. И я много

думал об их словах, хотя не всегда признавался себе в этом.

— Ненависть к евреям — чувство, врожденное с детства, — сказал Таргоф.— Она впечатывается в нервные клетки, становится безусловным рефлексом. Раздается звонок — и собачка профессора Павлова пускает слюну. Произнесите слово «еврей» — и в клетках нервной системы поднимается буря, которая ломает цитадель разума. То же, что происходит со мной, когда я слышу слово «араб». Но у меня есть вполне реальная основа для ненависти к арабам.

— Больше я не буду просить, — спокойно произнес Бартон. — Ситуация такова: либо вы доверяете мне, либо нет. В любом случае, вы знаете, что я собираюсь делать...

— Я верю вам, — сказал Таргоф. — Если вы способны изменяться, то я могу сделать это тоже. Я буду делить с вами кусок хлеба и сражаться рядом в бою. Мне хочется думать, что я не разочаруюсь в вас. Теперь скажите мне: если бы вы планировали восстание, то каким образом лучше всего его осуществить?

Таргоф слушал внимательно. Когда Бартон закончил, он кивнул головой.

— Очень похоже на мой план. Теперь мы долж-

НЫ...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

На следующий день, после завтрака, Геринг прислал стражников за Бартоном и Фригейтом. Таргоф сурово взглянул на Бартона и тот представил себе, какие мысли бродят сейчас в голове у рыжего моряка. Однако деваться было некуда, и Бартон с Фригейтом, сопровождаемые охраной, двинулись к «дворцу» правителя. Геринг сидел у стола в большом дубовом кресле с трубкой во рту. Предложив своим невольным гостям сесть, он подвинул к ним сигареты и вино.

— Время от времени, — произнес немец, — я люблю расслабиться и поболтать с кем-нибудь, кроме моих помощников, которые, должен сказать, не блещут интеллектом. Особенно мне нравится беседовать с теми, кто жил после моей смерти, или с людьми, знаменитыми в свое время. Но таких у меня совсем немного.

— Многие из ваших невольников-израильтян жили после вас, — сказал Фригейт.

— О, эти евреи! — Геринг плавно взмахнул своей трубкой. — С ними не оберешься хлопот. Они слишком хорошо меня знают. Сидят, как замороженные, когда я пытаюсь говорить с ними,

и довольно часто пытаются меня прикончить — так что с этой публикой особенно не расслабишься... Я, собственно, ничего против них не имею. Я не слишком жалую евреев, но я дружил со многими из них.

Бартон покраснел. Геринг, пососав трубку и пустив пару клубов дыма, продолжал:

— Фюрер был великим человеком, но у него имелось несколько пунктиков. Один из них — его отношение к евреям. Мне же это было безразлично. Но в Германии тех лет преобладали антиеврейские настроения и человек должен был идти в ногу со временем, если хотел занять достойное место в жизни. Впрочем, довольно об этом. Даже здесь нельзя избавиться от них...

Он разглагольствовал так несколько минут, затем принялся расспрашивать Фригейта о судьбе своих современников и истории послевоенной Германии.

— Если бы вы, американцы, обладали политическим чутьем, — заметил он, — вы должны были бы объявить войну России,

сразу же после нашей капитуляции. Мы сражались бы вместе с вами против большевиков, и мы бы их сокрушили.

Фригейт ничего не ответил. Геринг осчастли-

вил своих слушателей парой сальных анекдотов, после чего велел Бартону рассказать о странном событии, которое произошло с ним перед воскрешением в долине Реки.

Бартон был поражен. Откуда Геринг узнал об этом? От Казза? Или у него имелись информаторы среди рабов?

Он подробно рассказал обо всем — начиная с момента, когда он открыл глаза и обнаружил, что висит в огромном пространстве, заполненном плавающими телами, до того мгновения, когда человек в летающем каноэ направил на него металлическую трубку.

— У Моната, пришельца со звезд, имеется гипотеза, согласно которой некие существа — назовем их, для удобства, «создания Икс», наблюдали за человечеством с тех пор, когда оно вышло из первобытного состояния — то есть около двух миллионов лет. Каким-то образом они сканировали каждую клетку каждого человека с момента рождения до самой смерти и сохраняли эту информацию. Подобная концепция способна вызвать головокружение: однако она не более поразительна, чем воскрешение всего человечества и переустройство этой планеты в бесконечную речную долину. Возможно, каждая

личность была записана в течение своей жизни. Но может быть, эти сверхсущества, эта раса Икс, способны улавливать сигналы из прошлого, вибрации отлетевшего времени, подобно тому, как мы на Земле видели свет звезд, погасших тысячи лет назад.

— Монат, однако, склоняется к первому предположению. Он не верит в возможность путешествий во времени. Монат считает, что раса Икс долгое время накапливала эти записи. Каким образом, он не знает. Затем эту планету переоборудовали для нас; теперь она — один огромный речной мир. Во время нашего плавания вверх по Реке мы беседовали со многими десятками людей и их рассказы, без сомнения, подтверждают это; одни пришли с крайнего севера, другие — с южных широт. Их описания, собранные вместе, дают картину мира, превращенного в одну гигантскую зигзагообразную речную долину.

— Люди, с которыми мы говорили, были убиты или погибли в результате несчастных случаев, они воскресли снова в тех районах, мимо которых проходил наш путь. Монат утверждает, что всех нас, воскресших на этой планете, продолжают постоянно сканировать. И когда один из нас умирает, его запись — вплоть до последних

минут жизни — передается куда-то, может быть, в расположенные под поверхностью планеты конвертеры, преобразующие энергию в материю. Они воспроизводят тела такими же, как в момент смерти, а затем регенерирующие устройства вос-станавливают их в первоначальном виде. Возможно, все происходит в той огромной камере, где я пробудился. Потом эти юные тела, без ран и повреждений, еще раз сканируются — и уничтожаются. Наконец, записи снова попадают в конвертеры, которые, возможно, используют в качестве энергетического источника тепло планетного ядра, и нас воспроизводят на поверхности этого мира, вблизи грейлстоунов. Я не знаю, почему повторные воскрешения происходят не в том же месте, где раньше обитал погибший. Я также не представляю себе, почему при этом удаляются все волосы, по какой причине у мужчин не растут усы и борода, зачем все женщины воскресают девственницами и для чего мужчинам делается обрезание. Не знаю, почему нас воскрешают снова и снова. Зачем, с какой целью? Те, кто поместил нас сюда, не показываются и не сообщают нам о своих планах.

— Главное же заключается в том, — подхватил Фригейт, — что мы — не те люди, что когда-то

обитали на Земле. Я умер. Бартон умер. Вы, Герман Геринг, тоже умерли. Умерли все — и это бесспорный факт. А мертвых нельзя возвратить к жизни!

Геринг задумчиво посасывал свою трубку, глядя на американца; затем он сказал:

— Почему же нельзя? Ведь я снова жив! Или вы отрицаете это?

— Да! Я отрицаю это — в определенном смысле, конечно. Вы — живы; но вы — не тот Герман Геринг, который родился на вйлле «Мариенбад» в Розенхейме, в Баварии, 12 января 1893 года. Вы — не тот Герман Геринг, чьим крестным отцом был доктор Герман Эппенштейн, еврей, принявший христианство. Вы — не тот Геринг, который заменил фон Ритгофена после его смерти, который продолжал сражаться в воздухе против союзников даже тогда, когда война уже закончилась. Вы — не рейхмаршал гитлеровской Германии и не тот беглец, которого арестовал американский лейтенант Джером Шапиро. Каково! Эппенштейн и Шапиро, ха! И вы вовсе не тот Герман Геринг, который покончил счеты с жизнью, отравившись цианистым калием во время судебного процесса по обвинению его в преступлениях против человечества!

Геринг, уминая пальцем новую порцию табака в своей трубке, тихо произнес:

— Вы много знаете обо мне. Полагаю, я должен быть польщен этим. По крайней мере, я не был забыт в ваше время.

— Нет, конечно, — усмехнулся Фригейт. — Вы были клоуном — да, зловещим шутом — подхалимом и банкротом, а о людях с подобной репутацией помнят долго.

Пораженный Бартон вздрогнул. Он не ожидал, что этот парень заявит такое человеку, который властвует над его жизнью и смертью и может подвергнуть его мучительному наказанию. По-видимому, Фригейт надеялся, что с ним быстро покончат. Или же он решил сыграть на любопытстве Геринга. Тот пристально посмотрел на американца и сказал:

— Поясните свою мысль. Не те ваши соображения, что касаются моей репутации. Любая выдающаяся личность может ожидать, что после смерти станет жертвой клеветы и злобы тупоголовых масс. Объясните, почему я — не тот же самый человек, не Герман Геринг.

Фригейт усмехнулся и произнес:

— Вы — производное, гибрид записи настоящего Геринга и конвертера, воплотившего запись в

реальность. Ваша память, каждая клетка вашего тела дублируют память и тело Германа Геринга. Вы обладаете всем, что имел он, — и поэтому считаете себя Германом Герингом. Но это не так! Вы — только дубликат, копия! Настоящего Германа Геринга давно не существует; молекулы, из которых состояло его тело, развеяны в воздухе, поглощены почвой и растениями, вернулись в живую плоть людей, зверей, птиц и выброшены ими в виде испражнений. И вы, сидящее передо мной существо, имеете не большее отношение к подлинному Герингу, чем запись на магнитной ленте — к живому человеческому голосу, к колебаниям воздуха, произведенным гортанью человека и преобразованным бездушным прибором в узор частичек ферритового покрытия ленты.

Это сравнение было понятно для Бартона; он видел фонограф Эдисона в 1888 году в Париже. Он чувствовал себя шокированным, угнетенным откровениями Фригейта. Широко раскрытые глаза и покрасневшее лицо Геринга показывали, что он тоже осознал неприятную истину. Наконец, заикаясь, немец пробормотал:

— Зачем же этим существам брать на себя такие хлопоты — только для того, чтобы наделать

кучу дубликатов?

— Я не знаю, — пожал плечами Фригейт.

Геринг резко поднялся из кресла и, свирепо ткнув черенком трубки в сторону Фригейта, закричал по-немецки:

— Ты лжешь! Ты лжешь, паршивая собака!

Лицо Фригейта дернулось, словно его опять ударили по почкам, однако он твердо произнес:

— Это правда! Конечно, вы можете не верить моим словам — ведь я не имею никаких доказательств. И я отлично понимаю ваши чувства. Я знаю, что я — Питер Джайрус Фригейт, родившийся в 1918 году и умерший в 2008. Но я должен поверить — потому что это мне диктует логика — что я на самом деле являюсь существом, которое всего лишь обладает памятью Фригейта; сам Фригейт давно мертв. В некотором смысле, я — дитя того Фригейта, который никогда уже не будет существовать вновь. Но я — не плоть от плоти его; я — не человек, рожденный женщиной в том потерянном навсегда земном мире. Я — внебрачный отпрыск науки и машины. Если только...

— Да? Если что? — заинтересованно спросил Геринг.

— Если только с человеческим телом не связано нечто — некая реальная субстанция, определяю-

щая сущность человека. Я имею в виду, что она хранит все индивидуальные черты личности и когда тело погибает, эта субстанция продолжает существовать. В таком случае, если тело опять восстановлено, нечто, определяющее человеческую индивидуальность, может быть трансплантировано обратно. По-видимому, именно такую субстанцию хранят записи той неведомой расы, что сотворила мир Реки и продолжает сканировать наши тела. Тогда следует считать, что первоначальная личность может снова получить жизнь, она не будет просто копией.

— Ради бога, Питер! — воскликнул Бартон. — Вы говорите о душе?

Фригейт кивнул и добавил:

— Да, о чем-то аналогичном душе. О чем-то, что впервые ощутили примитивные существа на заре человеческой цивилизации и назвали душой.

Геринг громко захохотал. Бартон сдержал улыбку; в этом споре он не хотел оказывать немцу моральную или интеллектуальную поддержку.

Успокоившись, Геринг заявил:

— Даже здесь, в мире, который несомненно создан на основе научного знания, сторонники сверхъестественного продолжают строить свои фантастические домыслы. Ну, ладно: довольно

об этом. Перейдем к более практическим и насущным проблемам. Скажите, не изменились ли ваши намерения? Возможно, вы уже готовы сотрудничать со мной?

— Я не буду служить человеку, который насилует женщин, — сказал Бартон, гневно сверкнув глазами. — Кроме того, я отношусь с уважением к евреям. Я предпочитаю быть рабом с ними, чем свободным — с вами!

Геринг нахмурился и произнес, медленно и тяжело роняя слова:

— Ладно... Я думал, что так и будет. Но я надеялся... ладно, я и без того имею много хлопот с этим римским отродьем. Если бы он куда-нибудь убрался, вы бы увидели, что я могу стать более милосердным к своим рабам. Вы его не знаете. Он готов пытать любого из вас всю ночь для собственного развлечения — и сделал бы это, если бы не мое заступничество.

В полдень Бартон и Фригейт снова вернулись к своей работе. У них не было возможности переговорить с Таргофом или с кем-нибудь из знакомых рабов, трудившихся на другом участке стены. Они не рискнули открыто подойти к Таргофу; такая попытка могла закончиться жестокими побоями.

Вечером, когда рабов загнали за бревенчатую стену, Бартон рассказал своим, что произошло во «дворце» Геринга.

— Боюсь, что Таргоф не поверит ни одному моему слову, — с горечью сказал он. — Он думает, что мы — предатели. И даже если он не совсем уверен в том, он не станет рисковать. Итак, у нас могут быть неприятности. Как плохо, как некстати все получилось! Похоже, что наши планы на эту ночь придется изменить.

Однако пока ничего страшного не происходило. Израильтяне просто отворачивались или уходили прочь, когда Бартон или Фригейт пытались заговорить с ними. Наступила ночь, и звезды, сиявшие на небосклоне, затопили лагерь серебристым светом, почти таким же ярким, как на Земле в полнолуние.

Невольники оставались внутри своих бараков, переговариваясь шепотом друг с другом. Несмотря на сильную усталость, они не могли уснуть. Охрана, должно быть, почувствовала охватившее лагерь напряжение, хотя стражники не могли видеть людей в хижинах или слышать их тихие голоса. Нервно расхаживая взад и вперед по стене, стражники иногда собирались группами, что-то бормотали, тревожно оглядывая хаотиче-

ское скопище бараков, освещенное звездами и пламенем факелов.

— Таргоф не начнет действовать, пока не пойдет дождь, — прошептал Бартон. Он велел Фригейту дежурить первым; его должен был сменить Спрюс и потом сам Бартон. Бросившись на кучу листьев, он закрыл глаза и, не обращая внимания на шелест голосов вокруг, мгновенно уснул.

Казалось, он только что смежил веки, по Спрюс уже тряс его за плечо. Он быстро поднялся на ноги, зевая и потягиваясь. Остальные обитатели хижины уже проснулись. Тучи начали заволакивать небо, и через десять минут звезды исчезли. Со стороны гор послышался раскат грома, и первая молния прорезала небосклон.

Еще одна молния сверкнула совсем близко. В ее призрачном свете Бартон увидел, что охранники сбились в кучки под кровлями смотровых площадок, расположенных по углам загона. Спасаясь от холода и дождя, они плотно закутались в покрывала.

Бартон ползком пробрался в соседний барак. Таргоф стоял у входа, всматриваясь во тьму. Бартон выпрямился и, пытаясь разглядеть лицо моряка, спросил:

— Наш план остается в силе?

— Ты лучше это знаешь, — прошептал сквозь зубы израильтянин, — ты, Иуда!

Он шагнул вперед и дюжина людей последовала за ним. Бартон не стал ждать; он атаковал первым. Он ринулся вперед, но внезапно странный звук коснулся его слуха. Растолковав темные фигуры у входа, он выглянул наружу... Очередная вспышка молнии высветила недвижимое тело охранника, лежавшего ничком в мокрой траве у подножия стены.

Таргоф разжал кулаки и опустил руки, когда Бартон повернулся к нему; потом моряк с недоумением прошептал:

— Ричард, что там случилось?

— Подождите, — ответил Бартон. Он не больше Таргофа понимал, что происходит, но сейчас любая неожиданность могла сыграть ему на пользу.

Дрожащий свет молнии озарил приземистую фигуру Казза, бегущего по помосту наверху стены. Размахивая чудовищным каменным топором, он врезался в группу стражников, собравшихся на смотровой площадке. Еще одна вспышка. Стражники бросились врассыпную. Темнота. Новая вспышка — и еще один человек валится вниз

с разбитым черепом; двое оставшихся бегут по помосту в разные стороны.

Теперь, в блеске полосующих небо молний, можно было заметить, что другие охранники наконец встревожились. Они выбежали на стены, под дождь, крича и размахивая копьями.

Казз, не обращая на них внимания, опустил в загон длинную бамбуковую лестницу и швырнул вниз связку копий. Затем он бросился навстречу ближайшей группе стражников.

Бартон выскочил наружу, схватил копье и взлетел по сколь-зской лестнице на стену. Остальные невольники, включая израильтян, последовали за ним. Схватка была короткой и кровавой. Людей Геринга на стене перебили в считанные минуты; в живых осталось только несколько человек, укрывшихся на смотровых площадках. Лестницу быстро перебросили на внешнюю сторону стены и через мгновение ворота были открыты. Теперь, наконец, Бартон смог перебросится словом с Каззом.

— Я думал, ты предал нас, — усмехнувшись, сказал он.

— Нет. Казз — не предатель. — произнес неандерталец с упреком. — Ты знаешь, я люблю тебя, Бартон-нак. Ты — мой друг, мой вождь. Я притво-

рился, что служу твоим врагам, — умный должен сделать так. И тебе надо было сделать так. Ведь ты — не глупец.

— Наверно, нет, — ответил Бартон, пораженный этой примитивной логикой. — Но я не мог заставить себя прикончить того несчастного раба.

При вспышке молнии он увидел, что Казз пожимает плечами.

— Зачем беспокоиться об этом, — с недоумением сказал неандерталец. Я не знал его. И ты слышал слово Геринга. Он говорил — тот человек умрет. Все равно умрет.

— Хорошо, что ты решил помочь нам именно сегодня, — заметил Бартон. Он не стал подробнее распространяться по этому поводу, чтобы не смущать неандертальца; вряд ли можно было в двух словах объяснить сложное положение, в которое попали они с Фригейтом. К тому же, его ждали более важные дела.

— Сегодня очень подходящая ночь, — сказал Казз. — Идет большое сражение. Туллий и Геринг напились и ссорятся. Они дерутся; их люди тоже дерутся. Они убивают друг друга — и тут приходят другие люди. Люди с темной кожей из-за Реки... как ты называл их? Да, онондага, они. Их лодки

приходят перед дождем. Они тоже хотят рабов. Или черт знает чего. Тогда я думаю — хорошее время для меня, время освободить Бартона-нак.

Дождь внезапно прекратился. Теперь Бартон мог слышать крики и яростные вопли, доносившиеся с речного берега. С севера и с юга доносился грохот барабанов. Он повернулся к Таргофу.

— Мы можем либо бежать, либо сражаться. Что вы решили?

— Я хочу отомстить этим тварям, которые мучали нас, — ответил моряк. — Поблизости есть другие лагеря. Я послал людей взломать их ворота. До остальных так быстро не добраться — хотя их тут немало. Геринг строил лагеря через каждые полмили.

Бревенчатый дом, в котором спали свободные от дежурства стражники, был взят штурмом. Рабы вооружились и двинулись к побережью. Группа Бартона прикрывала правый фланг. Они не прошли и мили, когда на земле стали попадаться груды тел. Индейцы и белые, раненые или убитые, лежали вперемежку.

Хотя атака началась во время дождя, нападавшим удалось поджечь форт. Пожар разгорался, и в свете пляшущих языков пламени невольники увидели темные очертания сражающихся фигур.

Беглецы быстро пересекали равнину. Внезапно они увидели, как линия одной из сражающихся сторон резко сломалась и беспорядочная толпа людей устремилась в их сторону, преследуемая радостно вопящими победителями.

— Там Геринг! — крикнул Фригейт. — Будьте уверены, лишний жир не позволит ему быстро смыться!

Он вытянул руку, показывая Бартону на немца, который отчаянно работал ногами, но все же постепенно отставал от своих людей.

— Я бы не хотел, чтобы удовольствие прикончить его досталось индейцам, — сказал Бартон. — Мы должны заполучить его сами — ради Алисы.

Длинноногая фигура Кэмпбела мелькнула впереди толпы, и Бартон метнул копье. Рыжему шотландцу, наверное, показалось, что копье возникло из темноты, словно порожденное окружающим мраком ночи. Он не успел увернуться. Кремневый наконечник вошел под его левую ключицу и он осел вниз. Шотландец попытался подняться, и Бартон нанес второй удар. Глаза Кэмпбела закатились, изо рта хлынула кровь. Дрожащей рукой он показал на другую рану, глубокую ссадину на боку и прохрипел:

— Ты... твоя женщина Вильфреда... сделала это... Но я убил ее, суку...

Бартон хотел спросить шотландца, где держат Алису, но Казз, дико выкрикивая что-то на своем родном языке, опустил на рыжую голову свой топор. Бартон выдернул из мертвого тела копье и бросился за неандертальцем.

— Не трогай Геринга! — закричал он. — Оставь его мне!

Казз не расслышал: он сражался сразу с двумя индейцами.

Внезапно Бартон увидел Алису — она бежала к нему, в ее широко раскрытых невидящих глазах застыл ужас. Он бросился к ней, обнял и повернул к себе. Она вскрикнула и стала яростно сопротивляться. Бартон заорал на нее; вдруг, услышав знакомый голос, она обмякла в его объятиях и начала плакать. У Бартона не было времени успокоить ее; он боялся, что упустит Геринга. Мягко отстранив женщину, он бросился к немцу и метнул в него копье. Кремневый наконечник скользнул по голове Геринга; тот вскрикнул и остановился, озираясь в поисках оружия. Но Бартон уже налетел на него. Они упали на землю и покатились по влажной траве: каждый пытался добраться до горла противника.

Что-то ударило Бартона по затылку. Оглушенный, он на мгновение ослабил захват. Геринг оттолкнув его, вскочил на ноги и схватил валявшееся рядом копье. Сжав древко обеими руками, он шагнул к распростертому в траве телу Бартона. Тот попытался подняться, но колени его дрожали, перед глазами плыли огненные круги. Внезапно Геринг пошатнулся — Алиса обхватила сзади его щиколотки и изо всех сил толкнула вперед. Немец попытался сохранить равновесие, потом рухнул ничком на землю. Бартон, обнаружив, что уже может двигаться, навалился на противника. Снова они катались в траве в яростной схватке, ломая друг другу пальцы и рыча, как бешеные звери. Затем каменный наконечник копья скользнул по плечу Бартона, обдирая кожу, и вонзился в горло Геринга.

Бартон поднялся, выдернул копье и с силой воткнул его в толстый живот немца. Тот дернулся, пытаясь сесть, потом упал и затих; глаза его закатились. Алиса опустилась на землю рядом с мертвым телом и начала тихо всхлипывать, закрыв ладонями лицо.

С рассветом сражение закончилось. Ворота всех лагерей были открыты, и рабы вырвались на свободу. Люди Геринга и Туллия, зажатые,

подобно зернам в жерновах, между онондага и своими бывшими невольниками, полегли на прибрежной равнине. Индейцы, удовлетворив свою страсть к грабежу, отступили. Побросав захваченных пленников в челны и каноэ, они налегли на весла и скрылись в предутреннем тумане, подымавшемся над Рекой. Их никто не преследовал.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Последующие дни были до отказа заполнены делами. Приблизительный подсчет показал, что не менее половины из двадцати тысяч жителей маленького королевства Геринга погибли, были ранены или похищены онондага. Туллию Гостилию, по-видимому, удалось бежать. Оставшиеся в живых выбрали временное правительство. Таргоф, Бартон, Спрюс и еще двое вошли в исполнительный комитет, наделенный весьма значительной властью. Джон де Грейсток пропал. Его видели в самом начале битвы; затем он исчез, и оставалось только гадать о судьбе, постигшей камберлендского рыцаря.

Алиса Харгривс перебралась в хижину Бартона, не сказав ни слова о том, когда и почему изменились ее намерения.

Через несколько дней она как-то сказала Бартону:

— Фригейт говорит, что если вся поверхность планеты выглядит так же, как в тех областях, что мы прошли, то Река должна тянуться на двадцать миллионов миль. Это невероятно — но не более поразительно, чем наше воскрешение в этом

мире. Значит, в долине обитают тридцать"пять— тридцать семь миллиардов человек, и я не думаю, что имею шанс найти своего мужа.

— А кроме того, я люблю тебя, — добавила она, помолчав. — Да, я знаю — я вела себя так, что об этом было нелегко догадаться. Но что-то изменилось во мне. Вероятно, потому, что я прошла через весь этот ужас. Не думаю, что я полюбила бы тебя на Земле. Может быть, я восхищалась бы тобой, но одновременно испытывала бы отвращение — даже страх. И я не смогла бы стать для тебя хорошей женой, там, на Земле. Здесь — другое дело. Я буду просто твоей подругой, потому что тут, пожалуй, не найдется официальных властей или церкви, что могли бы сочетать нас законным браком. Ты видишь, как я изменилась, — улыбка коснулась ее губ, — теперь я готова жить с мужчиной без венчания и обмена кольцами.

— Мы с тобой — не в викторианской Англии, — ответил Бартон. — Это другое время, другая эпоха... Эпоха Слияния, эра Смешивания человечества... И что получится в результате? Цивилизация речного мира? Прибрежная культура? Или, скорее, множество культур?

— Только если этот мир будет существовать, — задумчиво сказала Алиса. — Он возник внезапно

— и так же быстро и неожиданно может прийти к своему концу.

Бартон подумал, что пока поросшая травой равнина и зеленоватая поверхность Реки, лесистые холмы и неприступные горы не кажутся иллюзорными шекспировскими видениями. Они основательны и реальны! Как реальны люди, которые сейчас направлялись к ним. Он вышел из хижины и приветствовал Фригейта, Моната, Казза и Руаха.

— Давно, до того, как я стал говорить по-английски хорошо, я увидел что-то, — начал Казз. — Я пытался сказать тебе, но ты не понял. Я видел человека, который не имеет на лбу этого.

Он коснулся середины своего лба, потом показал на лбы остальных.

— Я знаю, — сказал Казз, — ты не видишь это. Пит и Монат тоже не видят. Никто не видит. Но я вижу — на лбу у всех. Кроме человека, которого я хотел поймать тогда, давно. Потом, однажды, я видел женщину без этого, но я не сказал тебе. И сегодня я нашел еще одного такого человека.

— Казз имеет в виду, — произнес Монат, — что он может различить какие-то символы или знаки: такие метки находятся на лбу каждого жителя долины. Он способен видеть их только

при ярком солнечном свете и под определенным углом зрения. Причем все люди, встречавшиеся ему, имели метки — кроме трех.

— Должно быть, он видит в более широком спектральном диапазоне, чем мы, — добавил Фригейт. — Эти существа Икс, поместившие нас сюда и пометившие каждого клеймом, как скотину, очевидно, не знают о такой особенности расы Казза. Что доказывает, что и они не являются всеведущими.

— По-видимому, так, — кивнул головой Бартон. — Никто не застрахован от ошибок. Иначе сам я не очнулся бы до воскрешения в том странном месте. Итак, кто он — человек, у которого нет знаков на лбу?

Он говорил спокойно, но сердце его учащенно забилось. Если Казз прав, то он сможет обнаружить агента этих неведомых существ, что вновь дали жизнь человеческой расе. Кто эти таинственные боги, скрывающиеся от глаз людских?

— Роберт Спрюс! — заявил Фригейт.

— Прежде, чем делать какие-либо выводы, — осторожно заметил Монат, — не будем забывать, что отсутствие символов может оказаться простой случайностью.

— Мы все выясним, — сказал Бартон со зло-

вещим спокойствием. — Но зачем нужны эти знаки? К чему ставить на нас отметки?

— Наверное, чтобы как-то нас идентифицировать — или пронумеровать, — пожал плечами Монат. — Кто знает — кроме тех, кто поместил нас в этот мир?

— Давайте сюда Спрюса, — приказал Бартон.

— Сначала его надо поймать, — ответил Фригейт. — Казз допустил ошибку — он сказал Спрюсу, что знает об этих символах. Это произошло утром, во время завтрака. Меня там не было, но мне рассказывали, что Спрюс побледнел. Через несколько минут он исчез. Мы разослали поисковые партии вниз и вверх по течению, в холмы и даже на ту сторону Реки.

— Бегство — доказательство его вины! — воскликнул Бартон. Гнев бурлил в нем. Разве люди — рогатый скот, чтобы клеймить их?

В полдень загрохотали барабаны, сообщая, что Спрюс пойман. Через три часа он стоял перед столом Совета в зале вновь отстроенного административного здания. За столом сидели члены Совета. Двери были плотно закрыты; советники чувствовали, что это дело лучше не афишировать. Однако Моната, Кавза и Фригейта допустили на заседание.

— Я должен сообщить вам, — сурово произнес Бартон, — что мы решили применить любые меры, чтобы добиться от вас правды. Не в наших принципах использовать пытки. Мы ненавидим и презираем тех, кто способен мучить людей. Но мы считаем, что в данных чрезвычайных обстоятельствах принципами следует пожертвовать.

— Принципами нельзя жертвовать никогда, — спокойно сказал Спрюс. — И никогда цель не оправдывает средства. Даже если отказ от ее достижения означает смерть, поражение или неведение.

— Ставка слишком высока, — ответил Таргоф. — Да, мы все согласны с вами — и я, превращенный мерзавцами в раба, и Руах, которого пытали много раз, и другие. Но, в случае необходимости, мы используем нож и огонь. Нам надо знать правду, — он мрачно нахмурился и спросил.— Ну, а теперь... теперь скажите нам, вы — один из тех, кто сотворил все это?

— Вы станете такими же, как Геринг и ему подобные, если подвергнете меня пыткам, — произнес Спрюс, и голос его дрогнул. — На самом деле, вы будете еще хуже, потому что заставите себя быть похожими на него. И все — ради цели, которая, возможно, даже не существует! А если

и существует, то достигнув ее, вы окажете себе плохую услугу.

— Скажите нам правду, — потребовал Таргоф. — Не лгите! Мы знаем, что вы — их агент. Возможно, вы — один из тех, кто несет прямую ответственность за то, что произошло с человечеством.

— Там, в очаге, сверкают языки пламени, — сказал Бартон, — и если вы не начнете говорить, мы... одним словом, огонь — наименее мучительное из того, что вам предстоит. Я хорошо знаком с китайскими и арабскими методами ведения допроса. Уверяю вас, они изобрели чрезвычайно утонченные способы извлечения истины... И я без угрызений совести применю свои знания на практике.

Спрюс побледнел, пот выступил на его лбу.

— Вы можете потерять вечную жизнь, если пойдете на это, — тихо произнес он, дрожа. — Как минимум, вы будете отброшены далеко назад на вашем пути, что замедлит достижение конечной цели...

— Какой цели? — спросил Бартон, но Спрюс не обратил на него внимания.

— Мы не можем выносить боль, — прошептал он, словно в полузабытьи, — мы слишком чувствительны...

— Вы будете говорить? — резко прервал его Таргоф.

— Даже мысль о собственной смерти причиняет боль... ее стараются избегать, хотя иногда она совершенно необходима... — Спрюс продолжал шептать, как будто хотел убедить себя в чем-то. — И потом, я же знаю, я уверен, что снова буду живым...

— В огонь его! — приказал Таргоф людям, державшим Спрюса.

— Одну минуту, — вмешался Монат, подняв тощую руку. — Послушайте, Спрюс, наука моего родного мира намного опередила земную. Поэтому среди присутствующих здесь, я наиболее подготовлен к тому, чтобы строить обоснованные предположения. Возможно, мы обойдемся без пыток и даже не заставим вас мучиться от сознания совершенного предательства. Вы должны только подтверждать или отвергать то, что я буду говорить.

— Слушаю вас, — кратко ответил Спрюс.

— Согласно моей теории, вы происходите с Земли. Хронологически вы принадлежите к эпохе, которая наступит много позже 2008 года. Очевидно, вы являетесь потомками тех немногих, кто избежал действия моего деструктора. Судя

по уровню технологии и энергетической мощи, которая потребовалась для преобразования поверхности этой планеты в одну огромную речную долину, вашу эпоху отделяет от двадцать первого века большой временной период. Могу я предположить, что вы относитесь к пятидесятому столетию?

Спрюс бросил взгляд на огонь в камине, затем сказал:

— Добавьте еще два тысячелетия.

— Если эта планета таких же размеров, как Земля, то на ней непросто разместить всех людей. И кое-кто тут отсутствует. Где же они — мертворожденные, дети, не дожившие до пяти лет, слабоумные, сумасшедшие? Где те, которые жили на Земле после двадцатого века?

Спрюс снова посмотрел на пламя, и губы его дрогнули.

— Где-то в другом месте, — сказал он, пожимая плечами.

— У специалистов моей планеты, — продолжал Монат, — имелась теория, что когда-нибудь нам удастся заглянуть в прошлое. Не буду вдаваться в детали; речь шла только о том, что события прошлого можно будет наблюдать визуально и записать их. Путешествия во времени, конечно,

чистая фантастика.

Он испытующе уставился на Спрюса, но тот молчал, опустив голову и сжав губы. Монат вздохнул и продолжал:

— Предположим, что ваша цивилизация способна совершить то, о чем только теоретизировали ученые моего народа. Предположим, что вы сделали записи каждого человеческого существа на протяжении всей его жизни. Затем подобрали подходящую планету и переконструировали ее нужным образом. Где-то может быть, под ее поверхностью — установлены конвертеры, преобразующие энергию в вещество и использующие тепло расплавленного ядра планеты; там же находятся устройства, способные воссоздать тела по ранее сделанным записям. Достижения биотехнологии позволяют вам омолаживать тела, восстанавливать утерянные конечности, глаза и так далее, исправлять любые физические недостатки.

Монат снова посмотрел на Спрюса, словно ожидал подтверждения своих слов; помолчав минуту, он заговорил снова:

— Затем вы, очевидно, сканируете вновь созданные тела и помещаете записи в какое-то огромное запоминающее устройство. Старые

тела уничтожаются, а новые воссоздаются около грейл-стоунов путем передачи соответствующих сигналов по гигантской сети — той сети, что связывает в единую систему все грейлстоуны и три раза в день заряжает наши чаши. Эти устройства, которые я описал, вполне могут быть размещены под поверхностью планеты. Таким образом, в нашем воскрешении нет ничего сверхъестественного, — Монат перевел дыхание и пристально посмотрел на Спрюса. — Вопрос в том, зачем все это нужно?

— Если в вашей власти совершить то, о чем вы сказали, разве вы не сочтете подобное действие своим этическим долгом? — ответил Спрюс.

— Да, но я воскресил бы лишь достойных!

— И какими критериями вы руководствовались бы при этом? — спросил Спрюс с иронией. — Вы действительно полагаете, что достаточно мудры и добродетельны, чтобы судить других? Вы готовы поставить себя на одну ступень с богом? Нет, всем должен быть предоставлен второй шанс — независимо от их качеств, жестокости или эгоизма, ничтожности или глупости... Всегда есть надежда, что они смогут перебороть...

Внезапно он замолчал, словно раскаиваясь в том, что сказал слишком много.

— Кроме того, — подхватил Монат, как будто боялся паузой подчеркнуть значение слов Спрюса, — вы хотите, очевидно, изучить все народы и все эпохи прошлой земной цивилизации. Наверное, вы желаете сохранить все человеческие языки, нравы, обычаи, философию различных народов. Чтобы сделать это, вам нужны агенты, замаскированные под воскрешенных, которые обитают в речной долине и наблюдают, изучают, записывают... Как долго продлится этот процесс? Тысячу лет? Две? Три? Миллион? Что будет с нами потом? Мы останемся здесь навсегда? Навечно?

— Вы будете находиться тут столько времени, сколько необходимо для излечения, — крикнул Спрюс. — И только затем... — он резко остановился, сверкнул глазами и заявил: — Даже самые стойкие из нас деградируют после длительного контакта с вами... Потом нас самих надо лечить... Я чувствую себя покрытым грязью...

— Дайте ему попробовать огня,—сказал Таргоф.— Мы вытянем из него всю правду.

— Нет, нет, не надейтесь! — снова закричал Спрюс. — Мне следовало давно поступить так... Но кто знает, возможно, что...

Он упал на землю; синевато-серый трупный оттенок начал разливаться по его коже. Доктор

Штейнберг, один из членов совета, склонился на телом Спрюса, но всем было уже ясно, что он мертв.

— Лучше убрать его отсюда, доктор, — сказал Таргоф. — Сделайте вскрытие. Мы будем ждать вашего заключения.

— Какого заключения можете вы ожидать? — грустно усмехнулся врач. — У меня нет нужных химических препаратов, микроскопа... только кремневые ножи. Но я сделаю все, что смогу.

Тело унесли. Бартон сказал:

— Я рад, что он не смог раскрыть нашу игру. Если бы он держал рот закрытым, победа была бы на его стороне.

— Значит, на самом деле вы не собирались пытать его? — воскликнул Фригейт. — Я надеялся, что вы просто блефуете. Но если бы вы действительно сделали это, я ушел бы от вас... и никогда больше вас не увидел...

— Конечно, применение пыток исключалось, — заметил Руах. — Спрюс был совершенно прав — мы бы тогда ничем не отличались от Геринга. Но мы могли использовать другие методы. Например, гипноз. Бартон, Монат и доктор Штейнберг разбираются в этом.

— Меня беспокоит, что мы не можем быть уве-

рены в правдивости его информации, — сказал задумчиво Таргоф. — В действительности, он мог солгать нам. Монат делал некие предположения, и, если они были неверны, Спрюс предпочитал соглашаться с ними, чтобы ввести нас в заблуждение. Повторяю, мы не можем быть ни в чем уверены.

Бесспорно лишь одно: их шансы выявления другого агента с отсутствующими на лбу символами, по-видимому, близки к нулю. Теперь, когда раса Икс, повелевающая речным миром, знает о странной особенности зрения Казза, она может принять надлежащие меры.

Штейнберг вернулся через три часа.

— Его тело ничем не отличается от любого другого представителя вида Гомо Сапиенс, — заявил доктор. — Кроме вот этого маленького устройства.

Он раскрыл ладонь, на которой лежал черный блестящий шарик размером со спичечную головку.

— Я обнаружил его в поверхностных тканях лобной доли мозга. Прибор был подсоединен к нервным окончаниям такими тонкими проволочками, что я мог разглядеть их только под некоторым углом, когда они отражали свет. Я

полагаю, что Спрюс покончил с собой с помощью этого устройства, просто подумав о смерти... Каким-то образом этот маленький шарик выполняет мысленную команду. Возможно, он выделяет мгновенно действующий яд, который я не могу распознать без необходмых для анализа химикалий и инструментов.

С этими словами доктор закончил свой доклад и положил шарик на стол перед советниками.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тридцатью днями позже Бартон, Фригейт, Руах и Казз возвращались из путешествия вверх по Реке. Наступил рассвет. Холодный густой туман, окутывавший Реку в последние ночные часы и простиравшийся на шесть-семь футов над поверхностью воды, клубился вокруг них. В любом направлении видимость не превышала расстояния доброго прыжка, который может сделать молодой сильный мужчина. Но Бартон, стоявший на носу бамбукового одномачтового суденышка, знал, что они приближаются к западному берегу. Они только свернули, покидая середину Реки; Бартон чувствовал, как замедлилось течение, когда лодка вошла в сравнительно неглубокие воды у побережья.

Если его расчеты верны, они должны быть поблизости от развалин «дворца» Геринга. С минуты на минуту он мог заметить плотную полоску темноты, выплывающую из чуть более светлых вод — берег, который он называл теперь домом. Дом для Бартона был местом, откуда он отправлялся дальше, где он отдыхал, временным укрытием, в котором он писал книгу о своей по-

следней экспедиции, берлогой, где он зализывал раны, наблюдательной башней, с которой он высматривал новые земли, подлежащие изучению.

Поэтому, уже через две недели после смерти Спрюса, Бартон ощутил желание оказаться в любом другом месте, кроме того, где он был в данный момент. До него дошли слухи, что на западном берегу, примерно в сотне миль вверх по течению, нашли медь. Эти земли на протяжении двенадцати миль заселяли сарматы пятого века до новой эры и фризы тринадцатого столетия.

Бартон не слишком полагался на истинность переданного сообщения, но оно давало ему повод для путешествия. Он отправился в путь, оставив Алису на берегу — несмотря на все ее просьбы.

Теперь, месяцем позже, после некоторых приключений не всегда приятного свойства, они были почти дома. Слухи оказались не совсем беспочвенными. Там была медь — но в самом минимальном количестве. Так что четверо путников с легким разочарованием вновь забрались в свою лодку, предвкушая быстрое путешествие вниз по течению, под парусами, постоянно наполненными ветром. Они плыли днем, приставая к берегу там, где обитали дружелюбные народы, не препятствующие странникам раз-другой поста-

вить чаши на их грейлстоуны. Ночью они либо спали на гостеприимном берегу, либо пересекали под покровом ночной тьмы враждебные воды.

Последний этап их путешествия был совершен после захода солнца. Прежде, чем попасть домой, им пришлось миновать опасный участок долины, где на одном берегу Реки обитали всегда жаждущие новых рабов мохауки восемнадцатого столетия, а на другом — не менее алчные карфагеняне третьего века до новой эры. Проскользнув мимо них в тумане, они теперь приближались к дому.

Внезапно Бартон произнес:

— Берег впереди! Пит, опусти мачту! Казз, Лев — на весла! Сейчас пристанем!

Через несколько минут они высадились и вытащили свое легкое суденышко из воды на пологий берег. Теперь, когда они вышли из полосы тумана, перед их глазами появилась светлая небесная полоска, разгоравшаяся над пиками восточного хребта.

— Заблудившие души возвратились обратно! — возгласил Бартон. — Мы находимся в десяти шагах от грейлстоуна вблизи развалин.

Он окинул взглядом бамбуковые хижины, разбросанные по равнине, и более крупные

строения, возвышавшиеся над мокрой травой или полускрытые в тени огромных деревьев на склонах холмов.

Никого не видно. Долина погружена в сон.

Он повернулся к берегу и, не обнаружив там ни одной живой души, сказал:

— Странно! Почему никто еще не поднялся? И где же часовые?

Фригейт указал на наблюдательную вышку справа от них.

Бартон выругался и сердито произнес:

— Они спят, лентяи, или удрали со своего поста!

Но он уже знал, что дело было не в этом. Хотя он ничего не сказал своим спутникам, в тот момент, когда он шагнул на берег, его охватило предчувствие какой-то беды. Он пустился бегом, путаясь во влажной траве, прямо к хижине, в которой они с Алисой жили.

Алиса сладко спала на своем бамбуковом ложе справа от входа. Из-под вороха покрывал, скрепленных магнитными застежками, виднелась только ее голова в завитках бронзовых волос. Бартон отбросил покрывала прочь, упал на колени около низкой постели и, обхватив руками теплые плечи женщины, попытался усадить

ее. Голова Алисы безвольно опустилась вперед, руки повисли вдоль тела. Но на щеках ее играл румянец, и дыхание было нормальным.

Бартон трижды окликнул ее по имени, но она не просыпалась Он похлопал ее по щекам — сначал несильно, потом так, что на коже выступили красные пятна. Ее веки дрогнули, дыхание участилось, затем снова стало размеренным и сонным.

В дверях возникли фигуры Фригейта и Руаха.

— Мы заглянули в другие хижины, — взволнованно сказал Фригейт. — Они все спят! Я попытался кое-кого разбудить, но безрезультатно. Что это значит?

Опустив руки, Бартон медленно произнес:

— Как вы думаете, кто имеет подобное могущество — или необходимость — чтобы погрузить в сон тысячи человек? Спрюс! Спрюс и его раса — Те, кто сотворил этот мир!

— Но зачем? — голос Фригейта звучал испуганно.

— Они ищут меня! Должно быть, они пришли под покровом тумана и каким-то образом погрузили в сон целую область!

— Это несложно сделать с помощью снотворного газа, — заметил Руах. — Хотя народ,

обладающий такими знаниями, может иметь для подобной цели средства, которые мы не способны даже вообразить.

— Они ищут меня! — повторил Бартон.

— Если так, они могут вернуться сюда на следующую ночь, — подхватил Фригейт. — Но зачем вы им нужны?

Руах ответил вместо Бартона.

— Потому что он, насколько нам известно, единственный человек, пробудившийся на стадии, предшествующей воскрешению. Неизвестно, почему это произошло. Вероятно, случилось нечто непредвиденное, что и для них осталось тайной. Я склонен предположить, что они, обсудив ситуацию, наконец, решили наведаться сюда и забрать Бартона. Может быть, для исследований — или с какой-нибудь более зловещей целью.

— Вероятно, они хотят стереть в моей памяти все, что я видел в той камере, заполненной плавающими телами, — предположил Бартон. — Их наука позволяет, по-видимому, делать такие вещи.

— Но вы уже многим рассказывали свою историю, — возразил Фригейт. — Невозможно найти всех, кто выслушал ее, и очистить их память.

— Есть ли такая необходимость? Многие ли

поверили моей сказке? Иногда я сам сомневаюсь, что видел это.

— Сейчас не время строить предположения, — прервал его Руах. — Что мы будем делать?

Внезапно раздался вскрик: «Ричард!» — и когда они повернулись, Алиса уже сидела на своем ложе и смотрела на них широко открытыми глазами.

Они потратили несколько минут, пытаясь объяснить ей, что произошло. Наконец, Алиса сказала:

— Вот почему туман покрыл землю! Мне показалось странным, что он сгустился над равниной, раньше такого не было. Но я, конечно, не представляла, кому и зачем это нужно!

— Забирайте свои чаши, — решительно произнес Бартон. — Сложите в мешки все, что считаете нужным взять с собой. Мы уходим немедленно. Я хочу убраться отсюда раньше, чем люди начнут просыпаться.

Глаза Алисы раскрылись еще шире.

— Но куда же мы пойдем, Дик?

— Куда угодно! Я не привык убегать от опасности, но оставаться здесь и бороться с Ними — или прятаться от Них — бессмысленно. Я скажу вам, что собираюсь делать. Я намерен найти истоки

Реки. Она должна вытекать откуда-то и куда-то впадать; и возможно, человек способен добраться до ее истоков. Если туда ведет какой-нибудь путь, я найду его — клянусь своей бессмертной душой!

Бартон поднял вверх сжатые кулаки, словно грозил небесам. Потом резко выдохнул и продолжал:

— Пусть Они ищут меня повсюду в огромной долине — это не страшно. Если до сих пор меня не смогли обнаружить здесь, значит у них нет средств, чтобы быстро определять местонахождение любого человека. Они заклеймили нас, как скотину, — он коснулся невидимой отметки на своем лбу, — но даже среди стада коров встречаются бунтари и бродяги! К тому же, мы — не просто скот; мы одарены разумом!

Он обвел взглядом друзей, стоявших вокруг.

— Я буду счастлив — нет, больше, чем счастлив — горд, если вы пойдете за мной.

— Разбужу Моната, — ск'зал Казз, поворачиваясь к выходу. — Ему не понравится, если мы покинем его здесь.

Тень грусти легла на лицо Бартона. Он положил ладонь на плечо неандертальца и произнес, покачав головой:

— Монат, старина Монат! Не хотелось бы посту-

пать с ним так, но ничего нельзя изменить. Он не может идти с нами — он слишком заметен. Их агентам будет нетрудно найти существо, которое выглядит так необычно. Мне очень жаль, его придется оставить здесь.

Слезы выступили на глазах Казза, затем, миновав выступающие холмы скул, побежали по щекам. Прерывающимся голосом он сказал:

— Бартон-нак, значит, я также не могу идти с тобой. Я тоже выгляжу... как ты говоришь... необычно.

Бартон почувствовал, что веки его стали влажными. Он колебался, потом решительно сжал плечо Казза.

— Мы все-таки рискнем. Твой род жил на Земле, где-то здесь обитает множество твоих соплеменников, и часть из них рассеяна по всей долине. Мы видели не менее тридцати за время наших странствий.

— Но не было ни одной женщины, Бартон-нак, — печально промолвил Казз. Затем он улыбнулся. — Может быть, мы найдем одну, когда снова поплывем по Реке!

Вдруг улыбка его исчезла — так же быстро, как появилась. Он грустно покачал головой.

— Нет, я не могу плыть! Я не могу бросить Мо-

ната! Он и я... другим мы кажемся уродливыми... чужими. Наверно, поэтому мы стали друзьями. Он — не мой нак, не мой побратим и вождь, но он — следующий после тебя. Я остаюсь.

Он шагнул к Бартону и так сжал его в объятиях, что тот едва мог вздохнуть, потом отпустил, пожал руки остальным, едва не сломав пальцы, повернулся и побрел прочь.

Руах, растирая онемевшую ладонь, с сомнением поглядел на Бартона.

— Боюсь, Ричард, ваш план нереален. Разве вы не понимаете, что можно плыть по Реке тысячу лет — и до ее конца все еще останется миллион миль? Я остаюсь. Я нужен моему народу. И, кроме того, вспомните — Спрюс дал ясно понять, что мы должны стремиться к духовному совершенству, а не к борьбе с теми, кто дал нам шанс его достигнуть.

Белые зубы Бартона сверкнули на смуглом лице. Он поднял к небу свою чашу, словно боевую палицу.

— Я не просил помещать меня сюда — как не настаивал на том, чтобы родиться именно на Земле. И я не собираюсь безропотно подчиняться чужой воле! Я — свободен, и я — человек! Пусть мне не удастся отыскать истоки этой Реки; но я

узнаю так много нового во время пути!

Зевая и потирая глаза, люди начали выходить из своих хижин. Руах не смотрел на них; он ловил взглядом бамбуковое суденышко, над которым внезапно взвился парус, погнавший его против ветра поперек Реки. Бартон сидел у руля. Он повернулся, поглядел на берег, поднял свою чашу и помахал ею. Лучи солнца заиграли на полированной поверхности, словно посылая оставшимся прощальный салют.

Руах подумал, что Бартон действительно почувствовал себя счастливым, когда обстоятельства заставили его снова двинуться в путь. Теперь он мог избежать ответственности, что легла на правительство этого маленького государства, он был свободен и волен делать все, что угодно. И он выбрал дорогу, которая ведет к величайшему приключению в его жизни.

«Я полагаю, что это к лучшему», — пробормотал Руах про себя. — «Человек может обрести спасение в пути точно так же, как и сидя дома — если он стремится к спасению. Все зависит от самого человека. А тем временем я, подобно персонажу Вольтера — как было его имя?... земные знания начинают ускользать от меня — буду возделывать мой маленький садик».

Он снова посмотрел на лодку, и запоздалое сожаление шевельнулось у него в душе.

— Кто знает? — прошептал он. — Может быть, когда-нибудь они встретятся с Вольтером...

Он вздохнул, потом улыбнулся:

— Но, с другой стороны, Вольтер может однажды оказаться здесь, рядом со мной!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я ненавижу тебя, Герман Геринг!

Голос то подымался до крика, то угасал до шепота, словно его сон, подобно зубчатому колесу, сцеплялся со сном-шестеренкой другого человека и проворачивался по нему, пока неведомая сила не разъединяла части механизма.

Ричард Бартон, захваченный потоком гипнотических видений, сознавал, что находится во сне; но он ничего не мог с собой поделать.

Его первый сон вернулся.

Все вокруг было туманным, расплывчатым. Вспыхнула молния — и он увидел, что находится в необъятном пространстве, заполненном плавающими телами; другая вспышка — безымянные Стражи в летающей лодке находят его и снова погружают в сон; затем последовали обрывки сна, что привиделся ему перед Воскрешением на берегу Реки.

Бог — величественный патриарх, одетый, как джентльмен викторианской эпохи, снова тыкал концом стальной трости в его ребра и заявлял, что он, Бартон, задолжал ему за плоть.

— Что? Какая плоть? — простонал Бартон, смут-

но сознавая, что бормочет во сне.

— Плати! — приказывает Бог; лицо его расплывается, затем в нем, как в зеркале, проступают черты самого Бартона. В том первом сне, пять лет назад, Бог не ответил на его вопрос; теперь же он говорит: — Сделай подаренную тебе жизнь достойной потраченного мною времени, ты, глупец! Я понес большие расходы и приложил огромные усилия, чтобы дать тебе и всем другим несчастным, этим не стоящим ломаного гроша ничтожествам, второй шанс!

— Второй шанс — для чего? — спросил Бартон. Он почувствовал страх, что Бог может ответить. И он ощутил огромное облегчение, когда Бог и Вседержитель — только теперь Бартон заметил, что один глаз Яхве-Одина исчез и из пустой глазницы источается адское пламя — не дал ответа. Он начал расплываться, таять — нет, не таять, а трансформироваться в высокую серую башню, цилиндрическая вершина которой вырастала из белесого тумана. У ее подножья ревели и бились морские волны, скрытые клубами облаков.

Чаша! Он вновь увидел лицо человека, который рассказал ему о Великой Чаше. Эту историю рассказчик слышал от женщины, которая услышала ее от... и так далее. История о Великой Чаше

была одной из легенд, известных миллиардам людей, обитавших на берегах Реки — нескончаемого водного потока, извивавшегося, подобно змее, вокруг этой планеты от полюса до полюса, вытекавшего из неведомой бездны и впадавшего в недоступную пропасть.

Человек — или, вернее, прачеловек, обитавший на Земле миллионы лет назад — сумел пробраться через горы к северному полюсу. И он видел Большую Чашу, Темную Башню, Туманный Замок — перед тем, как споткнулся и упал в воду. Может быть, его толкнули. Он рухнул в холодные морские волны, скрытые туманом, и умер. А затем этот человек — или прачеловек — пробудился снова где-то на берегу Реки. Смерть не властвовала здесь — хотя расставание с жизнью было по-прежнему мучительным.

Он рассказал о том, что видел. И эта история начала путешествовать по речной долине быстрее, чем гонимое ветром парусное судно.

И теперь Ричард Френсис Бартон, вечный пилигрим и скиталец, мечтал взять штурмом горные бастионы, окружающие Большую Чашу. Тогда он раскроет тайну воскрешения и тайну планеты, потому что, по его убеждению, Те, Кто создал этот мир, были также и строителями башни среди

полярного моря.

— Умри, Генрих Геринг! Сдохни и оставь меня в покое! — крик звенел в его голове.

Он раскрыл глаза. Бледное сияние бесчисленных звезд позволяло различить неясные очертания окна хижины. Потом он увидел темные контуры фигур Питера Фригейта и Логу, спавших у противоположной стены. Он повернул голову, скользнув взглядом по тяжелому покрывалу, под которым спала Алиса. Ее смутно белевшее в темноте лицо было обращено к нему; темная волна волос распласталась на циновке.

Этим вечером одномачтовая лодка, в которой он плыл вместе с тремя спутниками, причалила к дружелюбным берегам. Маленькое государство Севьерия населяли, в основном, англичане шестнадцатого века, хотя возглавлял его американец, который жил на Земле в конце восемнадцатого—начале девятнадцатого столетия. Джон Севьер, основатель «потерянного штата» Франклин, который позже стал называться Тенесси, приветствовал Бартона и его крошечный отряд.

Севьер и его люди не признавали рабства и не задерживали гостей дольше, чем тем хотелось. Позволив путешественникам зарядить свои чаши и передохнуть, Севьер пригласил их на

пирушку, которой отмечалась очередная годовщина Дня Воскрешения; затем он проводил их в хижину для гостей.

Обычно Бартон засыпал легко, но на сей раз сон не шел к нему. Ровное дыхание его спутников уже давно наполняло хижину, когда усталость, наконец, взяла свое. После тяжелого, бесконечного забытья, он пробудился от звуков голоса, казавшегося продолжением его снов.

«Герман Геринг», — подумал Бартон. Он убил Геринга, но Геринг должен снова восстать к жизни. Тот человек, который кричал и стонал в соседней хижине, тоже, может быть, пострадал от жестокости Геринга — на Земле или здесь, в долине Реки.

Бартон отбросил покрывало и поднялся, быстро и бесшумно. Он защелкнул магнитные кнопки кильта, застегнул пояс из человеческой кожи и проверил, на месте ли кремневый кинжал. Прихватив ассегай, короткое тяжелое копье с каменным наконечником, он вышел из хижины.

С ночного небосклона падал свет огромных многоцветных звезд и облаков космического газа, не менее яркий, чем на Земле в полнолуние. Хижины для гостей, удаленные на полторы мили от речного берега, стояли на склонах холмистой

гряды, окаймлявшей равнину. Их было семь — бамбуковые строения с кровлями из листьев железного дерева, не поделенные внутри на комнаты. В отдалении, под кронами огромных дубов и сосен, темнели очертания других хижин. На расстоянии полумили находилась бревенчатая изгородь, охватывающая кольцом вершину одного из холмов; там, в «Круглом Доме», обитали должностные лица Севьерии.

Высокие бамбуковые башни шли вдоль берега Реки через каждые восемьсот ярдов. На смотровых площадках всю ночь пылали факелы и несли наблюдение часовые, готовые поднять тревогу в случае неожиданного нападения.

Скрываясь в тени деревьев, Бартон осторожно приблизился к хижине, из которой доносились стоны и всхлипывания. Он отодвинул в сторону плетеный из травы занавес. Свет звезд через открытое окно упал на лицо спящего. Бартон присвистнул от изумления. Он узнал это широкоскулое молодое лицо в обрамлении светлых волос!

Бартон медленно двинулся к нему. Спящий застонал, вскинул руку, словно прикрывая глаза от света, и повернулся к стене. Бартон замер, потом осторожно шагнул вперед. Он положил копье на

землю, вытащил кинжал и слегка прикоснулся его заточенным концом к ямке под горлом юноши. Рука соскользнула с широкого лица; глаза широко раскрылись, уставившись на Бартона. Тот положил ладонь на губы юноши и крепко сжал пальцы.

— Герман Геринг! Не двигайтесь и не пытайтесь кричать! Иначе я убью вас!

Бледно-голубые глаза Геринга казались темными в полумраке, но Бартон заметил, что лицо немца побелело от ужаса. Он вздрогнул и попытался сесть, затем снова упал на спину, когда конец кинжала проколол кожу.

— Сколько времени вы тут находитесь? — тихо спросил Бартон.

— Кто...? — Геринг заговорил по-английски, затем его глаза расширились. — Ричард Бартон? Я сплю? Это вы?

Бартон ощущал запах Жвачки, шедший изо рта Геринга, смешанный с вонью от пропитанной потом цыновки, на которой лежал немец. Геринг изрядно похудел с тех пор, как они виделись последний раз.

— Я не знаю, сколько пробыл здесь, — сказал Геринг.— Который сейчас час?

— Скоро рассвет, я полагаю. Первый день после

праздника Воскрешения.

— Значит, я тут уже три дня. Могу я выпить воды? У меня в горле сухо, как в саргофаге.

— Неудивительно. Вы сами погребаете себя в саргофаге, злоупотребляя Жвачкой.

Бартон встал, подобрал копье и указал им на сосуд из обожженной глины, стоявший на бамбуковом столике.

— Можете напиться, если хотите. Но не пытайтесь выкинуть какой-нибудь фокус.

Геринг медленно поднялся и проковылял к столу.

— Я слишком слаб, чтобы оказать вам сопротивление — даже если бы это взбрело мне в голову. — Он шумно глотал воду, потом поставил горшок на место и взял со стола яблоко, с хрустом откусил и произнес: — Что вы здесь делаете? Я думал, что избавился от вас.

— Вначале вы ответите на мой вопрос, — резко сказал Бартон. — И я не советую вам медлить. Из-за вас я попал в затруднительное положение — что мне, поверьте, совсем не нравится.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Геринг начал жевать, остановился, взглянул на Бартона и с удивлением сказал:

— Но при чем тут я? У меня тут нет никакой власти, я ничем не могу повредить вам, даже если бы захотел. Я только гость здесь. Чертовски порядочные люди в этих краях: они мне совершенно не докучают, только иногда справляются, все ли у меня в порядке. Хотя я не знаю, как долго они позволят мне тут оставаться, если я не буду отрабатывать свое содержание.

— Вы что, совсем не выходите из хижины? — удивился Бартон. — Кто же тогда заряжает вашу чашу? И откуда у вас столько Жвачки?

Геринг хитровато улыбнулся.

— Я прихватил с собой солидный запас... когда был вынужден съехать с последней квартиры... примерно в тысяче миль отсюда вверх по Реке.

— И запасы, конечно, отняты у несчастных рабов, — со злостью прокомментировал Бартон. — Не понимаю, зачем вам надо было покидать то место, если там вы смогли так отлично устроиться.

Внезапно Геринг зарыдал. Его плечи затряс-

лись, из глаз покатились слезы, стекая по подбородку на шею и грудь.

Мне... мне пришлось бежать оттуда. Я потерял авторитет — слишком много выпивки, слишком много марихуаны и Жвачки... Я ослабел духом... и стал им ненужен... Они бы убили меня или продали в рабство. Я взял лодку и ускользнул однажды ночью... и плыл, плыл, пока не попал сюда. Я предложил часть моих запасов Севьеру... за то, что он предоставил мне убежище на две недели.

Бартон с удивлением воззрился на немца.

— Но вы же знаете, что происходит, если употреблять Жвачку слишком часто, — сказал он. — Кошмары, галлюцинации, ужасные

видения... Деградация — умственная и физическая. Разве вы никогда не видели этих симптомов у других?

— У меня тяга к наркотикам! — с отчаянием закричал Геринг. — Там, на Земле, я принимал морфий. Я боролся — и мне удалось победить свое пристрастие. Но потом, когда дела Третьего Рейха пошли плохо, а мои собственные — еще хуже, я снова начал колоться. — Он перевел дыхание и продолжал: — Но здесь, когда я пробудился к новой жизни в юном теле, когда, казалось, мне подарены вечная жизнь и молодость — и нет ни

бога на небесах, ни дьявола в аду, чтобы остановить меня, — тогда я решил, что могу делать все, что мне нравится. Я мог бы стать более великим, чем фюрер! Та маленькая страна, в которой мы встретились впервые, могла стать началом! Я уже видел перед собой Империю, простирающуюся на тысячи миль вверх и вниз по Реке по обоим ее берегам! Я правил бы народами, в десять раз более многочисленными, чем Гитлер мог бы мечтать!

Он снова начал рыдать, затем затих и жадно припал к сосуду с водой. Достав откуда-то кусок Жвачки, он сунул ее в рот; его челюсти задвигались, и вскоре по лицу разлилось выражение спокойствия и блаженства. Удовлетворенно кивнув головой, он сказал:

— Меня преследовали кошмары; сотни раз я видел и чувствовал, как копье протыкает мой живот. Когда я пробуждался, живот болел так, словно кремневый наконечник действительно сидел у меня в кишках. Тогда я стал прибегать к Жвачке; она снимала боль и воспоминания об испытанном унижении. Это помогало. Я становился великим. Я был повелителем мира — Гитлером, Наполеоном, Юлием Цезарем, Александром Македонским, Чингисханом в одном лице. Я снова водил в бой эскадрилью «Красная Смерть», эскад-

рилью фон Ритгофена; то были счастливые дни, пожалуй, лучшие в моей жизни. Но эйфория скоро сменилась отвращением. Я погружался в ад; я обвинял самого себя, а за моей спиной стояли миллионы безымянных свидетелей, миллионы жертв этого великого и славного героя, этого жуткого безумца Гитлера, которого я когда-то боготворил — и во имя которого я совершил так много преступлений.

— Вы признаете, что были преступником? — язвительно спросил Бартон. — Значительный прогресс по сравнению с историями, что вы рассказывали мне раньше. Тогда вы утверждали, что ни в чем не виноваты, что вас предали... — он замолчал, сообразив, что начинает отступать от своей первоначальной цели. — Невероятно, но у вас, кажется, пробудилась совесть. Может быть, под влиянием Жвачки? Тогда понятно, зачем в чашах вместе с пищей появляются табак, спиртное, марихуана и этот наркотик. Значит, Жвачка — данайский дар, замаскированная западня для тех, у кого нечистая совесть.

Он шагнул к Герингу. Глаза немца были полуприкрыты, челюсть отвисла.

— Вы знаете мое настоящее имя. Сейчас у меня есть основания скрывать его. Помните ли вы

Спрюса, одного из ваших рабов? После того, как вы были убиты, произошли важные события. Благодаря чистой случайности, нам удалось установить, что Спрюс —один из Тех... один из той расы, что воскресила человечество. Мы назвали их этиками — за неимением лучших предложений... Геринг! Вы слышите меня?

Немец кивнул головой, расслабленно, нехотя.

— Спрюс покончил с собой раньше, чем мы выжали из него все нужные сведения. Через несколько месяцев Они появились в той местности и погрузили всех в беспробудный сон — вероятно, с помощью какого-то газа. Они искали меня — наверно, чтобы забрать в свой центр для исследований... Но они промахнулись. В то время я путешествовал по Реке... а когда вернулся и понял, что нужен им, ударился в бега... Геринг, вы слушаете?

Геринг мерно засопел, голова его свесилась на грудь. Бартон несколько раз сильно шлепнул его по щекам. Геринг простонал — «Ох!» — поднял голову и открыл глаза. На лице немца застыла страдальческая гримаса.

— Я слышу вас! — пробормотал он. — Все ... пустяки... суета... Все суета, все... вот если бы уплыть куда-то... уплыть... плавно покачиваясь...

— Заткнитесь и слушайте! — Бартон чувствовал, как гнев закипает в нем. — Слушайте! У этиков повсюду свои люди, и они ищут меня. Я не могу оставить вас в живых, вы понимаете это? Я не могу доверять вам. Даже если бы вы были моим другом, я не сделал бы такой глупости! Вы стали рабом Жвачки!

Геринг хихикнул, шагнул к Бартону и обвил руками его шею. Бартон оттолкнул его с такой силой, что немец отлетел к стене и еле удержался на ногах, ухватившись за край стола.

— Удивительно, — произнес Геринг неожиданно ясным голосом; казалось, он пришел в себя. — В тот день, когда я прибыл сюда, какой-то человек расспрашивал меня о вас. Он подробно описал вашу внешность, он знал ваше имя. Я ответил, что хорошо вас знаю — даже слишком хорошо — и надеюсь никогда больше не увидеть снова. Он просил известить его, если я вас встречу. Он даже обещал вознаградить меня за труды.

Бартон не стал тратить времени даром. Он бросился к Герингу и схватил его обеими руками. Его ладони были небольшими и изящными, но Геринг сморщился от боли.

— Что вы хотите сделать? — простонал он. — Собираетесь опять убить меня?

— Я не трону вас — если вы скажете имя человека, который так интересовался мной. Иначе...

— Ну, действуйте! Убейте меня! — хрипел немец. — Что с того? Я проснусь снова, где-то в другом месте, в тысячах миль отсюда, там, где вы не достанете меня...

Бартон указал на ящик из бамбуковых планок, стоявший в углу хижины. Предполагая, что Геринг хранит в нем запас наркотика, он резко произнес:

— Да, но вы проснетесь без него! Где еще вы достанете столько Жвачки?

— Идите к дьяволу! — завопил Геринг, пытаясь вырваться и схватить ящик со своим сокровищем.

— Имя! Скажите мне его имя, или я швырну эту дрянь в Реку!

— Эгни! Роджер Эгни! Он живет в хижине под оградой Круглого Дома!

— Я разберусь с вами потом, — сказал Бартон и сильно ударил немца по шее ребром ладони.

Он повернулся к выходу из хижины, внезапно уловив там какое-то движение. Серая тень, согнувшаяся у дверного проема, метнулась прочь. Бартон бросился за ним; через минуту они петляли среди высоких дубов и сосен на склонах

холмов. Здесь было темно, и преследуемому удалось скрыться среди высокой травы и зарослей кустарника.

Бартон перешел на легкую рысцу, осматриваясь по сторонам и пытаясь обнаружить белое пятно — отблеск звездного света на лице или обнаженной коже человека. Он надеялся, что этик не покончит с собой немедленно, так как разработал целый план для извлечения информации из чужака. Бартон собирался пустить в ход свои способности гипнотизера, но, прежде всего, следовало поймать этика. Агент мог иметь какой-то способ для быстрой связи с соплеменниками; возможно, уже сейчас он говорил с ними — где бы они ни находились. Если так, скоро они появятся здесь на своих летающих машинах и тогда его, Бартона, дела будут плохи.

Он остановился. Он потерял след своей добычи и все, что ему теперь оставалось — быстро поднять Алису и остальных — и бежать. Пожалуй, они успеют добраться до гор и спрятаться там на некоторое время.

Но сначала он должен осмотреть хижину Эгни. Конечно, вероятность застать его там была невелика, но не мешало в этом точно убедиться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Бартон добрался до хижины вовремя; в свете звезд мелькнула спина человека, входящего внутрь. Бартон обошел хижину по широкому кругу и стал приближаться к ней со стороны заросших деревьями холмов, на фоне темных очертаний которых его фигура была не так заметна. Согнувшись, он осторожно, но быстро бежал вперед, пока не оказался у входа в хижину.

Внезапно до него донесся громкий вопль; обернувшись, он увидел Геринга, ковылявшего по склону холма. Геринг закричал снова, предупреждая Эгни, что Бартон поджидает его снаружи. В руках немец держал длинное копье, собираясь метнуть его в Бартона.

Бартон всем телом ударил в тонкую бамбуковую дверь хижины; она сорвалась с деревянных петель и рухнула на Эгни, который стоял за ней. Эгни, дверь и Бартон повалились на пол хижины, причем этик оказался в самом низу.

Бартон перекатился на бок, вскочил и прыгнул на дверь, ударив обеими ногами по бамбуковым планкам. Эгни дико вскрикнул и затих. Отшвырнув дверь в сторону, Бартон обнаружил, что его

добыча валяется на земле в бессознательном состоянии; из носа Эгни текла кровь. Отлично! Теперь он сможет привести в исполнение свой план — если сумеет быстро и без шума разделаться с Герингом.

Он обернулся вовремя — звездный свет блеснул на полированном наконечнике копья, которое летело прямо в него. Он бросился в сторону, и копье с глухим звуком воткнулось в пол хижины. Его древко покачивалось, как тело гремучей змеи, изготовившейся к прыжку.

Бартон шагнул к дверному проему. Темная фигура Геринга маячила перед ним, подсвеченная лившимся с неба звездным сиянием. Прикинув расстояние, Бартон метнул свой ассегай. Копье попало в живот немца; он взмахнул руками, вскрикнул и осел на землю. Бартон взвалил на плечо обмякшее тело Эгни и вышел из хижины.

Со стороны Круглого Дома доносился гул встревоженных людских голосов. Загорались факелы, что-то кричал часовой на ближайшей сторожевой вышке. Геринг сидел на земле — скорчившись, сжимая древко обеими руками. Он посмотрел на Бартона. Из широко раскрытого рта вместе с натужным дыханием, вырвались слова:

— Вы... вы опять сделали это! Вы...

Он медленно повалился на бок, предсмертный хрип вырвался из его горла.

Эгни неожиданно пришел в себя. Выскользнув из захвата Бартона, он упал на землю, вскочил и бросился бежать. В отличие от Геринга, этик старался не шуметь; у него имелось не меньше причин, чем у Бартона, чтобы сохранять тишину — даже, возможно, больше. Бартон был так ошеломлен, что остался стоять, сжимая в руках набедренную повязку, из которой выскользнул его пленник. Он хотел уже отшвырнуть кусок ткани, когда почувствовал что-то твердое, скрытое в ее складках. Он переложил повязку в левую руку, выдернул ассегай из тела Геринга и бросился за этиком.

Эгни метнулся к одному из бамбуковых каноэ, причаленных к берегу. Он начал отчаянно грести, то и дело оглядываясь назад; лодка быстро скользила по залитым светом водам. Бартон поднял ассегай и с силой метнул его. Короткое копье, с толстым древком и тяжелым наконечником, предназначалось не для метания, а для рукопашнго боя. Тем не менее его стремительный полет закончился под лопаткой Эгни. Этик упал лицом вперед, навалившись телом на борт пироги. Утлое суденышко накренилось, зачерп-

нуло воду и перевернулось. Тело Эгни исчезло в глубине.

Бартон чертыхнулся. Он собирался захватить Эгни живым — но будь он проклят, если позволит этику сбежать! Пока еще оставался шанс, что Эгни не успел связаться со своим центром.

Он повернул обратно, к хижинам для гостей. Барабаны гремели вверх и вниз по Реке, люди с пылающими факелами в руках стекались к стенам Круглого Дома. Бартон попросил факел у какой-то женщины; она протянула ему пропитанную смолой палку и спросила, что случилось. Бартон ответил, что, по-видимому, живущие за Рекой команчи решили совершить набег. Женщина заторопилась к отряду, собиравшемуся около ограды Круглого Дома.

Бартон воткнул факел в мягкий прибрежный песок и осмотрел полосу ткани, которую Эгни оставил в его руках. На внутренней стороне, незаметная на темном материале подкладки, была прорезь; ее окаймляла магнитная застежка, которая легко разошлась под его нетерпеливыми пальцами. Он достал предмет, скрытый за подкладкой, и начал рассматривать его при свете факела.

Он долго сидел на корточках, освещенный пля-

шущими языками пламени, не в силах отвести взгляд или выйти из состояния почти парализовавшего его изумления. Фотография! В этом мире, лишенном фотокамер, она поражала воображение. Но его собственная фотография была еще более поразительным фактом; ведь ее сделали не на этой планете! Его сняли на Земле — на той Земле, что затерялась теперь в звездном потоке, сиявшем наверху; и это было бог знает сколько сотен или тысяч лет назад!

Невозможность громоздилась на невероятность! Его сфотографировали в такое время и в таком месте, где, как он твердо знал, не могло быть никакой фотокамеры. Усы были удалены с его лица, но неведомый ретушер не потрудился убрать фон или изменить одежду. Это был он — снятый по пояс и чудесным образом заключенный в плоскую пластину из какого-то неизвестного материала. В плоскую? Когда он повернул эту фотографию, то увидел свое изображение в профиль. Если он держал ее прямо перед глазами, его лицо было видно в анфас.

«В 1848 году», — прошептал он про себя, — «Когда я был двадцатилетним субалтерном Ост-Индской армии. Вот — голубой хребет Гоа. Снимок сделан, должно быть, когда я отдыхал

там. Но как, бог мой? Кем? И откуда этикам удалось раздобыть эту фотографию? »

Эгни, по-видимому, носил снимок с собой, чтобы опознать Бартона. Скорее всего, каждый, кто охотится за ним, прячет такой же в потайном кармашке своего кильта. Вверх и вниз по Реке ведутся поиски; Их агентов — тысячи, может быть, десятки тысяч. Кто знает, сколько у Них людей и как настойчиво Они его разыскивают и почему Они так жаждут его заполучить?

Сунув снимок обратно в карман, он повернулся и направился к своей хижине. В это мгновение взгляд его скользнул по вершинам гор — этих неприступных высот, сжимавших с обеих сторон речную долину. Он увидел, как что-то мелькнуло на фоне ярко светящихся облаков космического газа. Оно появилось только на миг, равный взмаху ресниц — и опять исчезло.

Через несколько секунд это возникло снова — темный полусферический объект, словно вынырнувший из пустоты и канувший в ничто. Второй летательный аппарат показался в вышине, стремительно ринулся вниз и так же быстро, как первый, растворился в ночном полумраке.

Его уже ищут. Этики заберут его в Туманный

Замок, которого он так стремился достичь, а обитатели Севьерии будут потом удивляться, что заставило их внезапно заснуть на час-другой.

У него нет времени, чтобы вернуться в хижину и разбудить остальных. Если он протянет время, то окажется в западне.

Бартон повернул к Реке, бросился в воду и поплыл к другому берегу, скрытому в сумраке ночи в полутора милях впереди. Но он не успел удалиться и на сорок ярдов, как ощутил, что над ним нависло огромное, массивное тело. Он перевернулся на спину и уставился вверх. Сначала он увидел только мягкий блеск звезд, усеивающих небосклон. Затем в воздухе, в пятидесяти футах над поверхностью воды, появилось нечто — дисковидная тень диаметром футов шестьдесят, закрывшая участок звездного неба. Она мелькнула, исчезла и появилась снова — всего лишь в двадцати футах над его головой.

Итак, у Них есть средства, чтобы видеть ночью на большом расстоянии и находить во время полета нужные им объекты.

Он приподнял голову из воды и ощутил на лице движение воздуха. Аппарат снижался.

— Вы, шакалы! — крикнул он, грозя кулаком. — Вы меня не получите! Никогда!

Он нырнул и резко пошел в глубину. Вода стала холоднее, барабанные перепонки пронзила острая боль. Его глаза были открыты, но он не видел ничего. Внезапно вода словно толкнула его в спину, и он понял, что этот перепад давления вызван огромным телом, погрузившимся в Реку.

Воздушный аппарат следовал за ним по пятам!

Теперь у него оставался лишь один выход. Пусть Им достанется его мертвое тело — и ничего больше! Он может снова ускользнуть от Них и очнуться где-то на берегах Реки, перехитрить Их, нанести свой ответный удар!

Он открыл рот и глубоко вдохнул воду.

Железный обруч перехватил его горло. Только огромным усилием воли он удержался от того, чтобы вновь не сомкнуть губы... не сопротивляться леденящему прикосновению смерти... Разумом он понимал, что будет жив снова, но клетки его тела не знали этого, не хотели знать. В этот последний момент они цеплялись за жизнь со всей силой древнего инстинкта; сейчас для них не существовало будущего. И они исторгали из его горла, сжатого тисками удушья, вопль отчаяния.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Йаааааххх!

Крик поднял его с травы, словно подброшенного трамплином. Сейчас, в отличие от своего первого пробуждения, он не ощущал ни слабости, ни замешательства; он знал, чего ожидать. Он должен воскреснуть на травянистом берегу Реки, около грейл-стоуна. Так и произошло; но он не был готов к тому, что окажется прямо в толчее битвы — битвы, которую вели гиганты.

Его первым побуждением было найти оружие. Рядом с ним находилась только чаша, что неизменно сопутствовала каждому воскрешению, да стопка разноцветных покрывал. Он сделал один шаг и замер в ожидании, крепко сжимая ручку чаши. Если потребуется, он сможет использовать ее в качестве оружия. Чаша была легкой, но твердой; прочность ее превосходила всякое воображение.

Бартон огляделся. Похоже, эти чудовищные создания способны махать дубинами весь день без устали.

Большинство из них было, как минимум, восьмифутового роста, некоторые достигали девяти;

ширина их массивных плеч, покрытых буграми мышц, составляла не меньше ярда. Тела великанов походили на человеческие, их белую кожу покрывала растительность — рыжеватая или бурая. Они не казались такими мохнатыми, как гориллы или шимпанзе, но волос на теле у них было гораздо больше, чем у любого из людей, которых когда-либо видел Бартон, а ему приходилось лицезреть некоторые экземпляры рода Гомо Сапиенс, поистине замечательные в данном отношении.

Но лица их выглядели непохожими на человеческие, искаженные напряжением борьбы, они напоминали оскаленные морды рычащих от ярости зверей. Низкие лбы переходили в мощные выступы надбровной кости, нависавшей подобно козырьку над глазами и сливавшейся с выпирающими вперед скулами. Хотя глаза не уступали размером человеческим, они, окруженные почти замкнутым в форме буквы «О» костяным выступом, казались крошечными на широких лицах. Невообразимой величины носы гигантов делали их похожими на собакоголовых обезьян.

При других обстоятельствах эти существа, несомненно восхитили бы и заинтересовали Бартона. Но не теперь. Утробный рев, исходивший из

грудных клеток гориллоподобных размеров, напоминал львиный рык; чудовищные зубы были такой длины, что кадьякский медведь дважды подумал бы, прежде чем связываться с такой добычей. В кулаках, не уступавших по величине голове Бартона, они сжимали каменные топоры и дубины, подобные длинным и толстым оглоблям. Они размахивали своим оружием, и каждый удар по телу противника сопровождался треском ломающихся костей — словно раскалывалась дубовая колода. Иногда, правда, от удара ломалась дубина.

У Бартона было только одно мгновение, чтобы оглядеться по сторонам. Солнечный диск тут лишь наполовину поднимался над зубцами горных вершин на противоположном берегу Реки, тускло освещая местность. Воздух был гораздо холоднее, чем в любом другом месте долины — кроме, пожалуй, самых высоких предгорий, куда Бартону удавалось забираться в своих безуспешных попытках достигнуть вершины скалистого хребта. Он попытался прикинуть угол подъема солнца, но тут...

Один из победителей, только что уложивший врага ударом топора, огляделся вокруг в поисках нового противника — и увидел Бартона.

Глаза гиганта расширились. Какое-то время он казался удивленным или обескураженным; вероятно, ему никогда раньше не попадались подобные существа. Если это и было так, то удивление его длилось недолго. Гигант взревел, перепрыгнул через тело своего поверженного врага и бросился к Бартону, размахивая топором, которым можно было уложить слона.

Крепко сжав ручку чаши, Бартон пустился бежать. Потеря серого цилиндра тоже означала смерть. Без чаши он либо погибнет от истощения, либо будет вести полуголодное существование, перебиваясь рыбой и побегами бамбука.

Ему почти удалось уйти. Он стремительно проскользнул в щель между телами двух гигантов, вцепившихся друг другу в плечи; каждый из них старался бросить противника наземь. Он увернулся от израненного великана, отступавшего под градом яростных ударов палицы врага. Он уже ринулся к открытому пространству равнины — но тут оба борца свалились почти прямо на него.

Он реагировал достаточно быстро и успел выскользнуть из-под падающих тел, но рука одного из гигантов задела его левую щиколотку. Удар был так силен, что вогнал ногу в землю; он

упал вперед, закричав от дикой боли. Его нога, очевидно, была сломана, мышцы и сухожилия — порваны.

Тем не менее Бартон попытался встать и добраться до Реки. Сделав это, он сможет уплыть — конечно, если не потеряет сознание от боли. Он успел дважды подпрыгнуть на правой ноге, когда огромная рука схватила его сзади.

Он взлетел в воздух, перевернулся и был пойман раньше, чем упал на землю.

Титан держал его на весу, вытянув во всю длину руки. Чудовищные, могучие пальцы сжимали грудь Бартона. Он не мог вдохнуть воздух, его ребра были вдавлены внутрь.

Несмотря на это, Бартон не бросил чашу. И теперь он начал колотить ею по плечу гиганта.

Легко, словно собирался прихлопнуть муху, колосс взмахнул топором; камень звякнул о металл, и серый цилиндр был выбит из рук Бартона.

Гигант оскалил зубы и согнул руку, чтобы поднести Бартона поближе. Бартон весил сто восемьдесят фунтов, но чудовищная рука даже не дрогнула.

На мгновение Бартон повис в воздухе, глядя прямо в бледноголубые глаза, утонувшие под надбровными дугами. Огромный нос, похожий

на хобот, пронизывали синеватые жилки вен. Губы выдавались вперед, словно подпертые мощными челюстями — но нет, не в этом дело, решил Бартон — просто губы были очень толстыми.

Затем титан взревел и поднял Бартона над головой, Бартон молотил кулаками по его огромной руке, сознавая всю бесполезность своих усилий; однако он не собирался умирать подобно изловленному и задушенному кролику. И хотя эта тщетная борьба почти полностью занимала его, он успел автоматически зафиксировать в памяти несколько деталей окружающего пейзажа.

Когда он очнулся, солнце только поднималось над пиками горного хребта. Хотя с тех пор, как он поднялся на ноги, прошло всего несколько минут, солнечный диск дожен был уже выйти из-за гор. Этого, однако, не произошло: солнце застыло в том же самом положении, в котором он первый раз увидел его.

Он заметил еще одну любопытную подробность. Местность слегка повышалась, что позволяло обозревать долину по крайней мере на четыре мили. Грейлстоун, у которого он находился, был последним. За ним тянулись только равнина и Река.

Это был конец — или начало обитаемой зоны.

У него не имелось ни времени, ни желания, чтобы осмыслить, что это значит. Он просто отметил это — пока боль, ярость и ужас продолжали терзать его тело. Внезапно, когда гигант уже приготовился разнести своим топором череп Бартона, он застыл и пронзительно вскрикнул. Его вопль показался Бартону похожим на свисток локомотива. Пальцы великана разжались, и Бартон упал на землю; затем он потерял сознание от жуткой боли.

Когда он пришел в себя, его грудь и нога горели как в огне. Сжав зубы, чтобы не завыть от боли, он попытался сесть; черные круги плавали перед его глазами, почти превратив день в ночь. Битва вокруг него продолжалась с прежним энтузиазмом, но он, похоже, оказался в зоне временного затишья. Радом с ним, подобный стволу вывороченного с корнями дерева, лежал труп гиганта, который собирался его убить. Затылок колосса, способный, казалось, выдержать удар парового молота, был разбит.

Около слоноподобного тела ползал на четвереньках еще один несчастный. Взглянув на него, Бартон на мгновение забыл о боли. Чудовищно израненный человек был Германом Герингом.

Они оба воскресли в одном и том же месте. У

Бартона не было времени подумать о причинах такого удивительного совпадения. Боль снова начала терзать его. Но сквозь окутавший мозг туман страдания он заметил, что Геринг пытается что-то сказать ему.

Казалось поразительным, что немец еще способен говорить; во всяком случае, для этого у него оставалось не слишком много времени. Кровь покрывала его тело, правый глаз был выбит, щека — разорвана от края рта до самого уха. Одну из его рук, очевидно, расплющили ударом топора; сломанное ребро, проткнув кожу, торчало наружу. Бартон не мог понять, как он еще оставался в живых и не потерял способности двигаться.

— Вы... вы... опять... — прохрипел Геринг по-немецки и медленно завалился на бок. Изо рта у него хлынул фонтан крови, заливая ноги Бартона; глаза остекленели.

О чем же он хотел сказать, мелькнуло в голове Бартона. В данный момент эта мысль не слишком его занимала; у него имелись более насущные проблемы, о которых стоило поразмышлять.

В десяти ярдах от него маячили мощные волосатые спины двух гигантов. Оба тяжело дышали; по-видимому, их поединок был прерван на минуту для отдыха. Потом один из них, шумно

выдохнув воздух, что-то сказал другому.

В этом не было сомнений. То, что крикнул великан, не походило на бессмысленный вопль разъяренного зверя. Он говорил, он обладал языком!

Конечно, Бартон не понял его слов, но он знал, что слышит речь разумного существа. И эти звуки не были порождением бреда — четкий, ясно различимый ответ второго гиганта разрешил все его сомнения.

Итак, они не являлись просто породой древних обезьян; это была одна из доисторических ветвей человеческой расы. По-видимому, они оставались неизвестными земной науке даже в начале двадцать первого столетия; Фригейт, его друг, как-то описал ему всех ископаемых гоминоидов, известных в 2008 году.

Бартон лежал, опираясь спиной о готические ребра павшего колосса, иногда смахивая с лица его длинные, рыжеватые, пропитанные потом волосы. Он боролся с тошнотой и болью, терзавшей его ногу и раздавленную грудь. Если он поднимет шум, то, наверное, привлечет внимание тех двоих и они, пожалуй, закончат работу... А если они не сделают этого? Какие Он имеет шансы, чтобы выжить со своими ранами в местности,

населенной подобными чудовищами?

Еще сильнее, чем адская боль, его мучила мысль, что с первой же попытки, при первом же путешествии на Экспрессе Самоубийства, он достиг своей цели.

Он оценивал шанс попасть сюда как один к десяти миллионам. И он может никогда не вернуться сюда снова, даже если утопится десять тысяч раз. Ему фантастически повезло. Вряд ли ему выпадет вторая такая возможность. А первую он потеряет — и очень скоро.

Верхняя половина солнечного диска медленно скользила по вершинам горной гряды за Рекой. Он предвидел, что это место существует — и он попал сюда с первого же раза! Зрение его стало ослабевать, боль уменьшилась, и он понял, что умирает. Причиной охватившей его слабости были не только сломанные ребра и щиколотка; очевидно, он получил внутреннее повреждение.

Он попытался приподняться. Он встанет — пусть только на одной ноге — погрозить кулаком насмешливо ухмыляющемуся року и проклянет его. Он умрет с проклятием на губах!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Алое крыло зари нежно коснулось его глаз.

Он поднялся на ноги, зная, что раны его исцелены, что к нему опять вернулось молодое и здоровое тело — хотя он еще не мог до конца в это поверить. Рядом с ним находились сложенные в плотную стопку разноцветные покрывала и его чаша.

В двенадцати футах от него из ярко-зеленой травы поднялся другой мужчина. По спине Бартона побежали мурашки. Эти светлые волосы, широкое лицо и голубые глаза принадлежали Герману Герингу.

Немец выглядел изумленным — не в меньшей степени, чем сам Бартон. Медленно, словно очнувшись от глубокого сна, он произнес:

— Что-то здесь не так.

— Да, действительно, странно, — ответил Бартон. О том, как воскрешенные повторно распределяются по долине, он знал не больше любого другого человека. Он даже никогда не видел самого акта воскрешения, хотя со слов свидетелей представлял его довольно подробно. На рассвете, как только солнце показывалось

над горными вершинами, в воздухе около грейлстоуна возникало мерцание. Как по мановению волшебной палочки, оно твердело, обретало форму — и внезапно на траве у берега возникала обнаженная фигура мужчины, женщины или ребенка. Рядом всегда оказывались неизменная чаша и стопка покрывал.

В речной долине протяженностью, как предполагалось, от десяти до двадцати миллионов миль и с населением тридцать пять—тридцать шесть миллиардов человек, ежедневно мог погибать миллион. Здесь, правда, не было болезней — кроме душевных — но, хотя статистические данные отсутствовали, вероятно, не менее миллиона людей прощались с жизнью каждые двадцать четыре часа в бесчисленных войнах между сотнями тысяч крохотных государств, в результате преступлений на почве ревности, самоубийств, наказания преступников и всевозможных случайностей. Поэтому в долине всегда существовал устойчивый и значительный поток людей, подвергнутых, как говорили, «малому воскрешению».

Но Бартон никогда не слышал, чтобы двое, умершие в одном месте и в одно время, воскресли вместе. Процесс выбора области для новой

жизни был случайным — во всяком случае, так он полагал до сих пор.

Один раз подобная ситуация могла иметь место, хотя ее вероятность составляла не более двадцатимиллионной доли. Но две — да еще следующие друг за другом! Это уже попадало в разряд чудес.

Бартон не верил в чудеса. В мире не может произойти ничего такого, что нельзя было бы объяснить законами физики — если вам известны все необходимые данные.

Но он не располагал ими и, следовательно, в настоящий момент мог не беспокоиться по поводу столь невероятного совпадения. Тем более, что перед ним стояла другая проблема, требующая неотложного решения. Проблема заключалась в Геринге.

Немец знал Бартона и мог выдать его любому агенту этиков.

Бартон быстро осмотрелся. К ним приближалась довольно многочисленная группа мужчин и женщин, настроенных, по-видимому, довольно дружелюбно. Он успеет обменяться с Герингом только несколькими словами.

— Геринг, я могу убить вас — или себя. Но я не хочу делать ни того, ни другого — по крайней мере, сейчас. Вам известно, почему вы так опасны

для меня. Мне не стоило бы доверять вам — вы вероломны, как гиена. Но с вами что-то происходит, какая-то перемена, которую я еще не ощутил до конца. Итак...

Геринг, умевший быстро приспосабливаться к любым обстоятельствам и извлекать из них выгоду, уже оправился от шока. Хитро ухмыльнувшись, он произнес:

— Похоже, я нащупал ваше слабое место, не так ли?

Увидев, как напрягся Бартон, он поспешно поднял руку и

сказал:

— Но я клянусь, что никому не открою ваше имя! И не сделаю ничего, что могло бы повредить вам! Вряд ли нас можно назвать друзьями, но, по крайней мере, мы знаем друг друга и мы сейчас — в чужой земле. Здесь было бы неплохо видеть иногда хоть одно знакомое лицо. Я знаю это, я слишком долго страдал от одиночества и духовной опустошенности. Я думал, что сойду с ума. Вот почему я пристрастился к Жвачке... Поверьте, Бартон, я не выдам вас.

Бартон ему не поверил. Но он решил, что в течение некоторого времени Геринг не предпримет никаких действий. Немец нуждался в союзнике

и компаньоне — во всяком случае, до тех пор, пока он не получит представление о народе, населяющем эту область, и не выяснит, на что он может тут рассчитывать. Кроме того, существовала вероятность, что Геринг начал меняться к лучшему.

Нет, сказал себе Бартон. Нет. Не нужно повторять старых ошибок. Несмотря на весь свой цинизм, ты не помнил зла, ты был готов простить любую обиду — и неизбежно нарывался на новую. Не окажись снова в дураках, Бартон.

Прошло три дня, но он все еще был полон сомнений относительно Геринга.

Бартон выдал себя за Абдула ибн Гаруна, жителя Каира девятнадцатого века. У него было несколько причин для подобной маскировки. Одна из них заключалась в том, что он превосходно говорил на арабском, хорошо знал каирский диалект этого периода и получил возможность носить на голове тюрбан, свернутый из большого покрывала. Он надеялся, что пышный убор поможет ему изменить внешность. Геринг пока никому не сказал ни слова, чтобы разоблачить этот маскарад. Данный вывод не подлежал сомнению, так как они с Герингом проводили вместе большую часть суток. Они должны были жить в

одной хижине, пока не освоятся с местными обычаями и не завершат свой испытательный срок. В этот период довольно много времени уделялось военной подготовке. Бартон относился к числу лучших фехтовальщиков девятнадцатого века, и после того, как он продемонстрировал свои способности, его немедленно зачислили в один из отрядов самообороны. Ему даже обещали, что отряд перейдет под его командование, как только он в достаточной степени освоит язык.

Геринг завоевал авторитет у местных властей почти так же быстро. Несмотря на другие свои недостатки, он не был лишен мужества. Сильный, искусный в обращении с оружием, общительный, он умел нравиться — особенно когда ставил перед собой такую цель.

Эта часть западного побережья была населена людьми, язык которых был совершенно неизвестен Бартону. Когда он изучил их речь и смог задавать вопросы, то пришел к заключению, что это племя обитало где-то в Центральной Европе в период раннего бронзового века, У них было несколько странных обычаев, одним из которых являлось публичное совокупление. Подобные вещи всегда интересовали Бартона, одного из основателей Королевского антропологического

общества, повидавшего много удивительного во время своих странствий на Земле. Он научился терпимости к чужим нравам, и этот обычай не ужасал его, хотя сам он не собирался ему следовать.

Зато другой обычай — раскрашивать лицо — Бартон воспринял почти с радостью. Мужчины племени негодовали из-за того, что Воскрешение лишило их волос на лице и крайней плоти. Они ничего не могли поделать с последним обстоятельством, но предыдущее в какой-то степени поддавалось исправлению с помощью краски. Ее приготавливали из древесного угля, рыбьего клея, танина и ряда других ингредиентов. Краской мазали верхнюю губу и подбородок, хотя некоторые мужчины предпочитали татуировку и терпеливо сносили боль от уколов длинной бамбуковой иглы.

Теперь Бартон был замаскирован вдвойне, однако он продолжал зависеть от милости человека, который мог предать его в любой момент. Ему не хотелось убивать Геринга; сейчас он предпочел бы иной выход.

Он должен превратиться из дичи в охотника. Нужно найти агента этиков — но так, чтобы он сам остался неопознанным. Тогда он сможет

убраться отсюда раньше, чем Их сети накроют его. Опасная игра, вроде прогулки по канату над логовом голодных волков — но он никогда не боялся рисковать. Отныне он будет спасаться бегством только при крайней необходимости. В остальное время он станет выслеживать тех, кто охотится за ним.

Однако за горизонтом этого плана продолжал маячить мираж Великой Чаши, Туманного Замка, Темной Башни, Зачем играть в кошки-мышки, когда он может взломать главную цитадель, в которой, по его предположениям, находится таинственный центр этиков, их штаб-квартира, основная база? Или вернее, не взломать, а прокрасться в Замок — тайком, подобно мыши, проникающей в дом. И пока коты ищут ее в долине, мышь может разнюхать кое-что в Замке — и тогда она превратится в тигра.

Бартон вообразил себя в виде тигра и громко расхохотался, вызвав удивленные взгляды своих соседей по хижине — Геринга и Джона Коллопа, англичанина семнадцатого века. Разве можно серьезно думать, что он, один человек, способен противостоять Творцам этого мира, Воскресителям миллиардов умерших, Кормильцам и Покровителям всех тех, кого они призвали обрат-

но к жизни?

Он сложил ладони вместе, переплел пальцы, стиснул их... Он чувствовал, что тут, в его руках и в глубине его мозга таилось нечто, предвещавшее падение этиков. Он не знал, с чем связана эта уверенность. Но Они боятся его... Если он сумеет выяснить, почему... В глубине души Бартон верил, что он —тигр среди людей. «А человек становится таким, каким он себя представляет», — почти беззвучно прошептал он.

— У вас удивительный смех, друг мой, — сказал Геринг. — Слишком женственный для такого бравого мужчины. Он похож... похож на свист камня, скользящего по замерзшему озеру... или на завывание шакала.

— Во мне действительно есть что-то от шакала и гиены, — ответил Бартон. — Так уверяли мои недруги — и они были Правы. В мелочах. В целом же, я — нечто гораздо большее.

Он вскочил с постели и сделал несколько наклонов и приседаний, чтобы прогнать остатки сна. Через несколько минут он, вместе с остальными, двинется к грейлстоуну на речном берегу, чтобы наполнить свою чашу пищей. Затем, после часового патрулирования границ, наступит время для упражнений с копьем, палицей, пра-

щой, мечом с обсидиановым лезвием, луком и кремневым топором; эта тренировка завершится рукопашной схваткой. Следующий час предназначался для ленча, отдыха и беседы. Потом — час занятий языком, двухчасовая работа на строительстве укреплений, что возводились на границах этой маленькой страны. Получасовой отдых и обязательная пробежка в одну милю — для аппетита. Обед и свободный вечер — для всех, кроме назначенных в охранение или занятых другими общественными делами.

Такой же активный темп жизни поддерживался и в остальных крохотных государствах вверх и вниз по Реке на всем ее протяжении. Почти всюду человечество либо воевало, либо готовилось к войне. Гражданам следовало всегда находиться в форме и уметь обращаться с оружием. Тренировки также занимали их свободное время. Несомненно, жизнь в военном лагере довольно однообразна и сурова, однако в речной долине пока не существовало лучшей альтернативы отупляющему безделью. Свобода от забот о хлебе насущном, квартплате и деньгах, свобода от надоедливой домашней работы и других дел, которым люди в их земной жизни были вынуждены уделять так много времени — эта свобода

вовсе не являлась благословенной. В долине шла грандиозная борьба со скукой и вожди каждого государства старались придумать новые способы, чтобы занять чем-нибудь свой народ.

Те, кто ожидал, что долина Реки станет раем, ошибались; повсюду шла война, война, война. И многие считали, что война, если отбросить некоторые ее отрицательные стороны, является благом для этого мира. Она придавала вкус жизни и была лучшим средством для борьбы со скукой; она давала выход человеческой агрессивности и алчности.

После обеда любой мужчина, любая женщина были вольны делать все, что угодно — если только их занятия не нарушали местные законы. Они могли менять сигареты и спиртное из своих чаш или выловленную в Реке рыбу на луки и стрелы; щиты или посуду; столы и стулья; бамбуковые флейты и глиняные рожки; барабаны, обтянутые человеческой или рыбьей кожей; редкие камни и ожерелья, сделанные из превосходно обработанных и раскрашенных костей глубоководных рыб, из нефрита или из резного дерева; обсидиановые зеркала; сандалии и тяжелые башмаки; угольные стержни для письма и рисования; редкостную и очень дорогую бумагу из бамбука; чернила и

перья из рыбьей кости; шляпы, сплетенные из длинных и прочных стеблей травы, что росла на холмах; небольшие тележки, в которых можно было съезжать вниз по склонам холмов; деревянные арфы, струны которых вырезались из кишок речного дракона; глиняные статуэтки; дубовые кольца — и множество других вещей, облегчающих или украшающих человеческую жизнь.

Позже, вечером, наступало время для любви, но Бартон и его сотоварищи по хижине пока что были лишены этого удовольствия. Только когда они станут полноправными гражданами, им будет разрешено обзавестись отдельными домами и выбрать себе женщин.

Джон Коллоп был невысоким стройным юношей с волосами цвета соломы и узким, но приятным лицом с большими голубыми глазами, опушенными густыми темными ресницами с загнутыми вверх кончиками. При первом знакомстве с Бартоном он сказал:

— Я покинул тьму материнского лона и увидел свет Господа, которого мы почитали на Земле, в 1625 году. И слишком быстро я вновь оказался в лоне матери-природы, с твердой надеждой на воскрешение — и, как видите, не ошибся. Однако я должен признать, что наша вторая жизнь совсем

непохожа на то, что обещали нам святые отцы. Но откуда же они могли знать истину — несчастные слепые черви, поводыри таких же слепцов!

Прошло немного времени, и Коллоп сообщил ему, что является приверженцем Церкви Второго Шанса.

Бартон иронически приподнял бровь. Ему уже приходилось встречаться с этим новым вероучением во многих местах речной долины. Хотя Бартон был убежденным атеистом, он с интересом изучал каждую религиозную доктрину. Познай веру человека — и ты узнаешь его, по крайней мере, наполовину. Познай его жену — и ты узнаешь другую половину.

Церковь Второго Шанса провозглашала немногочисленные и простые доктрины, которые базировались частично на фактах, а частично — на предположениях, чаяниях и надеждах. В этом она ничем не отличалась от религиозных течений, возникших на Земле. Но ее апостолы имели одно существенное преимущество перед земными проповедниками. У них не было затруднений с доказательством того, что умершие могут воскреснуть — причем не единожды, а многократно.

— Почему же человечество получило Второй

Шанс? — Коллоп говорил тихо, голос его звучал искренне, взволнованно. — Разве мы заслужили эту милость? Нет. За немногими исключениями, люди нечестны, ничтожны, порочны и ограничены, крайне эгоистичны и отвратительны. Любые боги — или Бог — поглядев на них, ощутят приступ тошноты; в лучшем случае — просто плюнут. Но в этом плевке таится и частица жалости. Человек, как бы низок он ни был, хранит в своей душе серебряную искру божественного огня; он действительно сотворен по образу и подобию божьему. И это — не пустая фраза. Есть нечто, достойное спасения, даже в самых худших из нас — и из этого нечто может быть сотворен новый человек.

— Тем, кто дал нам еще одну возможность спасти свои души, эта истина известна. Нас поместили сюда, в речную долину, на чужую планету, под чуждые нам небеса, чтобы мы трудились над нашим спасением. Сколько нам отпущено для этого времени, я не знаю; может быть — впереди бесконечность, возможно — сто или тысяча лет. Но нам нельзя терять ни минуты, мой друг!

Бартон покачал головой.

— Разве не вас принесли в жертву Одину норвежцы, сохранившие свою прежнюю веру — хотя

этот мир явно не похож на Валгаллу, воспетую их скальдами? Не считаете ли вы, что зря потратили время и силы, пытаясь обратить их? Они верят в тех же своих древних богов; но их теология претерпела некоторые изменения, вызванные необходимостью как-то приспособить ее к здешним условиям. Точно так же и вы цепляетесь за свою старую веру, стараясь залатать ее прорехи.

— И все же норвежцы не могут объяснить окружающий их мир, а я — могу, — с убежденностью сказал Коллоп. — У меня есть разумное объяснение, к которому, как я верю от всей души, когда-нибудь придут и эти норвежцы. Да, они убили меня, но к ним придет другой миссионер нащей Церкви и обратит их души к истине — прежде, чем они проткнут его грудь перед своими деревянными идолами. А если ему не удастся переубедить их, придет следующий.

— Кровь мучеников — посев веры. Сия великая истина была справедлива на Земле, и здесь она тем более верна. Если вы убьете человека, чтобы закрыть ему рот, он восстанет в каком-нибудь другом месте долины. А- на его место придет другой, принявший смертную муку в сотне тысяч миль отсюда. И Церковь добьется победы! И тогда люди прекратят бессмысленные, порождающие

ненависть войны и примутся за настоящее дело, единственно достойное дело — спасение своих душ.

— Сказанное вами о мучениках столь же справедливо для любого человека, одержимого какой-нибудь идеей, — возразил Бартон. — Убейте негодяя — и он так же восстанет, чтобы снова творить зло.

— Добро одолеет зло, истина восторжествует! — воскликнул Коллоп.

— Не знаю, сколько лет вы прожили на Земле и многое ли успели увидеть, — произнес Бартон, — но похоже, что ваш опыт довольно ограничен; вы так и остались слепым.

— Наша Церковь не стоит на одной слепой вере. Ее учение основано на вещественных, реальных фактах. Скажите, Абдулла, друг мой, вы слышали о том, что некоторые люди воскресают мертвыми?

— Что за нелепость! — пожал плечами Бартон. — Как это понимать — мертвый воскресший?

— Известны, по крайней мере, три надежно подтвержденных случая; ходят слухи еще о четырех, но относительно них Церковь не смогла получить достоверных доказательств. Речь идет о мужчинах и женщинах, которые погибли в

каких-то районах долины и, как обычно, были воскрешены в других местах. Однако в их воссозданных телах отсутствовала искра жизни. Как вы думаете, почему?

— Не могу представить себе, — ответил Бартон, изобразив живейшее любопытство, — и готов выслушать вас внимательно и с интересом.

Он мог представить, так как уже слышал эту историю. Однако ему хотелось узнать, насколько рассказ Коллопа совпадет с известной ему версией.

Все было то же самое — вплоть до имен умерших бездельников. Рассказывали о нескольких мужчинах и женщинах, которые якобы были опознаны теми, кто знал их на Земле. Там они считались святыми — или близкими к состоянию святости; одного из них даже канонизировали. Появилась гипотеза, что для этих избранных нет необходимости проходить через чистилище речного мира. Их души почти сразу же отлетели куда-то... в некое таинственное место, навсегда сбросив груз телесной оболочки.

Скоро, как утверждала Церковь, многие достигнут такого же состояния. Они покинут свои тела, как изношенную одежду. Пройдет время — и долина Реки опустеет. Люди отринут

ненависть, избавятся от пороков, и души их озарятся любовью друг к другу и к богу. Даже наиболее порочные, те, чьи души кажутся сейчас потерянными навсегда, смогут покинуть свою физическую оболочку. Все, что нужно для этого, — только любовь!

— Плю са шанж, плю сэ ла мэм шоз[3], — вздохнул Бартон. Потом рассмеялся и сказал, — Итак, появилась еще одна сказка, вселяющая в людей надежду. Старые религиозные доктрины рухнули — значит, нужно изобрести новые.

— Можно предположить, — заметил Коллоп, — что у вас есть лучшее объяснение, почему мы пребываем здесь!

— Может быть. Я тоже умею сочинять сказки.

По сути дела, такое объяснение у Бартона имелось. Правда, он не рискнул бы изложить его Коллопу. Спрюс все же поведал Бартону кое-что об истории, целях и сущности своего народа, этиков. И слишком многое из того, о чем он рассказал, совпадало с доктриной Коллопа.

Спрюс покончил с собой, не успев объяснить, что такое «душа». Можно было предположить, что «душа» играла важную роль в процессе

---

[3] Примечания: 3

Чем больше меняется, тем больше остается без изменения (франц.).

воскрешения. Казалось, тут отсутствовала альтернатива; какая же иная субстанция могла сохранить сущность человека — после того, как он достигнет «спасения» и лишится телесной оболочки? Так как феномен «второй жизни», дарованной человечеству, мог быть объяснен с точки зрения физических законов, «душу» тоже следовало отнести к физическим явлениям, исключив ореол сверхъестественности, который окутывал ее на Земле.

Конечно, многого Бартон не знал. Но в отличие от других людей, ему удалось бросить мимолетный взгляд на внутренний механизм этого мира.

Ту небольшую информацию, которой Бартон владел, он собирался использовать в качестве рычага, чтобы приподнять крышку над сосудом с тайной и проникнуть в святая святых. Но для этого он должен добраться до Туманного Замка. И единственный путь, который позволял сделать это быстро, вел прямо на Экспресс Самоубийства. Однако сначала ему нужно разыскать агента этиков. Он должен захватить этика, предотвратить возможность самоубийства и каким-то образом выжать из него побольше информации.

Тем временем он продолжал играть роль Абдуллы ибн Гаруна, египетского врача девятнадцатого

века, ныне — гражданина государства Баргавдас. Он также решил присоединиться к последователям Церкви Второго Шанса. Сообщив Коллопу о своем разочаровании в религии Мухаммеда, Бартон объявил, что готов стать его первым прозелитом в этой местности.

— Но тогда, мой дорогой друг, вы должны принести клятву, что никогда больше не подымете оружия на человека — даже для защиты своей жизни, — сказал Коллоп.

Бартон, возмутившись, заявил, что никому не позволит ударить его и уйти безнаказанным.

— Тут нет ничего невозможного, — мягко произнес Коллоп. — Просто такое поведение противоречит вашим прошлым привычкам. Но человек способен измениться, стать лучше, чище — если он имеет волю и желание.

Упрямо вздернув голову, Бартон ответил коротким «нет» и гордо удалился прочь. Коллоп печально посмотрел ему вслед; однако в дальнейшем он продолжал относиться к мнимому египтянину с прежним дружелюбием. Иногда он не без юмора называл Бартона своим «пятиминутным неофитом» — имея в виду, конечно, не время, которое было затрачено на его обращение в новую веру, а тот краткий срок, понадобивший-

ся Бартону, чтобы с ней расстаться.

Вскоре Коллоп заполучил второго новообращенного — Геринга. Вначале на речи миссионера немец отвечал только насмешками. Затем он снова пристрастился к Жвачке, и кошмары начали мучить его.

Две ночи подряд он метался на своем ложе, не давая спать Коллопу и Бартону криками и стонами. Вечером третьего дня он спросил Коллопа, может ли тот приобщить его к Церкви. Кроме того, он пожелал исповедаться. Коллоп должен узнать, что он, Геринг, сотворил на Земле и в этом мире.

Коллоп терпеливо выслушал эту смесь самовосхваления и самоуничижения. Затем он сказал:

— Мой друг, мне нет дела до того, кем вы были. Меня заботит одно — кто вы сейчас и каким станете в будущем. Я выслушал вашу исповедь только потому, что она облегчила вашу душу. Я вижу, что вы глубоко страдаете, что вы испытываете мучительное сожаление и печаль из-за всего содеянного вами — и, в то же время, вам доставляет удовольствие мысль о том могуществе, которого вы когда-то достигли. Многое из рассказанного вами мне непонятно, ведь я не знаком с вашей эпохой. Но это не имеет значения. Только сегодня

и завтра важны для нас; только о будущем дне наши заботы.

Как показалось Бартону, миссионер не проявил интереса к прошлому Геринга потому, что не поверил истории о его земном величии и последующем падении. Здесь было так много самозванцев, что истинные герои и злодеи сильно обесценивались. Бартону посчастливилось встретить трех Иисусов Христосов, двух Авраамов, четырех королей Ричардов Львиное Сердце, шестерых Аттил, добрую дюжину Иуд (из которых только один умел изъясняться на арамейском), Джорджа Вашингтона, двух лордов Байронов, трех Джесси Джеймсов, невероятное количество Наполеонов, генерала Кастера (говорившего с грубым йоркширским акцентом), короля Чаку (почти не понимавшего зулусский язык), Финна Мак Кула (который не знал древнеирландского) и множество других исторических личностей, которые в равной степени могли или не могли быть теми, кем они себя объявили.

Кем бы ни был человек на Земле, здесь, в долине, ему приходилось заново утверждать себя. Это давалось нелегко — ведь условия жизни на берегах Реки резко отличались от земных. Люди, в прошлом великие и славные, нередко подвер-

гались здесь унижениям и поэтому старались скрыть свои истинные имена.

Коллоп благословлял унижение. Сначала — унижение, затем — смирение, часто повторял он. А потом приходит главное — человечность.

И Геринг угодил в одну из ловушек Великого Проекта[4], как называл его Бартон. Сеть Церкви накрыла его, потому что чрезмерное увлечение чем угодно — наркотиками, властью или религией — являлось сутью его натуры. Понимая, что Жвачка вызывает к свету самые мрачные образы из темной пропасти подсознания, что его личности, разуму грозит полный распад, Геринг продолжал использовать ее — в том количестве, которое ухитрялся раздобыть. Время от времени новое воскрешение дарило ему здоровое тело и

---

[4] Примечания: 4

Под Великим Проектом (Great Design) понимается эксперимент, который этитки проводят над человечеством; это подчеркивается в названии третьей книги сериала «Dark Design», в котором данный Проект характеризуется как темный, неведомый или туманный замысел. Одной из ловушек Проекта является, по-видимому, Церковь Второго Шанса, деятельность которой совпадает с целями этиков. По намекам, разбросанным во второй и третьей книгах сериала, можно понять, что Церковь была создана при непосредственном участии этиков. Второй ловушкой Проекта можно считать Жвачку Сновидений, предназначенную для расшатывания психического стереотипа человека, сложившегося в земных условиях. Употребление Жвачки вызывает «очищающий душу» кризис, после которого человека легче направить на путь «духовного совершенствования» (прим. пере в.).

он принимал решение отказаться от наркотика. Но проходило несколько недель — он сдавался, уступал; и теперь ночи в маленькой хижине оглашались жуткими криками: «Герман Геринг, я тебя ненавижу!»

— Если это будет продолжаться, — сказал Бартон Коллопу, — он сойдет с ума. И либо покончит с собой, либо вынудит кого-нибудь сделать это. Но самоубийство не решит ничего — он не сможет убежать от себя. Скажите мне теперь откровенно, Коллоп, — разве это — не ад?

— Скорее — чистилище, — ответил Коллоп. — Чистилище — ад, в котором есть место надежде.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Миновало два месяца. Бартон отмечал уходящие дни, делая кремневым ножом зарубки на сосновой палке. Наступил четырнадцатый день седьмого месяца 5 года после Воскрешения. Бартон старался аккуратно вести счет дней, что оказалось нелегко. В долине Реки время не имело большого значения. Угол между осью планеты и эклиптикой составлял девяносто градусов, поэтому здесь отсутствовала смена времен года. Звезды, небесный хронометр Земли, тут настолько теснились друг к другу, что было невозможно выделить отдельное созвездие или светило. Многочисленные и яркие, они заполняли ночное небо, и даже свет солнца в полдень не мог затмить самых крупных из них. Подобно призракам, не желающим отступать перед сиянием дня, они парили в теплом воздухе долины.

Тем не менее, человек нуждался во времени, как рыба — в воде. И если бы понятие о времени было утеряно, он снова придумал бы его. Итак, по календарю Бартона, наступило 14 июля 5 года.

Но Коллоп, подобно многим, отсчитывал время от даты своей смерти на Земле. Сейчас для

него шел 1667 год. Он не верил, что легенду о его возлюбленном Иисусе можно сдать в утиль. Нет, скорее всего, эта Река была рекой Иордан, а ее долина — Долиной Теней. Он соглашался, что посмертное существование оказалось совсем не таким, как он его представлял. Ну, что ж, люди попали в место во многих отношениях еще более грандиозное, чем они были вправе ожидать. И это служило доказательством непреходящей любви Бога к своим творениям. Он дал всем людям — даже тем, кто не заслуживал такого дара, — еще один шанс. Если этот мир и не являлся Новым Иерусалимом, он был местом, предназначенным для возведения величественного Града Господнего. И его кирпичи — любовь к Богу и смертным, любовь ко всем людям — должны быть отформованы и обожжены в этой печи и в этой мастерской — на планете гигантской Реки.

Хотя Бартон не разделял подобную концепцию, сам Коллоп нравился ему. Этот невысокий худощавый человек был искренним; он не питал огонь своего красноречия листами книг или страницами теологических фолиантов. Его никто не понуждал к действию. Он горел пламенем, что питалось от духа его, а дух этот пронизывала любовь. Любовь даже к тому, что, казалось, было

невозможно любить, редчайшая, наиболее трудная разновидность любви.

Как-то он поведал Бартону о своей земной жизни. Он был врачом, фермером и либералом с непоколебимой верой в идеалы своей религии и, в то же время, переполненным сомнениями и вопросами относительно этой веры и состояния общества. Он написал манифест, призывающий к религиозной терпимости, который вызвал в его эпоху бурю порицаний и похвал. И он был поэтом, в свое время хорошо известным, а потом — позабытым:

Неверующим, Боже, дай увидеть,
Как волею Твоей я чудеса творил,
Ослепшим возвращая свет небесный
И мертвых поднимая из могил.

— Мои строки, возможно, умерли; но правда, которая заключалась в них, жива, — сказал он Бартону. Потом повел рукой, указывая на зеленые холмы, сверкающую речную гладь, остроконечные горные пики и людей вокруг. — Посмотрите на все это внимательно; неужели вы и теперь будете упорствовать в своем заблуждении? Неужели вы продолжаете считать, что этот мир — творение рук человеческих? Что он создан

людьми, похожими на нас? — он покачал головой и продолжал: — Но даже если допустить, что вы правы, значит, ваши этики сотворили речную долину по воле Всевышнего.

Бартон усмехнулся.

— Мне больше нравятся другие ваши строки, — сказал он и нараспев произнес:

Душа в Твои чертоги устремилась;
Ты — не земля, Ты — горный монолит,
В котором искра, дар небес,
В бушующее пламя превратилась.

Коллоп был польщен; он, однако, не знал, что Бартон вкладывает в эти строки совсем иной смысл, чем сам поэт.

«В бушующее пламя превратилась».

Проникнуть в Темную Башню, раскрыть секреты этиков и обратить их чудовищные устройства против них самих — вот что это значило для Бартона. Он не испытывал благодарности за то, что они подарили ему вторую жизнь, не испросив его согласия, И если они хотят благодарности, пусть скажут, зачем дан ему второй шанс? Почему они скрывают свою цель? Он найдет ответ. Искра, которую они вложили в него, разгорится в бушующее пламя и сожжет их.

Он проклинал судьбу, которая забросила его так близко к истокам Реки, почти к самому Замку — и через несколько минут швырнула прочь, куда-то в середину долины, за миллионы миль от его цели. Но если он побывал там однажды, он сможет попасть туда снова. Не на корабле, конечно; такое путешествие займет сорок лет — или еще больше. Его тысячу раз могут захватить в плен и обратить в рабство; его могут убить во время странствий, и тогда он окажется еще дальше от цели и будет вынужден все начинать заново.

С другой стороны, положившись на случайность, которая определяла выбор места очередного воскрешения, он может быстрее оказаться вблизи истоков Реки. Именно это побуждало его вновь сесть на Экспресс Самоубийства. Однако, хотя он понимал, что останется мертвым не более суток, сделать необходимый шаг было нелегко. Разум говорил ему, что смерть — всего лишь плата за проезд, но тело не соглашалось с этим. Каждая клетка яростно боролась за жизнь, подавляя его волю.

На какое-то время он внушил себе, что просто желает подробнее изучить обычаи и язык доисторического племени, приютившего его. Однако гордость восторжествовала; он понял, что просто

хочет оттянуть ту Мрачную Минуту, когда... Он знал это — и продолжал бездействовать.

Бартон, Коллоп и Геринг покинули свою холостяцкую обитель, чтобы начать нормальную жизнь полноправных граждан. Каждый получил отдельную хижину и за неделю подыскал себе женщину. Церковь Коллопа вовсе не требовала безбрачия. Ее приверженцы могли давать обет целомудрия, если им так хотелось. Церковь мудро рассудила, что тела мужчин и женщин после Воскрешения не зря сохранили все признаки своего пола. Это доказывало, что воскресившие их Творцы не возражали против сексуальной жизни. Как хорошо известно (хотя некоторые и отрицают это), секс имеет другие функции, чем продолжение рода. Итак — вперед, юные, катайтесь в траве!

Коллоп отказывался рассматривать свою подругу как объект сугубо физиологических упражнений. Он полагал, что нужно любить женщину, с которой живешь. Бартон насмехался над ним, утверждая, что его желание легко выполнимо. Коллоп любит все человечество; значит, теоретически, он должен взять первую женщину, которая скажет ему «да».

— Собственно говоря, мой друг, так и произо-

шло, — защищался Коллоп.

— И по случайному совпадению она оказалась красивой, неглупой и страстной? — продолжал донимать его Бартон.

— Хотя я стараюсь возвыситься над человеческим естеством или, скорее, стать более совершенным человеком, я все еще слишком человек, — ответил Коллоп. Затем он улыбнулся: А вы желаете видеть меня мучеником, намеренно связавшим жизнь с какой-нибудь уродливой каргой?

— Глупости, — сказал Бартон, — все это глупости. Что касается меня, то я ценю в женщине красоту и обаяние. Мне нет дела до ее мозгов. И я предпочитаю блондинок. Струны моей души отзываются только на прикосновение пальцев золотоволосых фей.

Геринг взял в свою хижину рослую валькирию, большегрудую, широкоплечую шведку восемнадцатого века. Бартон как-то полюбопытствовал, не напоминает ли она немцу его первую жену, своя-ченницу знаменитого шведского исследователя графа фон Розена. Геринг признался, что Карла не только вылитая копия его Карин, но даже тембр голоса у них одинаков. Казалось, он был очень счастлив со своей шведкой, и она платила

ему взаимностью.

Затем, однажды ночью, во время неизменного предутреннего дождя, что-то вырвало Бартона из глубокого сна.

Ему показалось, что он слышал крик; но, окончательно пробудившись, он смог различить только отдаленные раскаты грома и треск полосующих небо разрядов молний. Он прикрыл глаза, пытаясь снова уснуть. Крик раздался снова. Испуганный голос женщины доносился со стороны соседней хижины.

Он вскочил, распахнул легкую бамбуковую дверь и высунул голову наружу. Струи холодного дождя брызнули в лицо. Мрак царил над равниной, и только вершины западного хребта иногда освещались вспышками молний. Затем огненная стрела с громким шипеньем ударила рядом; в ушах у него зазвенело, огненные круги поплыли перед глазами. Однако он успел заметить две белые призрачные фигуры у входа в хижину Геринга. Немец сжимал руками горло женщины; она, вцепившись ему в запястья, пыталась оттолкнуть его.

Бартон выскочил наружу, поскользнулся в мокрой траве и упал. Когда он поднялся, другая вспышка высветила стоящую на коленях жен-

щину; ее спина была неестественно выгнута, руки пали вдоль тела. Искаженное лицо Геринга нависало над ней. Через мгновение Коллоп выбежал из своей хижины, оборачивая вокруг пояса покрывало. Бартон бросился вперед, но Геринг уже исчез в темноте. Опустившись на колени рядом с женщиной, Он приложил ладонь к ее груди; сердце не билось. Новая вспышка молнии бросила бледный свет да ее сведенное судорогой лицо, раскрытый рот, выкаченные глаза.

Он поднялся на ноги и закричал:

— Геринг! Где вы?

Сильный удар по затылку бросил его лицом вниз, на мокрую землю.

Оглушенный, Бартон приподнялся на локтях и коленях — и тут же получил второй жестокий удар. Почти теряя сознание, он перекатился на спину, поднял ноги и выставил вперед руки, пытаясь защититься. Молния осветила Геринга, стоявшего над ним с дубиной в руках. У него было лицо безумца.

Снова молния взрезала мрак. Что-то белое, расплывчатое прыгнуло на Геринга из темноты. Две бледные фигуры упали вниз, в траву, и покатились по ней, терзая друг друга.

Пошатываясь, Бартон поднялся и шагнул к ним,

но споткнулся о тело Коллопа; немец с силой отшвырнул его прочь. Бартон встал снова, но Коллоп был быстрее. Он снова сцепился с Герингом, затем раздался громкий страшный хруст, и Коллоп согнулся пополам. Бартон пытался бежать, его ноги подгибались; гнев, пересиливший страх смерти, бросил его в атаку. Грохот, новая вспышка света — и он увидел Геринга, застывшего, как на фотографии, с палицей, поднятой к мрачному небу.

Дубина опустилась, он почувствовал резкую боль в плече, потом оно словно онемело. Теперь не только ноги, но и левая рука, отказывались служить ему. Однако он попытался нанести Герингу удар правой. Раздался треск, и ему показалось, что обломки ребер впились в его легкие. Задыхаясь, он снова повалился в холодную мокрую траву.

Что-то упало рядом. Сжав зубы, корчась от жуткой боли, он пополз вперед. Его рука нащупала палицу; должно быть, Геринг уронил ее. Содрогаясь от каждого мучительного вдоха, он заставил себя приподняться на колени. Где же этот безумец? Две смутные тени плясали и извивались перед ним, то соединяясь, то вновь расходясь. Хижина! Что-то случилось с его глаза-

ми… или, может быть, у него сотрясение мозга. Он запрокинул голову и внезапно увидел Геринга в тусклом отблеске далекой молнии. Вернее — двух Герингов, две совершенно одинаковые фигуры, разделенные расстоянием в пару ярдов; одна стояла на земле, вторая — словно висела в воздухе.

Фигуры подняли руки вверх, подставляя их под струи дождя, как будто пытались что-то смыть с ладоней. И когда они обе синхронно повернулись и направились к Бартону, он понял, что означает этот жест. Дикий, отчаянный вопль достиг его ушей:

— Смой кровь с моих рук! О, боже, боже, смой ее!

На дрожащих ногах Бартон шагнул к безумцу, поднимая палицу. Он собирался нанести Герингу удар в висок, но тот внезапно повернулся и побежал прочь. Бартон заковылял за ним, медленно спускаясь по склону холма к равнине. Дождь прекратился, сверкание молний погасло, и, как обычно, через пять минут небо очистилось от туч. Звездный свет упал на белую фигуру Геринга.

Подобно фантому, он скользил впереди своего преследователя, направляясь к берегу Реки. Бартон держался за ним, порой удивляясь, почему он не пытается догнать немца. Ноги его вновь

обрели силу, в глазах больше не двоилось.

Они пересекли равнину, и Бартон, наконец, приблизился к Герингу. Тот скорчился у самой воды, пристально уставившись на дрожащие, размытые отражения звезды.

— Вы пришли в себя? — спросил Бартон.

Геринг вздрогнул. Он начал приподниматься, затем, застонав, снова согнулся, уткнувшись лицом в колени.

— Я знаю, что сотворил... но не знаю, зачем, — апатично произнес он. — Карла сказала, что уйдет от меня, что она не может больше выносить мои крики ночью, когда меня мучают кошмары... они не дают ей спать.., Я начал действовать... как-то странно. Сначала я умолял ее остаться; я говорил, что люблю ее и умру, если она меня покинет... Она ответила, что я нравился ей... да, нравился, но она не любила меня по-настоящему... И тогда мне показалось, что ее нужно убить... если я хочу удержать ее. Она, наверное, поняла... закричала и бросилась из хижины... Остальное вы знаете.

— Я собирался убить вас, — медленно произнес Бартон. — Но вы не отвечаете за свои поступки; вы — безумец. Но местные не станут разбираться в таких тонкостях. Вы знаете, что они сделают с вами: повесят вниз головой и оставят в таком

виде на пару дней. Нелегкая смерть.

— Я не понимаю, что со мной происходит! — вскричал Геринг. — Эти кошмары! Поверьте мне, Бартон, если я согрешил, я готов платить! Но где конец расплаты? Мои ночи превратились в ад, и скоро дни тоже станут адом! У меня остался только один путь обрести покой — убить себя! Но и он не годится! Я воскресну — и ад начнется снова!

— Держитесь подальше от Жвачки, — сухо сказал Бартон. — Вам придется попотеть, чтобы избавиться от этой привычки. Но вы можете это сделать. Вы говорили мне, что справились с тягой к морфию... там, на Земле.

Геринг медленно поднялся и взглянул прямо в лицо Бартона; потом обреченно опустил голову. J

— Если бы дело было только в этом... Я не прикасался к Жвачке — с тех пор, как очутился тут...

— Что? — пробормотал Бартон, ошеломленно уставившись на немца. — Дьявол меня побери...

— Вы считали, что я пользуюсь этой дрянью, потому что так было раньше... Нет, я не брал в poƒ'ни крошки Жвачки! Но ничего не изменилось!

Бартона охватила жалость, несмотря на стойкое отвращение, которое он питал к Герингу.

— Вы открыли ящик Пандоры в своей душе... и, похоже, не можете опустить крышку... — сказал

он, покачав головой. — Не знаю, что ждет вас в конце, но я не хотел бы оказаться на вашем месте. Хотя, нельзя отрицать, что вы заслужили это...

Неожиданно Геринг произнес решительно и спокойно:

— Я одолею их.

— Вы имеете ввиду призраков прошлого? — сказал Бартон. Он снова покачал головой, повернулся и направился к холмам. Потом на мгновение замер и бросил через плечо: — Что вы собираетесь делать, Герман?

Геринг указал на Реку.

— Нырну туда — и попробую начать заново еще раз. Может быть, в следующем месте мне улыбнется удача... Во всяком случае, я не хочу, чтобы меня повесили за ноги, как цыпленка в витрине мясной лавки.

— Тогда — о'ревуар, — махнул рукой Бартон. — И желаю вам удачи.

— Спасибо. Знаете, вы неплохой парень. Поэтому дам вам на прощанье один совет.

— Какой же?

— Держитесь сами подальше от Жвачки. Пока что вам везло. Но однажды она может подцепить вас — так же, как меня. Демоны, что таятся в вашей душе, не похожи на моих — но для вас они

будут такими же жуткими и чудовищными.

— Чепуха! Мое подсознание не хранит никаких мрачных тайн! — Бартон громко рассмеялся и добавил: — Я достаточно пользовался Жвачкой, чтобы убедиться в этом!

Он пошел прочь, размышляя о предупреждении немца. Он жевал наркотическую резинку двадцать два раза. И каждый раз давал себе клятву никогда не пользоваться ею снова.

На полпути к холмам он обернулся. Размытая белая фигура Геринга медленно опускалась в черно-серебристые воды Реки. Бартон отдал салют, не в силах сдержать столь драматический жест. Затем он забыл о Геринге. Боль в затылке, почти прекратившаяся, снова запустила острые когти в его череп. Ноги его ослабели и, не добравшись на несколько ярдов до своей хижины, он опустился на землю.

Должно быть, сознание покинуло Бартона: он не помнил, как его волочили по влажной траве. Когда обморок прошел, он обнаружил, что лежит на низком бамбуковом топчане в своей хижине.

Было темно; только слабый свет звезд просачивался внутрь через квадрат окна и ветви затеняющих хижину деревьев. Он повернул голову и увидел расплывчатые бледные очерта-

ния фигуры человека, склонившегося над ним. Человек держал тонкий металлический стержень, конец которого был направлен прямо на Бартона.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Как только Бартон повернул голову человек опустил стержень. Он произнес по-английски:

— Мне пришлось затратить много времени, чтобы найти вас, Ричард Бартон.

Левая рука Бартона, скрытая от взгляда незнакомца, скользнула на пол. Он шарил вокруг в поисках оружия, но пальцы натыкались только на редкие и чахлые стебли травы.

Он злобно сказал:

. — Ну что ж, теперь ты нашел меня — ты, проклятый этик! И что же ты собираешься делать со мной?

Человек переменил позу и издал звук, похожий на смешок.

— Ничего. — Он сделал паузу, затем произнес: —Я не являюсь одним из Них. — Он снова негромко рассмеялся, уловив вздох изумления со стороны Бартона. — Точнее говоря, я — с Ними, но я — не от Них.

Он поднял стержень, который раньше был нацелен на Бартона.

— Этот прибор помог мне установить, что у вас поврежден череп. По-видимому, вы получили

сотрясение мозга. Вы очень крепкий человек, Бартон; судя по полученным повреждениям, вы уже должны быть мертвы. Но если не обращать внимания на это обстоятельство, вам, возможно, удалось бы выкарабкаться. К несчастью, у вас нет времени на восстановление здоровья. Другие знают, что вы где-то тут, в этой области, в районе тридцати миль. Еще день-другой, и Они обнаружат вас.

Бартон попытался сесть и почувствовал, что кости его стали мягкими, как шоколад на солнце, а в затылок словно вогнали штык. Застонав, он откинулся на спину.

— Кто вы такой и чем занимаетесь?

— Я не могу назвать вам свое имя. Если они поймают вас... скорее, когда Они вас поймают, ваша память будет просканирована — вплоть до момента пробуждения в предвоск-ресительном коконе. Они не смогут определить, что заставило вас очнуться раньше времени. Но об этом разговоре Они будут знать. Они даже увидят меня — но только так же, как вы видите меня, бледный силуэт на фоне темноты. Они услышат мой голос, но не узнают его. Я использую специальный преобразователь.

Снова раздался смешок, который, казалось, был

адресован не Бартону, а тем, кто когда-нибудь станет вслушиваться в звуки этой монотонной речи.

— Конечно, они ужаснутся. То, что они подозревали, что допускали с такой неохотой и сомнением, окажется правдой. Среди Них есть предатель!

— Хотелось бы мне понять, о чем вы толкуете, — преодолевая боль, прошептал Бартон.

Незнакомец заговорил снова — сначала спокойно, размеренно, потом — с нарастающим возбуждением:

— Я расскажу все. Вам говорили чудовищную ложь о целях Воскрешения. И слова Спрюса, и учение Церкви Второго Шанса, этого создания этиков, — ложь! Все ложь! Правда заключается в том, что земное человечество возвратили к жизни для участия в научном эксперименте. Этики, извратив смысл нормальных этических понятий, переконструировали поверхность этой планеты в одну бесконечную речную долину, построили цепь грейлстоунов и вернули вас к жизни только с одной целью — уточнить вашу историю и описать обычаи. Вторая, побочная задача исследования заключается в наблюдении вашей реакции на сам факт Воскрешения и взаи-

модействия между людьми разных рас и эпох. Вот что это такое — научный проект, и только! И когда он будет завершен, вас снова обратят в прах!

Незнакомец сделал паузу, словно хотел подчеркнуть значение последних слов, и закончил:

— Все эти истории о том, что Они предоставили вам второй шанс заслужить спасение и вечную жизнь, чтобы выполнить свой этический долг, — ложь! На самом деле, мой народ не верит, что вы достойны спасения.

Бартон молчал, размышляя. Этот парень казался искренним. Во всяком случае, он был сильно возбужден сейчас, его дыхание стало частым и глубоким.

Наконец, Бартон сказал:

— Я не могу представить, чтобы кто-нибудь пошел на такие затраты сил и времени ради научного эксперимента и исторических исследований.

— Что вы знаете о времени! Оно тяжким грузом повисло в руках бессмертной расы! Вы были бы поражены, узнав, чем мы занимаемся, чтобы придать смысл своему бесконечному существованию. Кроме того, обладая властью над временем, мы не боимся приступать к самым головокружительным проектам. После смерти последнего

жителя Земли мы готовились к Воскрешению несколько тысяч лет — хотя самая последняя стадия заняла всего один день.

— Ну, а вы? — спросил Бартон. — Что делаете вы? И почему?

— Я — единственный среди всей этой чудовищной расы, кто следует истинным принципам этики! Мне не нравится играть с вами как с марионетками, как с объектами для исследований, подобными лабораторным животным! Какими бы примитивными и жестокими вы ни казались, вы обладаете чувствами! Вы, в определенном смысле, являетесь... являетесь...

Незнакомец взмахнул рукой, словно пытался извлечь нужное слово из окружавшего их мрака.

— Мне придется использовать то слово, которым вы сами называете себя. Вы — люди, как и мы. И точно так же доисторические расы, примитивные существа, впервые начавшие использовать язык, тоже, как и вы, относятся к роду человеческому. И вы — наши предки. Насколько мне известно, я могу быть вашим прямым потомком. Весь мой народ мог произойти от вас.

— Сомневаюсь, — сказал Бартон, поморщившись. — У меня не было детей — во всяком случае, мне о них ничего не известно.

Он начал задавать вопросы, которых накопилось довольно много. Но человек внезапно прекратил разговор. Он поднес свой странный прибор ко лбу, словно напряженно прислушивался к чему-то. Вдруг он резко опустил стержень и прервал Бартона на середине фразы.

— Меня... у вас отсутствует термин для этого... ну, скажем, подслушивают. Они засекли мой ватан... Я полагаю, вы назвали бы это аурой. Они не знают, чей это ватан, но уверены, что он принадлежит этику. И через пять минут Они могут быть здесь. Я должен идти.

Бледная фигура выпрямилась, шагнула назад, почти сливаясь с окружающей тьмой. До Бартона долетел голос:

— И вам тоже пора отправляться.

— Куда вы хотите взять меня? — с удивлением спросил Бартон.

— Нет, я имел в виду другое. Вы должны умереть; они найдут только ваш труп. Я не могу взять вас с собой; это невозможно. Но если вы умерете, Они опять потеряют ваш след. И мы когда-нибудь встретимся снова. И тогда...

— Подождите! — воскликнул Бартон. — Кое-что мне непонятно. Почему Они не могут обнаружить меня? Ведь все эти установки для Воскрешения

созданы Ими! Неужели они не знают, где находится мой персональный воскреситель... как вы его назвали... кокон?

Незнакомец снова негромко рассмеялся.

— Нет. Они обладали только визуальной записью населения Земли, без звукового сопровождения. И размещение воскрешаемых в коконах было случайным, так как Они решили расселить людей вдоль Реки примерно в хронологическом порядке, но с некоторой долей примеси случайных субъектов к базовому населению каждой области. К изучению индивидуальных личностей Они собирались приступить позже. Конечно, тогда Они не знали, что я буду противостоять Им. И что я выберу некоторых из их подопечных себе в помощники с целью уничтожить Проект. .. Нет, они не знают, где вы окажетесь — вы или любой другой человек, который проходит через предвоскресительный кокон.

Он снова шагнул к ложу Бартона и заговорил быстро, торопливо.

— Вы можете спросить, почему бы мне не настроить ваш воскреситель так, чтобы он перенес вас сразу к цели... к верховьям Реки. На самом деле, именно так я и поступил; погибнув в первый раз, вы должны были очнуться у самого первого

грейлстоуна. .. Но ничего не получилось; я полагаю, что гигантопитеки убили вас. К несчастью, я не могу найти какой-нибудь предлог, чтобы добраться до вашего кокона; это запрещается всем, кроме тех, кто обладает надлежащими полномочиями... Они очень подозрительны; Они предполагают, что кто-то противодействует Проекту. Таким образом, в полярную зону вам придется добираться самому... Что касается других, то у меня никогда не было возможности изменить настройку их воскресителей. Они могут появиться у любого из прибрежных грейлстоунов — с вероятностью один к двадцати миллионам.

— Других? — переспросил Бартон. — Есть еще и другие? Но почему вы выбрали именно нас?

— Вы все обладаете нужной аурой... не такой, как остальные. Поверьте мне, я знаю, что делаю; я выбрал верно,

— Но вы утверждаете, что пробудили меня... только меня одного... в этой камере, где находятся предвоскресительные коконы. Зачем? С какой целью?

— Надо было убедить вас, что Воскрешение не является каким-то сверхъестественным событием. Чтобы вы, как гончая, взяли след — след этиков. Я был прав? Конечно! А теперь дайте

вашу руку.

Он наклонился и положил в ладонь Бартона крохотную капсулу.

— Проглотите это. Вы умрете мгновенно и окажетесь вне пределов их досягаемости — на время. И клетки вашего мозга в этом теле будут разрушены полностью, так что сканирование памяти ничего не даст. Поторопитесь! Я должен идти!

— А если я откажусь сделать это? — прошептал Бартон, превозмогая охватившую его слабость. — Что, если я позволю Им захватить меня?

— Вы сделаете то, что нужно, — спокойно сказал человек. — Я слежу за вашей аурой.

Бартон почти уже решил не принимать яд. Почему он должен выполнять приказы этого заносчивого типа? Потом он подумал, что не стоит, разозлившись на ладонь, отрезать палец. У него действительно не было выбора — или он должен играть в команде таинственного незнакомца, или отдаться в руки этиков.

— Хорошо, — с трудом выдохнул он. — Но почему вы не прикончите меня? Почему вы хотите, чтобы я сам сделал эту работу?

Человек тихо рассмеялся и произнес:

— Существуют некие правила игры — правила, пояснять которые я не могу, за недостатком

времени. Но вы — умный человек и во многом разберетесь сами. Мы — этики. Мы можем дать жизнь, но мы не можем непосредственно ее отнять. Дело не в том, что мы не способны вообразить подобный акт.. .или не обладаем соответствующими возможностями... Просто это очень трудно сделать.

Резко повернувшись, незнакомец вышел из хижины. Бартон больше не колебался. Он сунул капсулу в рот и проглотил ее. Ослепительный свет вспыхнул перед ним...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

И глаза его снова были полны светом восходящего солнца. Он успел бросить только один взгляд вокруг — и увидел свою чашу, стопку разноцветных покрывал и Германа Геринга.

Затем Бартона и Геринга схватили невысокие темнокожие люди с большими головами и кривыми ногами. В руках они держали копья и топоры из кремня. На них были наброшены покрывала, концы которых они завязывали вокруг своих толстых коротких шей. Ленты из кожи, несомненно — человеческой, пересекали их непропорционально огромные лбы, поддерживая массу длинных черных волос. Они походили на монголоидов и говорили на незнакомом Бартону языке.

В следующий момент на его голову была нахлобучена пустая чаша, руки связаны за спиной кожаными ремнями. Слепого и беспомощного, его погнали через равнину, подкалывая сзади каменными остриями копий. Где-то поблизости гремели барабаны и женские голоса выводили заунывное песнопение.

Он прошел три сотни шагов; потом его оста-

новили. Грохот барабанов смолк, и женщины прекратили петь. Он ничего не слышал, кроме слабого гула крови в висках/ Что за чертовщина происходит здесь? Может быть, он является участником какой-то религиозной церемонии, требующей, чтобы предполагаемая жертва ничего не видела? Почему бы и нет? На Земле существовало множество культур, представители которых считали необходимым скрывать ритуал жертвоприношения от глаз тех, кто должен пролить свою кровь. Дух мертвого человека мог мстить его убийцам.

Но это племя уже должно знать, что здесь не существует духов. Или они считают воскресших как раз такими духами, что возвращаются в их землю с недобрыми намерениями и потому должны быть убиты вторично?

Геринг! Опять их перенесли вместе! К одному и тому же грейлстоуну. В первый раз это могло быть случайностью, очень маловероятной... Но три раза подряд? Нет, тут есть...

Первый удар, нанесенный по стенке чаши, прикрывавшей затылок, почти лишил его сознания. Он упал на колени, проваливаясь в огромное звенящее ничто; искры света мерцали перед его глазами, расплываясь в радужные круги. Он не

почувствовал второго удара, но сразу пробудился в каком-то другом месте...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

И рядом с ним был Герман Геринг.

— Похоже, наши души— близнецы, — произнес Геринг,— Повелители этого мира соединили нас нерасторжимым ярмом.

— Бык и осел в одной упряжке, — усмехнулся Бартон, предоставив немцу решать, чем он себя считает.

Вскоре они оба были заняты тем, что пытались представиться людям, населявшим данную местность. Позже Бартон выяснил, что тут жили, в основном, шумеры Древней или Классической эпохи, которые обитали в Месопотамии между 2500 и 2300 годами до новой эры. Мужчины этого народа брили головы (что было нелегко сделать с помощью лезвия из кремня), а женщины ходили обнаженными по пояс. Их невысокие коренастые тела и лица с выпученными глазами были, по мнению Бартона, довольно уродливы.

Но недостаток красоты среди шумеров с успехом компенсировали самоанцы середины второго тысячелетия, составлявшие около тридцати процентов населения. Кроме того, десятая часть местных жителей состояла из людей разных

народов и различных времен, из которых большинство относилось к двадцатому веку. Данное обстоятельство было вполне объяснимо, так как в двадцатом столетии появились на свет или умерли не менее четверти всех людей, когда-либо живших на земле. В распоряжении Бартона, конечно, не было статистических данных, но во время своих странствий он убедился, что представители двадцатого столетия рассеяны повсюду вдоль Реки в определенной пропорции — причем даже в большей, чем следовало ожидать. Эта грань речного мира и проводимого здесь эксперимента пока оставалась для него непостижимой. Какую цель преследовали этики, распределяя людей подобным образом?

У него накопилось уже немало вопросов. Нужно время, чтобы обдумать их; это невозможно сделать в периоды кратких остановок между посадками на Экспресс Самоубийства. Место, в котором он очутился, в отличие от многих других, обещало относительный мир и покой, необходимый для размышлений. И он решил пока задержаться здесь.

И, кроме того, тут был Герман Геринг. Бартон хотел понаблюдать процесс его покаяния, принявший такую странную форму.

Один из многих вопросов, которые Бартон не успел выяснить у Таинственного Пришельца (так он решил называть своего ночного гостя), касался Жвачки. Какое место занимала она в общей картине событий? Является ли использование наркотика обязательной частью Великого Проекта?

К несчастью, Геринг долго не продержался.

Кошмары вернулись к нему в первую же ночь. Он начал кричать, потом выскочил из хижины и помчался к Реке. Иногда он останавливался и молотил кулаками воздух, словно сражался или отмахивался от каких-то невидимых созданий; затем падал на землю и катался в траве, продолжая яростную схватку с осаждавшими его мозг видениями. Бартон следовал за ним до самого берега Реки. Очевидно, Геринг собирался броситься в воду и покончить, в очередной раз, счеты с жизнью. Но внезапно он застыл на мгновение, потом тело его сотрясла дрожь; он отвернулся от Реки и снова окаменел подобно статуе. Глаза его были широко раскрыты, но он не видел ничего; казалось, это застывший, полный ужаса взгляд обращен только внутрь. Какие чудовищные призраки терзали его душу? Кто мог сказать?

Дар речи покинул Геринга. Его губы двигались

безостановочно и беззвучно в течение десяти дней, которые он еще прожил. Все попытки Бартона накормить его оставались бесполезными — челюсти немца оставались судорожно сжатыми. Бартон наблюдал, как высыхало его тело, таяла плоть, западали щеки — пока сквозь туго натяную кожу не проступили кости. На десятое утро он забился в конвульсиях, потом приподнялся и вскрикнул. Через мгновение он был мертв.

Бартон произвел вскрытие трупа с помощью кремневых лезвий и пилок из обсидиана. При первом же прикосновении каменного острия вздутый мочевой пузырь Геринга лопнул и моча хлынула в брюшную полость.

Бартон продолжал свою работу; он собирался вытащить зубы немца, прежде, чем похоронить тело. Зубы являлись предметом торговли — их нанизывали на тонкие прочные сухожилия глубоководных рыб; изготовленные таким образом ожерелья ценились весьма высоко. Скальпу Геринга также нашлось применение. От своих врагов — индейцев шауни, обитавших на противоположном берегу Реки, шумеры переняли обычай снимать скальп. Эта традиция существовала у них в более цивилизованном варианте: из сшитых вместе скальпов делались накидки, юб-

ки и даже занавеси. Хотя рыночная цена скальпа была много ниже, чем зубов, за него тоже можно было кое-что выручить.

... Прозрение наступило в тот момент, когда Бартон, обливаясь потом, копал могилу, около большого валуна у подножия горы. Он разогнул уставшую спину, чтобы сделать голоток воды и взгляд его случайно остановился на лице Геринга. Голова, лишенная волос, спокойные, застывшие черты... словно у спящего! Какая-то дверца открылась в его сознании — и он вспомнил!

Когда он пробудился в том огромном пространстве, заполненном телами, вытянутыми в бесконечные ряды, он видел это лицо. Оно принадлежало юноше в соседнем ряду. Тогда у Геринга, как и у всех спящих, голова была полностью лишена волос. Бартон успел бросить только один взгляд на него — прежде, чем его заметили и усыпили люди в летающей лодке. Когда он снова встретил Геринга, прошло больше года после Воскрешения; он не узнал своего соседа по пантеону спящих в этом шумном толстом человеке с копной светлых волос.

Но теперь он все вспомнил.

Могут ли их воскресители, расположенные так близко друг к другу, действовать синхронно?

Если это действительно так, примерное совпадение во времени его смерти и смерти Геринга означало, что они оба пробудятся около одного и того же грейлстоуна. Геринг как-то пошутил, что их души, по воле владык речного мира, стали близнецами; возможно, он был не так уж далек от истины.

Бартон продолжал копать, проклиная одновременно и тяжелую работу, и свою неосведомленность; у него накопилось много вопросов и мало ответов. Если улыбнется удача и ему удастся заполучить в свои руки еще одного агента, то он выжмет из этика информацию любыми методами.

Следующие три месяца Бартон был занят изучением удивительного общества, в котором он очутился. Его поражал новый язык, сформировавшийся в результате смешения самоанского с древним шумерским. Так как шумеры были более многочисленны, их речь вначале доминировала, но это оказалось пирровой победой. В результате взаимной диффузии языков появился жаргон — с простейшим синтаксисом и до предела упрощенной системой склонений. Из грамматики было выброшено понятие рода; слова — синкопированы; глагольные формы — сведены к настоящему

времени, которое использовалось также и для указания будущего. Прошедшее время определялось с помощью наречий. Сложные словесные конструкции были заменены простыми выражениями, понятными и шумерам, и самоанцам, хотя на первый взгляд они казались неуклюжими и нелепыми. Многие слова самоанского языка — с несколько измененным произношением — вытеснили из обихода шумерские слова.

Такие упрощенные наречия возникали в долине повсеместно. Бартон полагал, что если этики собирались записать и сохранить все человеческие языки, им стоило поторопиться. Исконные, чистые языки умирали — или, вернее, видоизменялись. Но, судя по тому, что было ему известно, Они уже завершили эту работу.

Иногда по вечерам, когда Бартон мог спокойно насладиться одной из превосходных сигар, что безотказно поставляла его чаша, он пытался проанализировать ситуацию. Кому должен он доверять — этикам или этому Отступнику, Таинственному Пришельцу? Или лгала и та, и другая сторона?

Почему Пришелец нуждался в нем, почему хотел, чтобы он затормозил ход гигантского всепланетного механизма? И разве мог Бартон,

ничтожное человеческое существо, так ограниченное в своих возможностях, гонимое и преследуемое по всей долине, помочь чем-нибудь Отступнику?

Одно было несомненным. Вряд ли Пришелец заинтересовался бы Бартоном, если бы не нуждался в нем. Отступник хотел, чтобы Бартон попал в Башню на северном полюсе.

Но почему?

Бартону потребовалось две недели, чтобы придумать единственное правдоподобное объяснение.

Пришелец утверждал, что он, подобно другим этикам, не способен сам лишить жизни человеческое существо. Но он мог со спокойной совестью предложить грязную работу другому — о чем свидетельствовала капсула с ядом, которую он вручил Бартону. Итак, он хотел, чтобы Бартон попал в Замок с определенной целью. Он хотел, чтобы Бартон убивал — убивал для него! Он собирался выпустить тигра на свой народ, открыть потайной лаз для наемного убийцы!

Но убийца потребует платы. Что мог предложить Пришелец в качестве таковой?

Бартон глубоко затянулся и отхлебнул глоток крепчайшего бурбона. Ну что ж, отлично. При-

шелец желает использовать его. Но пусть он поостережется. Бартон тоже хочет использовать его.

К исходу третьего месяца Бартон решил, что пора размышлений закончилась. Наступило время трогаться в путь.

Решение пришло к нему импульсивно. Он купался у берега и, внезапно развернувшись, поплыл на середину Реки. Затем нырнул и пошел вниз, все глубже и глубже — так глубоко, чтобы тело, подчиняясь инстинктивной тяге к жизни, не смогло предать его. В последний момент он подумал, что рыбы съедят его плоть и кости лягут в придонный ил на глубине тысячи футов. Так будет лучше. Он не хотел, чтобы тело его попало в руки этиков. Если Пришелец сказал правду, только полный распад клеток мозга может предохранить его память от сканирования; иначе все, что он видел и слышал, станет доступно Их приборам.

В течение следующих семи лет удача сопутствовала ему. Как ему казалось, агентам этиков ни разу не удалось напасть на его след. Таинственный союзник Бартона не давал о себе знать; возможно, он тоже не мог разыскать его. Это представлялось Бартону наиболее вероятным;

порой даже он сам не имел представления, в какой части долины находится, как далеко или близко от верховьев Реки и центра в Туманном Замке. Он двигался, двигался, двигался, не останавливаясь нигде дольше трех-четырех дней. И однажды он понял, что, должно быть, установил своеобразный рекорд. Смерть, неразлучная спутница, стала его второй натурой.

Если его подсчеты были верны, он садился в Экспресс Самоубийства семьсот семьдесят семь раз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Временами Бартон думал о себе как о кузнечике, который скачет вокруг планеты, бросается во мрак смерти, приземляется где-то и щиплет траву, настороженно разыскивая признаки стремительно надвигающейся тени хищного сорокопу-та-этика. Огромный луг человечества дарил ему встречи с разными травинками; отведав их, он снова отправлялся в путь.

Иногда он думал о себе как о неводе, выхватывающем то здесь, то там отдельные экземпляры, обитающие в гигантском человеческом море. Он выловил несколько крупных рыб и множество плотвы; впрочем, от мелкой рыбешки можно было научиться тому же — если не большему — что и от крупной.

Сравнение с неводом, однако, казалось ему неприятным; оно напоминало, что существует гораздо более обширная сеть, с которой охотятся на него самого.

Однако какие бы сравнения и аналогии он ни использовал, личность его стала почти легендарной в долине. Причем настолько, что он сам уже сталкивался несколько раз с историями о

Бар-тоне-цыгане или Скитальце Ричарде, как звали его в англоязычных областях, и Лазере, Бродящем по свету — под таким именем он был тоже известен во многих районах долины. Это несколько тревожило его; он опасался, что этики могли раскрыть тайну Экспресса Самоубийства и расставить ему ловушку. А если они догадаются о конечной цели его странствий, то ловушка захлопнется в тот момент, когда он попадет в верховья Реки.

К концу седьмого года, после многих наблюдений звездного неба и множества бесед с другими странниками, он мог ясно представить географию этого мира. Река, главная его достопримечательность, не являлась рекой в привычном земном смысле этого слова; ее нельзя было уподобить змее, чей хвост-исток находился у северного полюса, тело простиралось по меридиану планеты, а голова-устье лежала в южном полярном районе. Нет, эта змея держала свой хвост во рту, а тело ее опоясывало всю планету, подобно мировому змею Мидгарда скандинавских сказаний. Река изливалась из северного полярного моря, гигантскими меридиональными зигзагами пересекала одно из полушарий, полукольцом охватывала южный полюс и такими же зигзагами тянулась

по другому полушарию, пока на очередном витке не впадала опять в это гипотетическое полярное море.

Существование большого водного бассейна у северного полюса, пожалуй, не стоило относить к области гипотез. Если гулявшая по Реке история о некоем гигантопитеке, прачеловеке, видевшем Туманный Замок, была правдивой, то Башня вздымалась прямо из вод скрытого под густыми облаками северного моря.

Правда, Бартон слышал эту историю не из первых уст. Однако он видел гигантопитеков, обитающих в начале Реки во время своего первого «прыжка»; вполне возможно, что кто-то из них действительно пересек горы и су'мел бросить взгляд на море у полюса. А там, где прошел один человек, смогут пройти и другие.

Но как Река течет вверх, через горы, окружающие полюс?

Ее скорость оставалась везде постоянной — даже там, где, казалось, она должна замедлять свое течение. Из этого факта Бартон сделал вывод о существовании локального гравитационного поля, которое поднимало гигантский поток вверх, в ту область, где он мог течь дальше, подчиняясь естественным силам тяготения. Где-то, вероятно

под самым ложем Реки, находились устройства, выполнявшие эту задачу. Создаваемое ими поле было очень ограниченным, так что люди, обитавшие в тех областях, практически не ощущали его влияния.

У него накопилось слишком много вопросов. Он должен идти, пока не попадет туда — или к тем — кто сможет ответить на них.

И через семь лет после первой посадки в Экспресс Самоубийства он достиг желанной цели, совершив свой семьсот семьдесят седьмой прыжок. Он всегда считал, что семерка приносит ему удачу. Несмотря на насмешки своих друзей из двадцатого столетия, Бартон незыблемо полагался на приметы, в которые верил во время своей земной жизни. Он часто смеялся над предрассудками других, но твердо знал, что некоторые числа являются для него счастливыми, что серебряные монеты — если их приложить к глазам — снимают телесную усталость и обостряют внутреннее зрение, своего рода предвидение, которое предупреждало его об опасности. Правда, в этом бедном минеральными ресурсами мире не было серебра, но если бы его удалось достать, Бартон не преминул бы им воспользоваться.

Весь первый день он провел на берегу Реки.

Он не обращал внимания на тех, кто пытался заговорить с ним, отделываясь парой слов и мимолетной улыбкой. В отличие от людей во многих районах долины, где он побывал, местные жители не были настроены враждебно.

Бартон следил, как солнце медленно двигалось над восточным хребтом, едва не задевая за вершины скалистых пиков. Пылающий диск скользил над долиной намного ниже, чем в других областях Реки — кроме той местности, где обитали доисторические гиганты с огромными носами. Одарив земли и воды светом и теплом, солнце продолжило свой путь над западными горами. На долину спустились тени, воздух стал гораздо холоднее, чем в низких широтах. Затем солнце завершило круг, оказавшись в той же самой точке, гае Бартон впервые увидел его, открыв глаза на рассвете.

Усталый после двадцатичетырехчасового бдения, но счастливый, Бартон осмотрелся; пришла пора познакомиться с обитателями этих мест. Он знал теперь, что находится в арктической зоне, но не в верховьях Реки. На этот раз он был у другого ее конца — около устья.

Он повернулся, услышав голос — знакомый, но полузабытый:

Душа в Твои чертоги устремилась;
Ты — не земля, Ты — горный монолит,
В котором искра, дар небес,
В бушующее пламя превратилась.

— Джон Коллоп!

— Абдулла ибн Гарун! А еще говорят, что чудес на свете не бывает! Что же случилось с вами после последней нашей встречи?

— Я погиб в ту же ночь, что и вы, — сказал Бартон. — И с тех пор умирал не один раз. В этом мире много злых людей!

— Вполне естественно. Их было много еще на Земле. И все же я рискну заметить, что стараниями Церкви число их несколько уменьшилось — особенно в этой местности. Но пойдемте со мной, дружище. Я познакомлю вас со своей подругой. Прелестная женщина — и верная, что в мире, который не слишком ценит супружескую добродетельность, стало редкостью. Она родилась в двадцатом веке и почти всю свою жизнь преподавала английский язык. Верите ли — иногда я думаю, что она очарована не столько мной, сколько английским моего времени, которому я обучил ее.

Коллоп издал свой характерный смешок, и

Бартон понял, что он шутит.

Они пересекли равнину и вышли к подножиям холмов, где стояли хижины; перед каждой на маленькой площадке, выложенной камнями, пылал костер. Большинство мужчин и женщин накинули толстые покрывала, чтобы защититься от пронизывающего утреннего холода.

— Какое угрюмое и промозглое место, — сказал Бартон. — Странно, что кто-то живет здесь.

— Большинство местных — финны и шведы конца двадцатого столетия. Они привыкли жить в высоких широтах. Однако, вы, должно быть, счастливы, что очутились тут. Я помню, вы питали жгучее любопытство к полярным районам и имели кое-какие соображения относительно них. Здесь побывали и другие — те, кто подобно вам спустился вниз по Реке в поисках своего золотого Эльдорадо или сказочного Туле на краю света. Но все они либо бесследно пропали, либо вернулись назад, устрашенные тяготами дальнейшего пути.

— Какими именно? — возбужденно спросил Бартон, схватив Коллопа за локоть.

— Дружище, вы сломаете мне руку... Итак, во-первых, цепь грейлстоунов кончается и вы лишаетесь возможности наполнить свою чашу

пищей. Во-вторых, равнина вскоре обрывается, и Река течет между скалистыми обледенелыми стенами. И, в-третьих, — то, что лежит дальше. Я ничего не знаю об этих препятствиях, так как никто не вернулся оттуда. Но я полагаю, что их постиг печальный конец — как всех, кого обуревает дух непомерной гордыни.

— На какое расстояние к северу продвинулись те, кому удалось вернуться?

— Примерно на двадцать пять тысяч миль, если следовать изгибам речного русла. Под парусами туда можно добраться примерно за год. Но один Вседержитель знает, какой путь нужно пройти потом, чтобы достигнуть конца Реки. Вероятно, раньше вы скончаетесь от голода — ибо откуда вы возьмете пищу, когда последний грейлстоун останется за кормой вашего корабля?

— Есть только один способ проверить все это... — задумчиво произнес Бартон.

— Значит, ничто не остановит вас, Ричард Бартон? — тихо спросил Коллоп. — Вы будете продолжать бессмысленную погоню за зримыми тайнами мира сего, пренебрегая духовным совершенством?

Бартон снова схватил Коллопа за руку.

— Вы сказали — Бартон?

— Да. Ваш друг Геринг не так давно открыл мне ваше истинное имя. И он поведал мне еще кое-что из вашей истории...

— Геринг здесь? — прервал его Бартон.

Коллоп кивнул и произнес:

— Он попал к нам года два назад, живет в миле отсюда. Вы сможете повидаться с ним завтра. Думаю, вас порадует произошедшая с ним перемена. Он справился с душевной болезнью, что началась из-за употребления Жвачки, и стал совершенно другим человеком — гораздо лучшим, чем тот, которого вы знали. Теперь он, фактически, является руководителем Церкви Второго Шанса в нашей местности. Итак, мой друг, пока вы занимались поисками таинственного грааля в мире физическом, он открыл Священный Грааль в собственном сердце. Он почти сгубил свою душу безумием, толкнувшим его на путь зла, которым он шел в земной жизни. Но благодаря милости божьей и своему искреннему желанию доказать, что он достоин этой второй возможности спасения, Геринг... ну, впрочем, вы все увидите сами завтра. Я только могу молиться, чтобы вы последовали его примеру.

Коллоп принялся рассказывать историю Геринга. Немец встречал смерть почти столько же

раз, сколько и Бартон; обычно он кончал жизнь самоубийством. Однако кошмары не покидали его; самоубийство давало лишь кратковременное забвение, и на следующий день его мучения продолжались. Наконец, он прибыл в эту область, где Коллоп, человек, которого он убил, сумел оказать ему помощь. И тогда Геринг выиграл свою духовную битву.

— Я поражен, — чистосердечно сказал Бартон. — И я рад за него. Но у меня — другие цели. И я хотел бы заручиться вашим обещанием никому не открывать мое истинное имя. Разрешите мне остаться арабом Абдуллой ибн Гаруном.

Коллоп заверил его, что будет хранить молчание. Он казался несколько обескураженным тем, что Бартон не жаждет увидеть Геринга и собственными глазами убедиться в том, что вера и любовь способны сотворить из самой безнадежной, заблудшей и развращенной души. Коллоп подвел Бартона к своей хижине и познакомил с женой — невысокой изящной брюнеткой. Она была настолько приветлива и дружелюбна, что даже решила сопровождать обоих мужчин к главе местной общины, валкотуккайнену (это слово на распространенном в области жаргоне значило «седовласый» или «старейшина»).

Вилл Ахонен, огромный мужчина с тихим спокойным голосом, терпеливо выслушал Бартона. Бартон поделился с ним только частью своего плана, заявив, что хочет построить судно и пройти на нем до самого конца Реки. Он не упомянул о том, куда двинется после этого. Но Ахонен, вероятно, не раз встречался с такими же, как он, беспокойными душами.

Старейшина понимающе улыбнулся и ответил, что Бартон может строить свое судно. Однако обитавший здесь народ хранил строгие традиции в части охраны окружающей среды. Запрещалось рубить дубы и сосну, так что единственным доступным материалом оставался бамбук. Но даже его можно было приобрести только за табак и спиртное; так что пришельцу потребуется некоторое время, чтобы накопить необходимый запас.

Бартон поблагодарил финна и отправился назад. Вечером он расположился в хижине, стоявшей неподалеку от обиталища Коллопа. Спать ему не хотелось.

Незадолго перед дождем он решил покинуть хижину, рассудив, что прогулка в горы ему не помешает. Он может переждать дождь под каким-нибудь скальным выступом; потом тучи

разойдутся и неяркое, но почти незаходящее тут солнце обогреет его. Теперь, когда он был так близок к своей цели, следовало избегать неприятных сюрпризов. Вполне вероятно, что этики заслали в этот район множество своих агентов — и как ему показалось, подруга Коллопа была одним из них.

Он не прошел и полумили, когда первые капли дождя упали на его плечи и молния ударила в землю где-то поблизости. При свете ослепительной вспышки он увидел что-то мелькнувшее в воздухе футах в двенадцати над его головой.

Он развернулся и бросился под защиту деревьев, надеясь, что Они не заметили его и лесная чаша скроет его следы. В таком случае, он двинется в горы. И когда Они погрузят всех в этом районе в сон, обнаружится, что он опять сумел ускользнуть...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Нам пришлось долго и упорно охотиться за вами, Бартон, — произнес кто-то по-английски.

Бартон открыл глаза. Его перенесли сюда так неожиданно, что на секунду он растерялся. Но только на секунду. Он сидел в кресле из какого-то очень мягкого материала. Помещение, в котором он находился, имело правильную сферическую форму; сквозь его полупрозрачные бледно-зеленые стены Бартон мог видеть такие же сферические камеры, расположенные со всех сторон — впереди, сзади, вверху и внизу. Он вновь ощутил растерянность — остальные камеры не просто соприкасались с его сферой, они пересекали ее. Их стены проходили через оболочку его сферической комнаты и становились затем настолько бесцветными и прозрачными, что он едва мог различить их очертания.

На противоположной стене находился окантованный темнозеленым овал, кривизна которого повторяла форму поверхности сферы. В овале проступал призрачный лес; среди хрустальных деревьев скакал олененок, похожий на полупрозрачный фантом. Свежий запах сосны и кизила

исходил от картины.

Напротив него, в таких же креслах, полукругом сидели двенадцать человек — шесть мужчин и шесть женщин. Все обладали приятной внешностью; почти все — кроме двоих — были брюнетами или очень темными шатенами с довольно смуглой кожей. У троих на веках можно было различить слабую складку эпикан-туса; волосы одного из мужчин завивались так сильно, что казались почти курчавыми.

Светловолосые — женщина и мужчина — в остальном почти не отличались от своих собратьев. Длинные, волнистые волосы женщины цвета бледного золота были чем-то заколоты сзади. Мужчина, рыжий, с крупным орлиным носом и зелеными глазами, казался очень красивым, несмотря на несколько неправильные черты лица.

Все двенадцать носили серебристые или пурпурные блузы с короткими пышными рукавами и кружевными воротниками, легкие сандалии и кильты, схваченные по талии узкими, слабо фосфоресцирующими поясами. И у женщин, и у мужчин ногти на пальцах рук и ног были тщательно ухожены, губы и веки слегка подведены, в ушах покачивались серьги.

Над головой у каждого, почти касаясь волос, вращались многоцветные сферы почти футового диаметра. Они вертелись, бросая по сторонам отблески света, пробегавшего через все оттенки спектра. Время от времени сферы пронзали пространство комнаты длинными лучами — зелеными, голубыми, черными или сверкающими белыми; затем лучи исчезали, чтобы через несколько мгновений появиться вновь.

Бартон бросил взгляд вниз. На нем был только черный кильт, скрепленный застежкой на талии.

— Чтобы предупредить ваш первый вопрос, замечу, что мы не собираемся давать какую-либо информацию о том, где вы находитесь.

Это произнес рыжеволосый мужчина. Он улыбнулся Бартону, сверкнув безупречными зубами немыслимой белизны.

— Ну, что ж, — сказал Бартон, — тогда перейдем к тем вопросам, на которые вы согласны отвечать — кем бы вы ни были. Например, можете ли вы объяснить, как нашли меня?

— Мое имя — Лога, — сообщил рыжеволосый. — Мы обнаружили вас в результате сочетания длительных розысков и удачи. Этот процесс оказался довольно сложным, но я постараюсь

изложить его для вас в упрощенном виде. Мы поручили некоторому количеству агентов искать вас; их относительно немного, если учесть, что в настоящее время на берегах Реки обитает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч шестьсот тридцать семь кандидатов.

Бартон слегка приподнял брови. Кандидатов? Кандидатов, претендующих на что? На вечную жизнь? Неужели Спрюс сказал правду о целях Воскрешения?

— Нам не приходило в голову, что вы способны ускользнуть, совершив самоубийство, — продолжал Лога. — Даже когда вас обнаруживали в столь удаленных районах, что вы могли попасть из одного в другой только через воскреситель, мы ни о чем не подозревали. Мы думали, что вас убили — случайно или намеренно. Так продолжалось годами. Мы не имели понятия, где вы скрываетесь. У нас хватало других дел, так что рано или поздно пришлось снять почти всех агентов с дела Бартона, как мы его называли — кроме нескольких, дислоцировавшихся на обоих концах Реки. Каким-то образом вы узнали про башню на полюсе — позднее мы еще разберемся с этим, — он склонил голову, затем глаза его насмешливо блеснули: — Должен заметить,

что ваши друзья — Геринг и Коллоп — оказались нам очень полезны. Конечно, они не знали, что пересказывают вашу историю агенту-этику.

— Кто уведомил вас, что я появился в районе речного устья? — спросил Бартон.

Лога улыбнулся и сказал:

— Полагаю, вам не обязательно знать это. Все равно мы нашли бы вас — тем путем или иным. Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — так называется место, в котором вы столь неожиданно пробудились на стадии, предшествующей воскрешению — снабжена автоматическим счетчиком. Эти устройства были установлены для набора статистических данных — мы стремимся регистрировать все возможные параметры эксперимента. Любой кандидат, у которого число актов гибели намного превосходит среднее, подвергается более пристальному изучению. Точнее — будет подвергаться; сейчас у нас не хватает для этого рук. Тем не менее после вашего последнего — семьсот семьдесят седьмого — самоубийства мы обратили внимание на воскресители, которые использовались наиболее часто. Могу вас поздравить — на счетчике вашей капсулы были максимальные показания,

— Значит, есть и другие... странники?

— Они не являются предметом наших поисков, если вы это имели в виду. И их сравнительно немного... Итак, во время статистического обследования мы обнаружили вашу капсулу, но не имели понятия, кто же рекордсмен... капсула в тот момент была пуста. Однако два техника, которые видели вас тогда... во время первого пробуждения... опознали вас по фотографии. Мы настроили капсулу таким образом, чтобы в следующий раз, когда ваше тело окажется в ней, был дан сигнал. Так что, рано или поздно, вы все равно оказались бы здесь.

— Но, предположим, что я не умер бы еще раз?

— Ваша смерть была неизбежна! Вы хотели достигнуть полярного моря в районе устья Реки, верно? Так вот, это невозможно. Последние сто миль Река течет в подземном туннеле. Любое судно будет там разбито — и вас ждала бы гибель, как все прочих, отважившихся на это путешествие.

— А моя фотография — та, которую я отнял у Эгни... Она, очевидно, сделана на Земле, в то время, когда я служил в Индии... Как она к вам попала?

— Стараемся, мистер Бартон, стараемся, — ухмыльнулся Лога.

Бартон дал бы многое, чтобы стереть усмешку превосходства с этого лица. Казалось, ничто не

удерживало его в кресле; он мог встать, подойти к рыжеволосому и ударить его. Но Бартон знал, что этики вряд ли находились бы с ним в одном помещении, не приняв мер безопасности. Скорее они предоставили бы свободу бешеной гиене.

— Вам удалось выяснить, почему я пробудился раньше времени? — спросил он. — И есть ли еще другие... с которыми произошло нечто подобное?

Казалось, вопрос смутил рыжеволосого. И не только его. Несколько мужчин и женщин глубоко вздохнули, словно подавляя волнение.

Лога пришел в себя первым.

— Мы тщательно проверили ваше тело, — сказал он. — Вы даже не представляете, насколько тщательно... Мы исследовали каждый компонент вашего... психоморфа — думаю, можно назвать его так... Или ауры, если вы предпочитаете этот термин, — он указал на сферу, переливавшуюся над его головой. — Но мы не нашли разгадки.

Откинув назад голову, Бартон вызывающе расхохотался.

— Вы, ублюдки, — значит, вы ничего не знаете!

Лога натянуто улыбнулся.

— Нет. И, вероятно, никогда не узнаем. Лишь Он один — всеведущ.

С этими словами рыжеволосый коснулся своего

лба, губ, сердца и гениталий тремя вытянутыми пальцами правой руки. Остальные повторили его жест.

— Должен, однако, заметить, что вы напугали нас — если вам приятно это услышать, — продолжал Лога после секунды благоговейного молчания.— И пугаете даже сейчас. Видите ли, мы почти уверены, что вы можете оказаться одним из тех людей, относительно которых нас предостерегали...

— Предостерегали? Кто?

— Это... это... в некотором роде компьютер, гигантский компьютер... но живой... и его оператор... —он снова повторил правой рукой забавный жест.. — Вот все, что я могу сообщить вам — хотя вы забудете и мои слова, и то, что были здесь, внизу, когда мы отправим вас обратно в долину.

Гнев туманил рассудок Бартона — но не настолько, чтобы пропустить это «здесь, внизу». Означала ли оговорка рыжеволосого, что устройства для воскрешения и тайный центр этиков находились под поверхностью речного мира?

— Имеются данные, которые указывают на вашу потенциальную опасность для Проекта, — продолжал Лога. — Почему — или каким образом — мы не знаем. Но мы относимся с уважением

к источнику этих сведений — с уважением настолько большим, что вы даже не способны его вообразить.

— Если вы верите в это, то почему бы вам не сунуть меня на хранение в какой-нибудь ледник? — спокойно произнес Бартон. — Или подвесить между парой прутьев в этой... восстановительной камере? Я буду тихо и мирно висеть там, вращаясь, как жаркое на вертеле, пока ваш Проект не будет завершен.

— Мы не можем так поступить! — вскричал Лога. — Подобный акт обратил бы все в прах! Каким образом вы достигли бы спасения? И, кроме того, это означало бы непростительное насилие с нашей стороны! Немыслимо!

— Я убегал и скрывался от вас — разве это не являлось насилием? — произнес Бартон. — Вы захватили меня и держите здесь против моей воли, тоже совершая насилие. И, наконец, уничтожение воспоминаний об этой нашей маленькой встрече тет-а-тет также будет насилием.

Лога мучительно стиснул руки, неподдельное горе исказило его лицо. Если он был отступником, Таинственным Пришельцем, то следовало признать за ним незаурядный талант актера. С отчаянием в голосе он сказал:

— Да, это правда — но только отчасти. Мы вынуждены применять некоторые меры самозащиты. Если бы дело касалось другого человека, мы, скорее всего, просто оставили бы его в покое. Да, мы попрали свои собственные этические принципы, когда охотились за вами по всей долине и исследовали тут ваше тело... Мы сделали это... И, поверьте мне, расплатимся за все страшными душевными муками.

— Вы могли бы частично облегчить свою совесть, объяснив, зачем я и все остальные человеческие существа были возвращены к жизни. А так же — каким образом это сделано.

Лога заговорил; речь его время от времени прерывалась замечаниями остальных этиков, чаще всего — золотоволосой женщины. Наблюдая ее отношение к Логе, Бартон решил, что она либо являлась его женой, либо обладала более высоким рангом.

Иногда рассказ Логи комментировал другой мужчина. Когда он начинал говорить, на лицах остальных появлялось выражение почтительного внимания, из чего Бартон заключил, что он являлся руководителем группы. Однажды говоривший повернул голову так, что отблески света заиграли в одном из его глаз. Бартон вгляделся

пристальнее и заметил, что в левой глазнице этика находился крупный драгоценный камень.

БартоН подумал, что это, вероятно, какой-то прибор, позволяющий своему владельцу воспринимать нечто недоступное остальным. В дальнейшем он испытывал какое-то смутное беспокойство, когда блестящий фасеточный глаз поворачивался к нему. Что можно было увидеть с помощью этого многогранного кристалла?

К концу рассказа Бартон знал немногим больше, чем раньше. Этики могли наблюдать прошлое с помощью устройства, которое он, за неимением лучшего термина, назвал хроноскопом. Этот прибор позволял им производить записи любых существ на атомарном уровне. Используя записи в качестве исходных моделей, они формировали нужные организмы на конвертерах, преобразующих энергию в материю.

— Что случится, — спросил Бартон, — если вы одновременно воспроизведете два тела одной и той личности?

Лога криво усмехнулся и сказал, что такой эксперимент был как-то произведен. Только в одном теле вспыхнула искра жизни.

Бартон улыбнулся подобно коту, только что проглотившему мышь.

— Думаю, что вы лжете мне. Или говорите полуправду. Во всем этом есть какая-то неточность. Вы утверждаете, что человеческие существа могут достичь такого необычайно высокого духовного состояния, когда они сбрасывают свою телесную оболочку и, как вы выразились, «уходят». Но тогда почему же вы, этики — предположительно, высшие создания — еще здесь, в этом бренном мире? Почему вы тоже не «ушли»?

Лица у всех, кроме Логи и человека с кристаллом в глазнице, посуровели. Лога рассмеялся и сказал:

— Очень проницательно. Превосходное умозаключение. Я могу только ответить, что некоторые из нас действительно Ушли.

Но к нам, этикам, предъявляются более высокие требования, чем к воскрешенным обитателям долины.

— Я все еще думаю, что вы лжете, — с сомнением покачал головой Бартон. — Однако я ничего не могу с этим поделать. Пока не могу, — уточнил он, недобро усмехнувшись.

— Если вы будете упорствовать в своих заблуждениях, то никогда не получите возможность Уйти, — сказал Лога. — Мы объяснили вам, чем занимаемся; мы чувствовали, что это — наш долг

перед вами, и постарались выполнить его так хорошо, как могли. И когда мы поймаем остальных — тех, кто пытается вмешиваться в наши дела, — мы сделаем для них то же самое.

— Среди вас есть Иуда, предатель, — произнес Бартон, наслаждаясь эффектом, произведенным этими словами.

Но человек с кристаллом в глазнице резко сказал:

— Почему бы вам не поведать ему правду, Лога? Пусть с его лица сойдет эта отвратительная ухмылка, пусть он знает свое место!

Лога колебался; потом кивнул головой:

— Хорошо, Танабар, если вы так считаете... — он повернулся к Бартону: — Вам следует теперь вести себя очень осторожно, Бартон. Вы не должны больше совершать самоубийств, и вам придется так же упорно сражаться за свою жизнь, как раньше на Земле... когда у вас была только одна жизнь... и одна смерть. Существует предел возможного количества воскрешений. После определенного их числа — оно различно для каждого индивидуума и не существует способа предсказать его — психоморф теряет способность соединяться с телом. Каждый акт смерти ослабляет связь между телом и психоморфом. С течением

времени психоморф достигает точки, откуда уже нет возврата... Он становится — если употребить ненаучный термин — «потерянной душой». Он вечно скитается во вселенной; мы способны ощущать присутствие таких потерянных психоморфов без всяких приборов — в отличие от тех, которые... как бы это сказать?... «спасены» и стали полностью недоступны нашему восприятию... Итак, вы видите, к каким результатам приводит игра со смертью... Вот почему те несчастные, которые не могут смотреть жизни в лицо и вступают на путь непрерывных самоубийств, если и не совершают смертельного греха, то, в любом случае, идут дорогой без возврата.

— Этот предатель, мерзкий отщепенец, заявляющий, что хочет помочь вам, на самом деле использует вас в собственных целях, — произнес человек с кристаллом в глазнице. — Он не уведомил вас, что, выполняя его — и свои — планы, вы можете лишиться шанса достичь вечной жизни. Поймите, он или она — кем бы не был предатель — есть зло! Зло, зло! И теперь вам придется стать очень осторожным. Может быть, у вас в запасе есть еще дюжина попыток; или ваша следующая смерть уже будет последней!

Бартон вскочил и закричал:

— Вы не хотите, чтобы я добрался до конца Реки! Но почему? Почему?

— Прощайте, — тихо сказал Лога. — И простите нас за это насилие...

Бартон не видел, чтобы кто-нибудь из двенадцати шевельнул рукой. Но сознание покинуло его так же быстро, как стрела — тетиву лука. И когда он очнулся...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Первым его приветствовал Питер Фригейт. Увидев Бартона, американец потерял свою обычную сдержанность; на глазах его показались слезы. Бартон почувствовал, что его щеки тоже увлажнились; какое-то время он с трудом отвечал на вопросы, которыми засыпал его Фригейт. Ему самому в первую очередь хотелось узнать, что случилось с Фригейтом, Логу и Алисой после его исчезновения. Фригейт отвечал, что они долго искали Бартона, а затем отправились обратно в Тел ем — в ту маленькую страну у озера, где остались Казз, Монат и Лев Руах.

— Где же вы пропадали, дружище? — воскликнул Фригейт.

«Спускался я в провалы темноты,
Отважно и оттуда восходил
Опять к высотам»[5], —

процитировал Бартон.

Затем он улыбнулся и положил руку на плечо

---

[5] Примечания: 5

Джон Мильтон. «Потерянный рай», книга третья (перевод А. Штейнберга).

Фригейта:

— Однако, в отличие от Сатаны, я нашел по крайней мере нескольких превосходных и честных людей, богобоязненных и ненавидящих зло. Правда, их попадалось чертовски мало. Большинство мужчин и женщин все еще остаются такими же эгоистичными, невежественными, суеверными, самовлюбленными, трусливыми мерзавцами, какими они были на Земле. И

почти во всех местах, где я побывал, древняя красноглазая обезьяна-убийца борется со своим надсмотрщиком — обществом и, частенько сбрасывая его оковы, обагряет руки свои кровью.

Фригейт болтал без умолку, пока они шли к высокой изгороди в миле от берега, за которой находились административные здания государства Телем. Бартон слушал его вполуха. Он дрожал, сердце его стучало, как паровой молот, — но не потому, что впереди его ждала встреча с друзьями.

Он помнил!

Вопреки утверждениям рыжеволосого Логи, он помнил все — и свое пробуждение в восстановительной камере много лет назад, и допрос, которому его подвергли двенадцать этиков.

Существовало единственное объяснение: один

из двенадцати сохранил ему память, причем так, что остальные не узнали о его действиях.

Один из двенадцати — тот самый Отступник, его Таинственный Пришелец.

Но кто из них...? В данный момент он не имел возможности вычислить его. Но придет день — и он, Бартон, все узнает. Пока же ему остается удовлетвориться тем, что у него появился друг при королевском дворе — человек, который, возможно, использует его в своих интересах. Но придет момент, когда он, Бартон, заставит служить его своим целям.

Где-то в долине затерялись другие человеческие существа, с которыми был связан Пришелец. Вероятно, ему удастся найти их; все вместе они отправятся на штурм Башни.

Одиссею помогала Афина Паллада. Хитроумный царь Итаки выходил цел и невредим из опаснейших приключений благодаря своей ловкости и могуществу. Но время от времени богиня протягивала ему руку помощи.

Одиссея оберегала его Афина; у Бартона появился его Таинственный Пришелец.

— Что же вы собираетесь теперь делать, Дик? — раздался над ухом голос Фригейта.

— Я построю корабль и отправлюсь вверх по

Реке. Я пройду ее полностью, до самого конца! Хотите, поплывем вместе?